

BLANDIER

FEELERS SERIE

GIVE ME MORE

USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

SARA CATE

Я — негодяй. Плейбой. В общем, я кручусь, и не боюсь в этом признаться. Поэтому, когда мой лучший друг открывает Клуб непристойных игроков и предлагает мне возглавить строительство, как я могу отказать?

Сейчас мы путешествуем по стране, посещая другие извращенные-клубы, и я не могу быть счастливее. Жизнь хороша.

А потом Хантер неожиданно просит меня переспать с его женой... пока он наблюдает. Я готов на все ради своего лучшего друга, но это единственная просьба, на которую я должен ответить отказом. Изабель — женщина моей мечты, но она — его. И именно по той причине, по которой я должен сказать "нет", я говорю "да". Потому что я хочу не только Изабель.

Это два самых важных человека в моей жизни, и если мы пойдем по этому пути, как я смогу уйти?

Я не уверен, что мой лучший друг понимает, как много я готов сделать для него — и почему.

Сара Кейт

Дай мне больше

Клуб непристойных игроков 3

Семь лет назад

ХАНТЕР

— Итак, у меня в руке была горсть ее волос, и мы оба были в тот момент, когда я посмотрел ей прямо в глаза и сказал: — Соси мой член, как хорошая маленькая девочка. Следующее, что я помню, это то, как она замахнулась и ударила меня прямо в лицо.

Мои глаза расширяются от шока, и я чуть не давлюсь виски, только что вытекшим из моих губ. Сказать, что я не ожидал, что эти слова вылетят из уст моего друга и коллеги, было бы преуменьшением.

— Проклятие! — Я отвечаю Эмерсону, ставя стакан обратно на стол.

Рядом со мной Изабель кусает губу, пытаюсь подавить собственный смех. Это всего лишь третий раз, когда я приводил ее на наши вечерние вечеринки по четвергам, посвященные работе, и я не могу точно сказать, как она относится к вульгарности разговоров моих друзей.

Она еще недостаточно взрослая, чтобы быть здесь, и хотя мы встречаемся уже почти три года, обычно я нечасто приглашаю ее с другими. Она слишком... чиста для этой толпы.

Не считая Дрейка, конечно. Он всегда месте с нами.

За исключением одного, так как сейчас он бросает дротики с группой девушек, которые выглядят так, будто празднуют чей-то день рождения.

Я просовываю руку под стол, чтобы взять руку Изабель, бросая ей напряженную улыбку, когда она краснеет.

Она тихо смеется над Эмерсоном, когда он использует свой холодный стакан, как пакет со льдом, против синяка, формирующегося вокруг его глаза.

— Не думаю, что ей это понравилось, — говорит Мэгги. Она тоже наблюдает за Эмерсоном с игривой улыбкой на лице.

— Ты думаешь? — Эмерсон отвечает, поморщившись. — Я имею в виду... я думал, что мы прекрасно ладим. Она казалась достаточно извращенной, и она определенно проявила себя в этом, но, думаю, я ошибался. Явно не фанат небольшой сексуальной деградации.

Это никогда *не* удивляло, насколько откровенно мои друзья говорят о сексе. Не поймите меня неправильно — я ни в коем случае не ханжа, но меня воспитал несколько консервативный отец, который рекламировал праведность во всем, что ему удобно, но никогда в том, что ему не так. Он проделал чертовски плохую работу по сохранению крыши над нашими головами, а это означало, что я видел и делал довольно сомнительное дерьмо в те дни, просто чтобы остаться в живых.

Но сейчас? У меня есть стабильная оплачиваемая работа, два повышения в компании за последние шесть месяцев и девушка, на которой я планирую когда-нибудь жениться, пока я могу держать себя в руках.

Так что да, когда наши счастливые часы по четвергам становятся непристойными, мне становится немного не по себе. Изабель не такая, как мы с Дрейком. Она приехала со стороны города с белыми частоколами и породистыми собаками. И я планирую держать ее там. Эти парни, становящиеся все вульгарными со своими историями, меня немного напрягают, вот и все.

Когда мои друзья не говорят о сексе, они жалуются на развлекательную компанию, в

которой мы работаем. Что хорошо, потому что, конечно, я тоже это ненавижу, но я не могу потерять эту работу. Я не хочу, чтобы компания разорвалась, как бы мы все ни знали, что это неизбежно. Если я хочу сделать предложение Изабелле, что я и делаю после того, как ей исполнится двадцать один год, мне нужно иметь достаточно средств для первоначального взноса за дом и для того, чтобы купить ей кольцо, которого она заслуживает.

Другие могут ненавидеть компанию и хотеть уйти, но они, кажется, не понимают, насколько я полагаюсь на нее, чтобы обеспечить себе оставшуюся жизнь.

Мое внимание привлекает хор хихиканья с другого конца бара, и я поднимаю глаза и вижу, как Дрейк делает боди шоты с именинницей. Не знаю почему, но ловлю себя на том, что скриплю коренными зубами. Я не знаю, почему я удивлен. Он был таким с тех пор, как мы были подростками.

Это заставляет меня задуматься, как долго я буду единственным постоянно привязанным парнем в группе. Эмерсон и Гаррет в полной мере используют рабочие вечеринки и мероприятия и регулярно занимаются сексом.

Я отключился, когда разглагольствования Гаррета привлекли мое внимание. — Это бред, что нет способа сопоставить людей по странному дерьму, которое они любят делать в спальне.

Изабель присоединяется к остальной группе, когда они смеются над его нелепыми идеями. Я ловлю себя на том, что сжимаю ее руку под столом. Я хочу спросить ее, удобно ли ей или она хочет уйти, но, кажется, она в порядке. Даже несмотря на то, что ей всего двадцать лет и она неопытна, у Изабель есть сексуальное любопытство, которое я люблю. Она любит секс, но я стараюсь, чтобы для нее все было ванильным, поскольку она еще так молода.

— Я чертовски серьезен, — возражает Гаррет. — Как было бы здорово, если бы ты мог встретиться с кем-то, кто любит то же извращенное дерьмо, что и ты? Тебе не нужно было бы скрывать это или смущаться из-за извращений, от которых промокают твои трусики.

— Ты чертовски сумасшедший, Гаррет, — шучу я, и внезапно хватка на моей руке становится крепче. Я смотрю в ее сторону, а она хмурится, как будто я сказал что-то не так.

— Нет, — отвечает Гаррет, защищаясь. — У кого здесь нет каких-то причудливых желаний в спальне, которые вы всегда хотели осуществить, но слишком боялись спросить? Я имею в виду, очевидно, что Эмерсон не боится спрашивать.

Эмерсон снова вздрагивает, хмурясь от шутки Гаррета.

Гаррет, кажется, потерялся, подчеркивая эту идею так, как будто она когда-нибудь действительно сработает. Но поскольку Изабель нахмурилась, когда я в последний раз над ним подшучивал, я держу рот на замке.

— Из всего того дерьма, что ты наделал, о чем бы ты хотел попросить? — он спрашивает. — Знаешь, у тебя что-то есть. Итак, давай послушаем.

— Ты первый, — отвечает Мэгги с самодовольной ухмылкой. Мэгги — единственная женщина в нашей компании, но она не такая, какой ты ожидаешь от женщины, которая держит в узде троих похотливых мужчин. Она на удивление робкая и сдержанная, что объясняет, почему она задает этот вопрос Гаррету.

— Хорошо, — говорит он.

И пока Гаррет раскрывает свои немного неожиданные желания в спальне, мое внимание переключается с этого разговора на Дрейка. Теперь он стоит так близко к женщине с белым поясом, на котором написано «*Это мой день рождения*», и с тигрой на

голове, что кажется, что их рты могут столкнуться в любой момент. Мой желудок начинает сворачиваться, когда я смотрю, как она проводит руками вдоль его груди, а затем вверх по шее. Моя хватка на стакане с виски крепче.

Когда их губы вот-вот соприкоснутся, меня оторвал от экрана мягкий голос, объявивший: — Я хочу быть втроем.

— Да! — восклицает Гаррет, когда я гляжу на свою милую, невинную девушку, которая только что рассказала всем моим друзьям, что ее странное желание — это *ménage à trois*. (брачный союз втроем.)

— Видишь!

— Изабель! — Я заикаюсь.

— Что? — спрашивает она, пожимая плечами. — Гаррет прав. Это нормально — хотеть развратных вещей. Я не чувствую себя плохо по этому поводу.

— Молодец, — отвечает Мэгги.

Я замечаю легкий румянец на веснушчатых щеках Изабель, когда она улыбается.

— Не могу поверить, что ты только что это сказал... — Я гляжу на нее, наполовину удивленная, наполовину в ужасе.

— Подожди, — отвечает Гаррет, настаивая на этом. — Втроем с другой девушкой или втроем с другим парнем?

Я потираю висок, борясь с желанием вытащить ее отсюда, чтобы мои похотливые друзья больше не могли ее развратить. Но ее рот скривился, когда она обдумывала этот вопрос.

— Гм... я тоже так думаю.

— Хорошо, — отвечает он.

Я смотрю на нее с удивлением. Три года я знаю эту девушку. Три года я был влюблен в нее и два года с тех пор, как мы начали заниматься сексом, и я никогда не слышал об этом ее извращенном желании втроем.

— Хорошо, Хантер. Твоя очередь, — говорит Гаррет, но я тут же качаю головой.

— У меня ничего нет.

— Ну давай же. Я сказала свое, — возражает Изабель.

Но я пожимаю плечами в ответ. — У меня действительно ничего нет.

На их лицах появляется разочарование, прежде чем мы двинемся дальше. Хотел бы я рассказать им о своих самых сокровенных желаниях, но я никогда не позволяю этой мысли приходить мне в голову. Оглядываясь назад, в угол бара, я вижу, как Дрейк целуется с именинницей у стены, и снова скриплю зубами.

Они могут сколько угодно шутить о тайных желаниях, но никто из них никогда по-настоящему не узнает, как это мучительно — хранить свои навсегда, потому что мои никогда, никогда не *выйдут* наружу. Я не позволю.

На следующее утро все остальные в группе исполняют свое желание, потому что компания объявила о банкротстве, и мы все остались без работы. Паника, которая возникает во мне, беспощадна. Я уже рыщу по сайтам вакансий, когда звонит Эмерсон.

Когда он впервые рассказал мне о своей новой бизнес-идее — разработке приложения для знакомств, основанного на извращениях и сексе, — я подумал, что это сумасшествие и никогда не сработает. Я почти отвергаю его. Слова на самом деле на моих губах. У меня слишком многое поставлено на карту — будущее с женщиной, которую я люблю, и мне лучше устроиться на корпоративную работу с привилегиями. Но когда я смотрю на нее, где

она спит рядом со мной в постели, я думаю о том, что она сказала прошлой ночью. Как мило она заявляла о своем желании секса втроем, и я понимаю, что лучше буду жить с этой девушкой в квартире разгульной жизнью, чем скучной в доме. И если она может так жить вслух, то и я тоже.

Вопреки моему первоначальному мнению, я согласен взять на себя роль поиска и управления разработчиками приложения. И я даю себе обещание сделать это в течение одного года. И, честно говоря, я не ожидаю, что это продлится год, но, черт возьми, я ошибался.

“Клуб непристойных игроков” просуществовал намного дольше года и стал чем-то большим, чем приложение.

Правило № 1: Если ты не можешь быть третьим лишним, вместо этого устрой секс втроем

Дрейк

Я чертов негодяй. Я думаю, это старомодный термин, но мне не очень нравится современный перевод.

Плейбой. Мужчина-шлюха. Негодяй.

Я попробую с другой стороны. Я не занимаюсь отношениями и не выношу саму идею обязательств. Единственные люди, с которыми я был за какое-то время, которым я изменял — много раз. Первой была моя школьная подружка, имя которой я даже не могу вспомнить, и я не просто изменил ей, я изменил ей с ее лучшей подругой... всего через несколько часов после того, как лишил ее девственности.

Я же говорил тебе, негодяй.

Я не горжусь этим. Я не думаю, что это делает меня хорошим парнем, и я не из тех придурков, чтобы выставлять напоказ это, но я такой, какой я есть. Мне нравится трахаться, и, хотя я уважаю каждого человека, с которым я нахожусь, для меня не является приоритетом узнавать о них дерьмо. Мы можем хорошо провести время вместе и разойтись, и никто не пострадает.

Так что ни для кого не стало шоком, что, когда мой лучший друг предложил мне работу начальника отдела ремонта в его новом секс-клубе, я сказал, запиши меня, блядь. Я выложил кирпичи своего рая. Наконец, в расцвете сил, я должен быть настроен прожить свои дни именно так. В клубе мне не нужно беспокоиться о сексуальных партнерах, которые хотят завтра и навсегда. Я могу трахаться столько, сколько хочу.

Будь таким извращенным, как я хочу. С кем хочу — с девушками или парнями.

Что и приводит меня сюда. Одна красивая пара губ вокруг моего члена, а другая миниатюрная брюнетка скачет на моем лице. Она воеет, как будто в нее вселился дьявол, а ее клитор прикасается к моему языку. Я в двух секундах от того, чтобы выдернуть свой член изо рта ее подруги и засунуть ей в горло, просто чтобы она заткнулась.

Я собирался позволить ей кончить первой, но она выходит из-под контроля, поэтому я отбрасываю ее от себя и отрываю губы ее подруги от своего члена, чтобы заменить один рот другим. Это не первое их родео... это очевидно.

Иногда, когда это их первый секс втроем, вы можете сказать, как они спотыкаются в переходах, не совсем зная, куда идти, когда мы меняемся позициями или где их роли, но эти девушки опытные. Я могу сказать, когда начинаю набрасываться на другую девушку, как будто она участвует в соревновании по поеданию пирогов.

Как именно я сюда попал?

Ну, технически, вчера днем мы с Хантером и Изабель добрались до арендованного дома в Фениксе.

Но более конкретно, я приземлился здесь, в кисках, после того, как мои вышеупомянутые лучшие друзья решили бросить меня, чтобы отпраздновать свою годовщину

ночью в городе, оставив меня выслеживать некоторые украшения для матрасов в местном ночном клубе. Очевидно, это сработало как шарм.

Я имею в виду... не то чтобы я хотел отпраздновать с ними годовщину. Даже не годовщина свадьбы, а десятилетняя годовщина *знакомства*. Кто вообще празднует их после свадьбы?

Я не знаю, почему я звучу горько, потому что это определенно не так. Я имею в виду... я собираюсь всадить свой член в глотку двадцатидвухлетнему парню. Зачем мне жаловаться?

В любом случае, быть третьим лишним с этими двумя немного меня старит. Я был третьим лишним все десятилетие их отношений. Черт, я тоже был там в тот день, когда они встретились. Я помню выражение влюбленного лица моего лучшего друга, когда он встретился взглядом со скромной четырехглазой рыжеволосой девушкой, несущей книги через улицу.

Хантер подтверждает свой поступок. Получая работу ради нее.

Ради нее поднимался по карьерной лестнице. Делая себя владельцем клуба *для нее*.

Может быть, если бы я был из тех парней, которые могут поселиться с собственной красивой девушкой, я бы улетел немного дальше от их отношений, но поскольку я не такой, они практически относятся ко мне как к своему воплощению любви, держа меня рядом на их праздники и дни рождения, и, как вы можете видеть, на каникулы.

Я не вмешиваюсь в их жизнь, но они моя единственная семья. Это *все, что у меня есть*.

И на этой мысли — не совсем уверен, почему — я кончаю, стреляя прямо в горло громкой девочке, и она проглатывает его, как хорошая маленькая девочка. Я не уверен, что кто-то из них еще кончил, поэтому, когда мой член израсходован, я падаю на матрас и позволяю им кончить друг с другом.

В моем посторгазмическом состоянии я засыпаю, когда слышу, как вдалеке открывается входная дверь. В маленьком доме слышна негромкая болтовня и какое-то движение, пока я не слышу, как их дверь закрывается в коридоре.

Что-то тяжелое давит мне на грудь при этой мысли.

— Ты еще не закончил, не так ли? — спрашивает тихая девушка.

— Дай мне минутку, дорогая.

Вздыхнув, я расслабляюсь на спине, а та, у которой кольцо в носу — кажется, ее имя начинается на К — начинает целовать все выше и выше мое тело. Она уже гладит мой член, пытаюсь вернуть его к жизни. *Кристи, Келси, Кайла?*

Серьезно, женщина. Прошло минут пять. Вы когда-нибудь слышали о рефрактерном периоде?

Затем вдалеке раздается пронзительный стон, и я напрягаюсь. Между моей и их комнатами есть только гипсокартон, и совершенно ясно, насколько он тонкий, когда я снова слышу крик Изабель.

— Вот он идет, — говорит девушка, когда мой член утолщается под ее нетерпеливыми рывками. Другая девушка находится рядом с нами в своем послеоргазмическом восстановлении.

— Похоже на вечеринку по соседству, — отвечает сонный голос, когда кровать начинает медленно и грубо стучать о стену.

— Может быть, мы должны попросить присоединиться к ним. Сделай это одной *большой* вечеринкой, — добавляет девушка на моем члене.

— Ты говоришь слишком много. — Я переворачиваю ее и хватаю резинку с тумбочки.

Спрятав свой и без того твердый член в ножны, я слушаю, как мои лучшие друзья трахаются, когда я врезаюсь в девушку, стоящую на коленях передо мной. Она издает хриплый крик, поэтому я хватаю ее за волосы, притягиваю к себе так, чтобы ее ухо оказалось рядом с моим ртом, и бормочу: — Громче.

И она это делает, но этого недостаточно, чтобы заглушить звуки женщины в соседней комнате. Тот, который я не должен слышать, думать или отвлекаться.

Правило № 2: Небольшое соревнование никому не повредит

Изабель

Мой муж выглядит несчастным. На самом деле, я беру слова назад. Он выглядит счастливым, потому что Хантер хорошо умеет улыбаться и изображает ее для меня, когда ему нужно, но я могу рассказать об этом. Я вижу тонкие взгляды сожаления и печали на его лице.

— Ты уверен, что тебе нравится твой стейк? — Я спрашиваю.

— Да, детка. Я люблю его.

Он тянется через стол и берет мои пальцы в свою руку, нежно поглаживая костяшки пальцев. Я улыбаюсь ему в ответ.

Я не из тех женщин, которые посвящают себя тому, что общество считает *хорошей женой*. Я даже не знаю, что это значит. В молодости я была против женитьбы. Идея посвятить свою жизнь одним отношениям казалась иррациональной и пугающей. Как я могла пообещать одному человеку, что буду любить *только* его всю оставшуюся жизнь? Как, черт возьми, кто-то мог дать такое обещание? Как будто мы можем видеть будущее. Как любой из нас знает, что ждет за углом.

Но потом я встретила Хантера Скотта.

Хантер заставляет любить его легко. Он боготворит меня, делает меня лучше во всех отношениях, ободряет меня, вдохновляет меня и заставляет меня влюбляться в него немного больше с каждым днем.

Поэтому, естественно, я хочу, чтобы он чувствовал то же сияющее счастье, которое он заставляет чувствовать меня, но я могу сказать это по тому, как он крутит обручальное кольцо на пальце и жуёт нижнюю губу, глядя на красное вино в своем бокале.

— Мы должны были его пригласить? — Я спрашиваю.

Его взгляд танцует на моем. — Нет. Это наша годовщина. Он понимает. Кроме того, я уверен, что он уже спит с кем-то в прокате прямо сейчас.

Я проглатываю тревожное чувство, которое вызывает это изображение. Дрейк — взрослый мужчина, одинокий и великолепный. Он может делать все, что захочет. Я уверена, что это не помогает, что мы совершаем поездку по четырем различным секс-клубам во время нашей деловой поездки-слэш-мини-отпуска. Я чувствую, что мы берем нашего маленького мальчика в Диснейленд.

Изображение Дрейка в шапке с черными мышинными ушками и вышитым на спине его именем вызывает у меня смех.

— Что смешного?

— О ничего. Просто интересно, почему мы взяли именно Дрейка в эту поездку. Есть большая вероятность, что мы потеряем его где-нибудь по пути.

— Он всегда делает это на наших каникулах, — отвечает он со смехом.

— Мы уже должны знать, что не будем делить с ним арендную плату, — игриво отвечаю я.

— Мы действительно должны.

Его пальцы сжимают мои.

— Знаешь... мы должны были привести его на ужин. Так как он был там в тот день, когда мы встретились.

— Был ли он там? — Хантер отвечает. — Я помню только тебя.

Я закатываю глаза, пытаюсь скрыть румянец. — Остановись.

— Нет. Изабель, это был лучший день в моей жизни — первый из многих. Увидеть, как ты идешь в библиотеку со стопкой книг, а твои очки начали сползать с носа.

Он улыбается, и это заразительно.

— Ты издеваешься надо мной, — отвечаю я.

— Нет я не издеваюсь. Я точно помню мысль, которая пришла мне в голову в тот момент.

— Было ли это «кто все еще ходит в библиотеку?»

— Нет. Это было... «Хотел бы я заполучить такую девушку».

Наклоняясь вперед, я встречаю его на полпути, прежде чем наши губы встречаются. — И каким-то образом у тебя появилась такая девушка.

Когда он снова садится, на его лице снова серьезное выражение. — Потому что я изменился.

— Нет, — возражаю я. — Потому что я люблю тебя безоговорочно.

Он тербит рукава рубашки, по привычке опуская их, чтобы скрыть свои татуировки. Они ползут по его руке от запястья до шеи. Мой муж, похоже, считает, что, делая определенный выбор в возрасте от шестнадцати до двадцати трех лет, он недостоин любви. И я вижу самосознание.

Когда я встретила его, я была семнадцатилетней девственницей с глазами лани. Он был двадцатитрехлетним покрытым татуировками преступником, который делал то, что должен был, чтобы выжить. Мы пришли с двух разных сторон города, двух разных миров, двух разных путей. Но эти пути стали единым целым, и хотя наши истории были разными, наше будущее было одинаковым.

Внезапно Хантер был повсюду, куда бы я ни повернулась. Боясь, что он напугает меня, ему потребовались месяцы, чтобы набраться смелости даже заговорить со мной. Он довольно быстро сообразил, что меня можно найти в публичной библиотеке по крайней мере три дня в неделю. И когда он, наконец, подошел ко мне, он так нервничал, что я видела, как он дрожит. Это было восхитительно.

Но Хантер никогда не пугал меня. Даже с татуировками и репутацией в его глазах была мягкая доброта. Правда была в том, что я увидела его задолго до того, как он увидел меня.

По иронии судьбы, я всегда говорила себе: мне никогда не заполучить такого парня, как он.

— Я люблю тебя, — тихо бормочу я, кладя локоть на стол и кладя подбородок на руку, как влюбленный подросток. В некотором смысле, я думаю, я до сих пор.

Он улыбается, и от этих ярко-белых зубов все внутри становится липким и горячим. Почему он должен быть таким красивым? Так очаровательно и интересно смотреть.

— Я тоже люблю тебя.

Мои щеки краснеют, и я знаю, что моя шея и грудь ярче, чем мои волосы.

— Хантер... — говорю я тихим шепотом, когда моя нога мягко трется о его ногу.

Его позвоночник выпрямляется, а голова наклоняется, бросая на меня этот полный

вожделения взгляд.

— А теперь вернемся к аренде.

— Проверь, пожалуйста, — зовет он официанта, и я улыбаюсь так сильно, что у меня болят щеки.

Мы оба слышим стоны еще до того, как открывается входная дверь. Это всего лишь маленькая квартира с двумя спальнями в центре Финикса, рядом с клубом, в котором мы завтра вечером гастролируем. Это был самый разумный вариант, так как нас трое. Вместо двух гостиничных номеров по той же цене мы могли бы просто арендовать небольшой номер.

Но когда я кладу свою сумочку и слышу звуки, напоминающие женщину в агонии очень сильного оргазма, я начинаю пересматривать наши варианты.

— Отмени остальные наши бронирования, — шучу я.

— Господи... прости.

Я смеюсь. — Хантер... перестань извиняться. У тебя есть секс-клуб. Ты действительно думаешь, что это вообще влияет на меня?

Он прижимает меня к прилавку, кладет обе руки по обе стороны от меня, блокируя вход. — Ты уверена, что это тебя совсем не касается? Даже не немного?

Его губы мягко прикасаются к моей шее, прямо под ухом, и я хмыкаю в ответ. Он знает все мои слабые места.

— Хорошо... может быть... немного.

Его руки обвивают мою талию, когда он прижимает меня ближе. Прижавшись ртом к моему уху, он мрачно бормочет: — Может, устроим им жесткую конкуренцию ?

— О, детка. Ты же знаешь, что я могу добиться большего, чем она.

В этот момент в соседней комнате раздается еще один женский голос, и Хантер отстраняется, пока мы смотрим друг на друга широко открытыми глазами.

— Их, — поправляю я себя.

С этими словами Хантер перекидывает меня через плечо и с визгом несет в нашу спальню. Когда он захлопывает за нами дверь, стоны и стоны в соседней комнате внезапно становятся громче. Я предполагаю, что мы разделяем стену ... замечательно.

Чтобы отвлечь меня, Хантер бросает меня на кровать и дергает на край. Мои ноги быстро обхватывают его талию, когда он стягивает куртку, а затем начинает расстегивать рубашку, а я смотрю.

Облизывая губы, я наслаждаюсь видом моего мужа, снимающего с плеч белую хлопчатобумажную ткань, обнажая черные, белые и красные чернила, покрывающие его кожу, как второй костюм. Затем грубым рывком он задирает мое платье до талии и срывает с меня трусики.

Рыча, он падает на колени и покусывает внутреннюю часть моих бедер. Я корчусь от предвкушения, когда он достигает моего центра, лаская и облизывая яростными движениями, пока я громко стону.

— Давай, Рыжая. Ты можешь добиться большего.

На этой ноте он погружает два пальца внутрь меня, и моя спина выгибается с гортанным криком. Его рот дерзкий, а пальцы жестокие, когда он сосет и покусывает мой клитор.

Одеяла крепко сжаты в моих кулаках, и мои каблуки с лязгом падают на кафельный пол, а муж надевает мои бедра, как наушники, и даже не поднимается глотнуть воздуха, пока я не закричу.

Мой оргазм быстр и яростен, но прежде чем я успеваю прийти в себя, он ставит меня на колени и заползает на кровать позади меня.

Схватившись за спинку кровати, я готовлюсь к удару, когда он врывается в цель.

Хантер груб в постели. Это, наверное, моя вторая любимая вещь в нем — сразу после его доброго сердца. И, вероятно, дихотомия его личности делает секс таким восхитительным. Он теплый, добрый и тихий лично, но в спальне он дает волю. Он дикий, грубый и почти первобытный. Он рычит, командует и доминирует таким образом, что дает мне понять, что хочет меня и только меня. Что я ему *нужна*.

— Громче, — хмыкает он.

Я снова кричу, наша кровать ударяется о стену, и, клянусь, я слышу, как крики с другой стороны становятся громче. Потом я почему-то представляю, что он делает с ними в той комнате. Я представляю, как Дрейк врывается в эту девушку, как Хантер в меня. Я представляю, как пот стекает по его голой груди и вышуклостям пресса. Я представляю, как его грязные светлые волосы едва касаются плеч. Я представляю его лицо и думаю, как оно выглядит, когда он кончает.

Мое тело наполняется жаром и удовольствием, когда я снова кончаю, мои пальцы напрягаются, сжимая спинку кровати, когда я кричу.

Позади меня Хантер входит в меня еще два раза, прежде чем застонать от собственного оргазма. И когда я снова открываю глаза, я дышу сквозь волну стыда, а образ Дрейка все еще застыл перед моим мысленным взором. И на секунду почувствовала, что руки, сжимающие мои бедра, принадлежат ему.

Я быстро протягиваю руку и хватаю Хантера за руку. Повернувшись к нему, я вытряхиваю себя из своего воображения и чувствую облегчение, когда встречаюсь глазами с мужем. Единственный мужчина, о *котором* я должна думать, когда кончаю.

Так... что это было, черт возьми?

Правило № 3: Полуночные встречи на кухне могут быть очень поучительными

Хантер

Десять лет. *Десять лет* .

Все еще кажется, что это было вчера. Я до сих пор чувствую себя наркоторговцем за рулем потрепанного внедорожника моего отца. Двадцать три года, и он просто пытается выжить.

Десять лет в модных костюмах, хороших машинах и красивом доме, который я купил и оплатил для своей прекрасной жены.

Я не собираюсь нести какую-то чушь вроде того, что я этого не заслуживаю, потому что я знаю, что, черт возьми, заслуживаю. Я работал изо всех сил, чтобы обменять жизнь продажи МДМА на одну продажу БДСМ. Я не потерял связь. Где-то внутри я все еще тот глупый ребенок, которому повезло, что он не оказался за решеткой. Но я не чувствую себя плохо по этому поводу. Я сделал то, что сделала бы тюрьма. Я реабилитировался, и эта женщина рядом со мной была моим приговором.

Изабель тихо дышит, ее взлохмаченная копна янтарных волос наполовину прикрывает ее лицо. Наклоняясь, я оттягиваю пряди и целую ее в лоб, пока она спит. Затем осторожно выкатываюсь из постели, не разбудив ее.

Красный свет старого будильника на тумбочке показывает 3:22. Жизнь в клубе превратила меня в полуночную сову, бодрствующую всю ночь и засыпающую на рассвете. И когда я слышу, как на кухне закрывается шкаф, я знаю, что я не один такой.

— У тебя действительно плохие времена для строителя.

Мой голос разносится по темному пространству, и когда Дрейк слышит меня, стекло на прилавке звенит.

— Боже мой, брат. Ты напугал меня до чертиков.

Я не могу сдержать хриплый смешок, когда тянусь за стаканом прямо позади него, его голое плечо касается моего. — Извини.

— Не можешь уснуть? — он спрашивает.

— Ты меня знаешь, — лениво бормочу я. Наполняя стакан водой, я смотрю на своего лучшего друга, купающегося только в свете крошечной лампочки над плитой. Ставя напиток на прилавок, я улыбаюсь. — Я был уверен, что ты будешь без сознания. Это звучало как настоящая тренировка.

Он широко улыбается, прислонившись спиной к мрамору, его широкие руки упираются в поверхность, когда он взбирается на нее. В одних только джинсах, его босые ноги свисают, он выглядит почти гордым собой за весь шум, который он поднял сегодня вечером.

Технически, наверное, весь шум производили девушки.

— О, ты слышал это? — отвечает он с озорной улыбкой.

— Пошли, Дрейк.

Эмерсон и Мэгги, наверное, слышали это еще в клубе. Это маленькое чудо, что соседи не вызвали полицию. Это звучало так, будто ты топишь там диких кошек.

Теперь он посмеивается, его грудь быстро вздымается и опускается с каждым вздохом. Должно быть приятно иметь ручную работу, такую как строительство. Даже в тридцать четыре года он остается в идеальной форме, не тренируясь каждый день. Тем временем мне пришлось устроить полноценный спортзал в нашем подвале и жить там неполный рабочий день, чтобы сохранить свое телосложение.

Его работа на рабочих местах — это его силовые тренировки, а секс — его кардио.

— Эти девушки из Аризоны сумасшедшие. — Он смеется. — Я пробыл в клубе всего час, прежде чем меня засунули в Uber. Мы можем остаться? — он шутит с зубастой улыбкой, как ребенок.

— Ты можете остаться. Из и у меня есть еще три клуба в трех разных штатах, которые мы должны увидеть до следующей недели. Некоторых из них я точно знаю, и ты не захочешь их пропустить.

— Да, это звучит веселее. Кроме того, звуки, доносившиеся из твоей комнаты, были не намного спокойнее, чем из моей.

Он поднимает бровь в мою сторону.

— Ты слушал секс-звуки моей жены? — Я отвечаю, глядя в его сторону.

— О, как будто это было в первый раз. Помнишь, когда вам двоим приходилось делать это только на заднем сиденье внедорожника, а мне приходилось ждать снаружи? Или когда у нас была та квартира в городе, и я работал по ночам, пытаюсь проспать твои утренние сексуальные выходки.

Я посмеиваюсь в свой стакан с водой, когда слышу тихие шаги из спальни.

— Что вы, мальчики, все еще делаете?

Изабель выходит из коридора в своей пижаме, откровенных шортах и узкой майке, сквозь ткань которой видны торчащие соски. К этому моменту я преодолел всякую ревность по поводу Дрейка. Он уже видел Изабель в нижнем белье. Было немного трудно избежать этого, когда мы жили вместе в течение тех нескольких коротких лет, прежде чем он начал строить наш новый дом.

Но когда она наклоняется над прилавком, улыбаясь нам, а ее сиськи прижаты друг к другу и практически свисают из топа, я напрягаюсь.

— Значит, у тебя был веселый вечер, не так ли? — она дразнит его. — Я слышала двух девушек?

— Ты не ослышалась, — отвечает он с гордостью в своем тоне. Он улыбается ей, его взгляд твердо установлен на ее лице. Я могу только представить, какой подвиг силы ему нужен, чтобы даже не бросить взгляд на ее декольте.

— И они не утомили тебя? — она спрашивает.

— Изабель... ты думаешь, я не справлюсь с парочкой двадцатитрехлетних?

— Ты достиг возраста. Не могу больше тусоваться с этими девочками из женского общества, — отвечает она с саркастической улыбкой.

— О, я бы справился со *всем* женским обществом.

Она смеется. — Я уверена, что сможешь, Дрейк.

Тем временем я прислонился к холодильнику, наблюдая, как они ходят туда-сюда, легкая ухмылка тронула мои губы. Я мог бы смотреть, как эти двое продолжают так вечно. Мы с Изабель можем шутить и смеяться вместе, но у нас никогда не будет таких игривых отношений, как у нее с Дрейком.

И я не завидую этому. Потому что я знаю, что это все. Они шутят, как брат и сестра...

или, по крайней мере, как лучшие друзья.

Что имеет смысл. В тот момент, когда она стала моей девушкой, он тоже принял ее как своего друга. Всегда присматривал за ней, обращался с ней, как я, и приводил ее прямо в компанию. Как будто она всегда принадлежала ему.

Но так будет не всегда. Это говорит мой пессимистичный, мрачный мозг, но в глубине души я знаю, что часы нашей молодости тикают. В какой-то момент Изабель захочет детей или Дрейк остепенится. И эта семья, которая у меня есть сейчас, изменится.

И как бы я ни хотел создать семью с Изабель, и с Дрейком остаться, я ненавижу перемены. Если бы все могло остаться таким, как сейчас между нами, я был бы счастлив.

Они все еще продолжают это, смеясь и тыкая друг в друга саркастическими оскорблениями, и все это время его глаза не отрывались от ее лица, никогда не скользят по ее телу и не задерживаясь слишком долго на ее частях. Я вижу, как другие мужчины таращат глаза. Я имею в виду... она инструктор по йоге. Она живет в лайкре. И она чертов шедевр. Кто бы не хотел посмотреть?

Но Дрейк никогда этого не делает.

Это выражение ее лица, которое я не совсем уверен, что могу прочесть. Моя жена более осторожна, чем Дрейк... или мужчины в целом. Поэтому, когда она позволяет своему взгляду скользнуть по его грудным частям или кусает губу, когда улыбается ему, я начинаю задаваться вопросом, что происходит в ее голове. Я бы заплатил что угодно, чтобы знать. Даже если это означало, что она проверяла его.

Опять же... я не уверен, что могу ее винить. Дрейк так же приятен для глаз, как и Изабель. Его точеный пресс, золотистая загорелая кожа, грязные светлые волосы до подбородка и яркая, как молния, улыбка... чертовски трудно не смотреть.

Изабель зевает, выпрямляется и тянется к моей руке. — Давай вернемся в постель. У нас завтра трудный день.

Технически, сегодня. Мы встречаемся с владельцами секс-клуба здесь, в городе, и это первый из четырех клубов, которые мы посетим в этой поездке, чтобы сотрудничать, делиться идеями и обсуждать принадлежность к бренду. Я здесь не только для того, чтобы найти клуб непристойных игроков, но и для расширения возможностей. Эмерсон подумывает о втором месте, и выкуп уже существующего клуба будет проще.

— Давай, Рыжая, — шепчу я, беря Изабель под руку и целуя ее в шею. Мы машем Дрейку на прощание, и прямо перед тем, как я исчезаю в коридоре, я бросаю последний взгляд на него и с удивлением вижу, что его улыбка исчезла, и он смотрит, как мы уходим, с выражением тоски на лице.

Пока мы с Иззи заползаем обратно в постель, я спрашиваю ее: — Тебе кажется, с ним все в порядке?

Она смеется. — Это серьезный вопрос?

— Ага. Я только что заметил, что он выглядит почти грустным.

— Я уверена, что он просто устал. Он выглядел нормально, пока я с ним разговаривала, — отвечает она, прижимаясь к моей груди.

— Да, это потому, что он всегда улыбается вместе с тобой.

Она поднимает голову. — Что это должно означать?

— Ничего, — отвечаю я. — Только то, что вы двое, кажется, всегда заставляете друг друга смеяться. Но когда никто не смотрел, он казался немного подавленным.

— Так почему бы тебе не поговорить с ним завтра? — она спрашивает.

— Хорошо.

С этими словами я целую ее в губы и крепче прижимаю к своему телу. Ее сердце тихо бьется у меня в груди, и я начинаю засыпать. Ее мягкие волосы касаются моей руки, а нежное дыхание целует мою кожу.

Глядя на нее сверху вниз, я улыбаюсь, затем снова целую ее в макушку. Как, черт возьми, мне так повезло?

Десять лет, а я до сих пор не могу в это поверить.

Я просто хочу, чтобы Дрейк нашел кого-то вроде Изабель. Я знаю, что не представлял себе это грустное выражение на его лице, и вижу его не в первый раз. Он притворяется, что каждую ночь спит со случайными людьми — это сон, но если бы у него было то, что есть у меня, я знаю, он был бы счастливее.

Правило № 4: Держи друзей близко, а лучшего друга мужа — еще ближе

Изабель

Я могу быть немного предвзятой, но я думаю, что “Клуб непристойных игроков” должен быть лучшим секс-клубом в мире. Хорошо... мне не с чем сравнивать. Или *есть* с чем сравнить. По правде говоря, я никогда не ступала нога в другой секс-клуб.

Сегодня вечером будет мой первый.

Поэтому я могу немного нервничать. Одно дело зайти в секс-клуб, которым владеет твой муж и который построил его лучший друг, и совсем другое — зайти в чужой клуб, где ты не знаешь ни души.

По крайней мере, я вхожу с двумя чертовски горячими мужчинами рядом со мной. Я не должна так волноваться.

Но вдруг я вспомнила, как Хантер впервые выдвинул идею открыть секс-клуб со своими деловыми партнерами, и тот факт, что я подумала, что это безумная идея.

Ночной клуб — это одно.

Черт, даже стриптиз-клуб был бы преувеличением, но полноценный секс-клуб?

Наверное, я никогда не видела себя женой владельца секс-клуба, но я знала, что в тот момент, когда я влюбилась в Хантера, меня ждет дикая поездка.

Тихий, любящий йогу книжный ботаник, чьи родители — бухгалтеры, внезапно оказывается во владении самым причудливым заведением в Брайар-Пойнт.

— Ты дрожишь, — шепчет Хантер мне на ухо, когда мы проходим через парадные двери Fire Palace, семилетнего кинк-клуба в центре Феникса. Он более сдержанный, чем Salacious почти как спикизи с входом внизу, под, казалось бы, обычным баром. На улице было так тихо, что я подумала, что мы ошиблись местом, но как только мы прошли через дверь, я поняла, почему.

Fire Palace не шумный танцевальный клуб, и я нигде не слышу секса. Даже в нашем клубе, если прислушаться, можно услышать мягкий гул секса на заднем плане. Я имею в виду... это происходит почти в каждой комнате здания. Дрейк мог только сделать комнаты звуконепроницаемыми. Не говоря уже о том, что некоторые из них специально *не звукоизолированы*.

Когда мы подходим к прилавку хозяину, красивому блондину с волосами длиннее, чем у Дрейка, и голубыми глазами, сфокусированными прямо на нем, я улыбаюсь и пытаюсь спрятаться за двумя мужчинами.

— Хантер Скотт. Я здесь, чтобы увидеть Мирабель Сантос.

— О да, мистер Скотт. Она сказала мне, что вы придете.

Мужчина лезет под прилавок и достает ключ. Это не ключ-карта, как у нас. Это настоящий ключ, и он висит на черной цепочке для ключей, которая напоминает мне те, что использовались в старых отелях.

— Fire Palace организован по комнатам, чтобы обеспечить максимальную конфиденциальность и безопасность. Она сказала мне дать вам ключ от VIP-апартаментов,

где она встретится с вами ровно через час. Пожалуйста, воспользуйтесь люксом... — его глаза бегают между нашими тремя лицами, и мои глаза расширяются, когда я понимаю, что он имеет в виду, — как бы вы хотели, пока она не встретится с вами.

Дрейк сдерживает смех. — Нет ли бара, в котором я мог бы подождать?

— Боюсь, мы не подаем алкоголь, но наверху есть лаундж, где можно утолить жажду.

Ничего себе, мы звучим так взволнованно в нашем клубе?

— Разве мы не можем осмотреться? Разве нет места, где люди... общаются? — спрашивает Хантер.

— Пообщаться? У нас есть групповые занятия по четвергам и субботам вечером от...

— Неважно, — вставляет Хантер, выхватывая ключ у мужчины. — У вас есть вода или что-то в комнатах для моей жены, верно?

Он кажется напряженным, поэтому я нежно прижимаю его руку к своему телу, пытаюсь успокоить его. Ему еще рано выходить из себя, а Хантер немного вспылчив.

— Да сэр.

— И, пожалуйста, скажите мисс Сантос, что нам не нужен час. Мы здесь, чтобы увидеть демонстрацию шибари в десять, так что я был бы признателен, если бы она не заставила нас ждать в нашей... комнате.

Человек за прилавком выглядит неуверенно. — Да сэр.

— Пошли, — ворчит он, таща меня к двери.

— Думаю, я буду наверху, в баре, — говорит Дрейк, направляясь к лестнице, ведущей на улицу, и я чувствую укол разочарования, увидев, как он уходит один.

— Пошли, Дрейк. Ты же не хочешь пропустить демонстрацию.

— Пойдем с тобой... в твою секс-комнату?

— Мы не... Ты можешь просто пройти? — Хантер говорит.

Смеясь, Дрейк следует за нами через двери в клуб. Так много для того, чтобы быть тихим. В тот момент, когда мы входим в длинный темный коридор, звуки секса за каждой дверью смешиваются с громкими басами музыки. На самом деле я очень впечатлена тем, что мы не могли слышать ничего из этого в вестибюле.

Атмосфера этого клуба совсем не похожа на Salacious. Вместо того, чтобы войти в одну большую комнату, нам приходится блуждать по лабиринту коридоров с дверями с каждой стороны, пронумерованными золотыми буквами. Нам требуется несколько минут, чтобы найти нашу комнату тридцать три.

Держа Хантера за руку, я стою рядом, позволяя ему открыть дверь, и оглядываюсь на Дрейка, когда слышу оглушительный рев, доносящийся из комнаты напротив. Мы с Дрейком встречаемся взглядами и оба сопротивляемся желанию рассмеяться, прежде чем ворваться в нашу комнату.

В тот момент, когда за нами закрывается дверь, становится немного тише. Немного. Музыка здесь по-прежнему громкая, и я не могу понять, что издает грохот: бас или изголовье кровати.

— Это странное место, — бормочет Дрейк, оглядывая нашу комнату.

Хантер все еще сжимает челюсти, что, я знаю, означает, что он раздражен. Ему явно не нравится, что нас завели в комнату, как заключенных, но я знаю, что это была просто деловая тактика. Технически мы их конкуренты. Они *проявят* к нам уважение сразу после того, как смирят нас.

— Мне это не нравится, — бормочет Хантер.

— О, это не так уж и плохо... — говорю я. Комната хорошая. Он хорошего размера и пахнет чистотой, жасмином и хлопком. Справа гигантская кровать и диван вдоль стены с мини-баром и шкафчиком у противоположной стены. Здесь темно, что придает комнате сексуальную атмосферу. Что, я думаю, компенсирует тот факт, что сама комната немного... скучна.

Подойдя к шкафу, я открываю дверцы и нахожу именно то, что ожидал: веревки, наручники, крошечные бутылочки со смазкой, похожей на гостиничные шампуни, и миску с презервативами. В ящиках лежат запечатанные и нераспечатанные секс-игрушки — анальные пробки, фаллоимитаторы, анальные шарики. Меня смешит, что эти вещи меня больше не беспокоят.

— Это чушь собачья, — бормочет Хантер, шагая по комнате.

— Детка, расслабься, — отвечаю я, подходя к нему и проводя руками по его груди. Дрейк падает на диван позади нас.

— У нас есть час, — шучу я, пытаюсь поднять мужу настроение. — То, что Дрейк здесь, не означает, что мы не можем использовать комнату.

— Будь моим гостем, — смеется Дрейк.

Мой муж только закатывает глаза, но его плечи немного расслабляются, когда его руки скользят по моей спине. — Этой даме лучше поторопиться. Я не буду сидеть здесь взаперти в течение часа.

Не проходит и часа, как раздается стук в дверь. В спешке Хантер подходит и открывает ее. Красивая женщина с большими зелеными глазами и гладкими черными волосами вежливо улыбается нам.

— Я Мирабель, — говорит она с небольшим поклоном. — Надеюсь, вам понравилась ваша комната.

— Мы не просили комнату, — отвечает Хантер сквозь стиснутые зубы.

Заглянув внутрь, она замечает крупного мужчину на диване и удивленно приподнимает брови. — Жаль. Я не знала, что ты привезешь третьего. Я была бы счастлива разместить его в гостиной для одиноких.

— Есть зал для одиноких? — Дрейк скулит с дивана.

— Я поговорю с хозяином на стойке регистрации. Приношу свои извинения, — говорит Марибель с милой улыбкой. На первый взгляд она не кажется мне хозяйкой секс-клуба. Она выглядит такой милой и обычной.

— Спасибо, — отвечает Хантер, и я замечаю, как он немного расслабляется в моих объятиях.

— В своем электронном письме вы упомянули демонстрацию шибари. Вас все еще это интересует?

— Да, пожалуйста.

— Абсолютно. Вы трое можете следовать за мной.

Я снова оглядываюсь на Дрейка, и мы выражаем удивление, когда встаем в очередь за Хантером и Мирабель.

— Наши участники ценят осмотрительность, — говорит она, оглядываясь на нас. — Вот почему мы держим это в тайне с ключами и дверями. В нашем клубе есть общественные мероприятия и места для общения участников, но им нравится, что они могут прийти сюда по любой причине и не рисковать встречаться с кем-то, кого они знают за пределами клуба.

— В нашем клубе мы продвигаем открытый и непредвзятый подход. Им нечего

скрывать в поисках удовольствия в нашем клубе.

— Как же ты свободен, раз чувствуешь себя так, — отвечает она с застенчивой улыбкой, и Хантер хмурит брови. Затем Мирабель оглядывается на меня. — Ты спрашивал свою жену или любую другую женщину, если уж на то пошло, насколько удобно *им чувствовать* себя замеченным в секс-клубе? Общественные ожидания совсем другие.

Я отвожу глаза, когда замечаю, что Хантер смотрит в мою сторону.

— Мы работаем над тем, чтобы разрушить эти ожидания, мисс Сантос. Не угождать им.

— Я восхищаюсь тобой за это, — отвечает она, и на этот раз я чувствую на себе взгляд Дрейка. Глядя в его сторону, наши глаза расширяются, когда мы снова боремся с улыбками. Я думаю, мы *оба* находим это невероятно неудобным, но я рада, что он здесь, чтобы разделить со мной юмор.

Когда мы доходим до конца коридора, Мирабель достает из браслета ключ и отпирает дверь. Он выходит на большую площадь, напоминающую мне небольшой концертный зал. Комната широкая и узкая со сценой в другом конце. Люди сбиваются в небольшие группы, наблюдая за представлением. На пути стоят колонны, так что я пока не совсем понимаю, что происходит, но когда мы пробираемся в комнату, я ахнула, когда увидела молодого человека, подвешенного в воздухе. Он висит вниз головой, связан тугой черной веревкой. За ним стоит пожилой мужчина, медленно крутящий веревку, так что подвешенный человек вертится. Когда он возвращается лицом к пожилому мужчине, он притягивает его ближе, чтобы показать, что его рот идеально выровнен с пахом другого мужчины.

Я уверена, что он сделал это намеренно.

— Это Максвелл, — с улыбкой говорит Мирабель. — Он отличный инструктор по Шибари. Обязательно загляните в его мастерскую. Он вытащит кого-нибудь из зала для демонстрации.

Я подхожу ближе к Хантеру.

— Тогда мы останемся здесь, — отвечает он.

Когда я снова оглядываюсь на Дрейка, чтобы увидеть его реакцию на мысль о том, что его вытащат на сцену для демонстрации, он слишком занят, разглядывая женщину, которая кокетливо смотрит на него. Мне приходится сдерживать свою зависть, когда я вижу его внимание к кому-то другому. Я хочу расстроиться из-за этого, но, думаю, я не могу ожидать, что он останется со мной всю ночь.

Он только вчера вечером привел домой двух девушек... неужели ему так срочно нужно найти кого-то еще? Разве он никогда не устает от всего этого?

Кого я пытаюсь рассмешить?

Конечно, нет. Он молод и великолепен, и женщины одержимы им. Если он может быть свежим каждый вечер, зачем ему останавливаться?

Мы молча наблюдаем за демонстрацией, пока Максвелл медленно распутывает подвешенного в воздухе человека, дергая за веревки таким образом, чтобы он мог медленно и безопасно спуститься на пол, не упав на голову.

Прежде чем он закончил, я слышу, как Мирабель разговаривает с Хантером, ее голос едва перекрывает музыку.

— Твои гости могут остаться и посмотреть следующую демонстрацию, если ты хочешь пойти со мной в офис, чтобы мы могли поговорить о делах.

Хантер косится на меня. — Все хорошо?

— Конечно, — отвечаю я с улыбкой.

Взглянув на Дрейка, он кивает, и в ответ Дрейк делает шаг ближе ко мне, как будто мгновенно понял безмолвную просьбу своего лучшего друга защитить меня. Внезапно его интерес к леди ледяной воды пропал. Это не первый раз, когда Дрейку приходится *наблюдать* за мной в клубе. Хантер не любит, когда я хожу одна, даже в Salacious. Даже если это совершенно безопасно с камерами и вышибалами на каждом шагу.

Так что, если ему нужно отойти, он передает меня своему лучшему другу, как будто я ребенок, которому нужна няня. Это действует мне на нервы, но я не спорю. Он просто хочет защитить меня, и я знаю, что именно так Хантер показывает свою любовь.

Хантер прижимается губами к моей щеке, прижимая меня к своему телу.

— Веди себя хорошо, — рычит он мне в ухо, и мурашки бегут по моей спине от мрачного хрипа его слов, которые больше похожи на сексуальное обещание, чем на серьезное предупреждение.

— Или что? — отвечаю я, оглядываясь на него сквозь ресницы.

Он шлепает меня по заднице и целует в губы, вжимая язык между ними и владея моим телом, пока я не задыхаюсь в его объятиях. Затем он отрывается, оставляя меня дезориентированной и уставившейся на сцену.

Подвешенный человек больше не подвешен. Теперь он стоит спереди и в центре, совершенно голый, демонстрируя замысловатые следы веревки по всему телу. Толпа *охает* и *охает* на исполнителей, как будто они художественный шедевр.

— Похоже, это больно, — бормочет рядом со мной Дрейк.

— Что случилось, Дрейк? Боишься немного боли? — поддразниваю я, глядя на него. Он стоит ближе, чем раньше, почти позади меня, словно какой-то телохранитель.

Он наклоняется, пока его рот не оказывается ближе к моему уху, и отвечает: — Нисколько. А ты?

— Нет, — отвечаю я, высоко подняв подбородок.

— Ты хочешь сказать, что не возражал бы против того, чтобы тебя подвесили там, как пиньяту?

Я кусаю губу, сдерживая смех. — Это не сильно отличается от воздушной йоги, которой мы занимаемся в моей студии.

Его глубокий смешок вибрирует у меня за спиной. — Я гарантирую, что это совсем другое.

Человек с веревочными штампами по всему телу ушел, и на сцене остался только Максвелл, демонстрант, и я поднимаю взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть, как он смотрит на меня. Я замолчала, ожидая, пока он заговорит. Я чувствую, что меня поймал учитель, говорящий в классе.

— Вы двое, — зовет он меня и Дрейка.

— Мы? — спрашиваю я, указывая на свою грудь.

— Да. Вы двое идеально подошли бы для моей следующей демонстрации. Не хотели бы вы подняться сюда и попробовать это вместе?

— Я не... — начинает Дрейк, но мужчина перебивает его.

— Я не прикоснусь к ней. Только ты.

Дрейк напрягается позади меня.

Я потеряла дар речи, когда смотрю на черные веревки, свисающие с потолка. С одной стороны, это может стать отличной тренировочной возможностью, чтобы узнать, что нам нужно знать о Salacious, и мне бы очень хотелось посмотреть, как мы можем привлечь

наших участников к этим демонстрациям. Я тоже всегда хотела попробовать шибари. Это безвредно. Я имею в виду... мы здесь, чтобы учиться.

С другой стороны, если Хантер увидит меня на сцене, он может плохо отреагировать.

Но я буду с Дрейком.

— Хорошо, — кричу я, делая шаг к сцене.

— Действительно? — Дрейк тихо отвечает. Обернувшись, я протягиваю к нему руку.

— Это просто демонстрация. Мы должны изучить этот материал. Ну давай же.

Он колеблется, беря меня за руку, но все же позволяет мне подняться на три ступени вверх по черной сцене, где мы встречаемся с Максвеллом под ярко-розовым светом банки, сияющим со стропил.

— Прекрасная пара, — приветствует нас Максвелл, когда мы встречаем его посреди сцены.

Рука Дрейка все еще в моей, поэтому я быстро сжимаю ее и смотрю на него с поджатой улыбкой. Он лишь качает головой в ответ. Это уже делает его неудобным, я могу сказать.

— Спасибо, — отвечаю я Максвеллу.

— Я хотел бы показать тебе, как завязать ремни пятиугольника на этой красивой женщине, хочешь научиться? — он спрашивает.

Дрейк откашливается. — Конечно.

— Отлично. Платье прекрасное, но шлейка лучше подошла бы без него. Не могла бы ты снять его? Ты можешь сказать «нет».

У меня пересыхает во рту. Снять мое платье? На сцене?

Я просматриваю собравшуюся толпу в поисках признаков Хантера или Мирабель, но не вижу их. Я в лифчике, а это секс-клуб. Я имею в виду... вряд ли здесь неуместно быть полуголым. А я с Дрейком.

Это просто демонстрация.

— Ага, — быстро отвечаю я. Стянув бретельки с плеч, я позволила моему платью упасть до щиколоток. Когда я поднимаю его и поворачиваюсь, чтобы повесить на стул слева, я вижу выражение лица Дрейка, и он выглядит совершенно разъяренным. Его щеки покраснели, и нет, это не просто ярко-розовый свет, сияющий на нас. Его глаза широко раскрыты, а челюсть сжата. Он делает шаг ко мне, не сводя глаз с моего лица, а не моего почти прозрачного лифчика.

— Красиво, — говорит Максвелл. Затем он привлекает внимание Дрейка, протягивая ему одну из черных веревок.

— Теперь встань позади нее, — говорит он ему, и Дрейк повинуется. Он так близко позади меня, что я чувствую тепло его тела на своей коже.

— Свернув веревку вдвое, протяните ее между грудями и вокруг спины.

Я расслабилась и гордо стою там, глядя на публику, а Дрейк тянется вокруг меня и прижимает веревку к моей коже. Даже когда он кладет его мне между грудей, я в порядке. Но по мере того, как демонстрация продолжается, каждый шаг добавляет еще один слой веревки вокруг меня, между грудями, затягивая их все туже, пока они не начинают выступать сквозь слои веревки, мое тело начинает реагировать нервным возбуждением.

Я не совсем понимаю, что чувствует Дрейк, но каждый раз, когда его пальцы проводят по моей обнаженной коже, по коже бегут мурашки, и, клянусь, я почти представляю, как его прикосновение задерживается каждый раз, когда мы соединяемся. Даже сквозь стучащую музыку я слышу его дыхание у себя в ухе, когда он пытается связать меня.

Это всего лишь ремни на моей верхней половине, обмотанные вокруг груди и туловища. Я смотрю вниз и вижу узор в виде звезды на верхней части груди.

— Пожалуйста, повернись, чтобы показать зрителям узел сзади, — говорит ему Максвелл, и я немного вздрагиваю, когда меня разворачивает. В одних только стрингах и этой упряжи моя задница выставлена напоказ для публики, и хладнокровная уверенность, которую я чувствовала минуту назад, исчезла.

Пока Максвелл демонстрирует Дрейку, как завязывать узел у меня на спине, я сосредотачиваюсь только на прикосновении Дрейка и его успокаивающем присутствии, вплетая и расплетая веревку, пока она не будет завязана.

— Отлично, — объявляет Максвелл, когда все готово. Я смотрю на Дрейка, и мы обмениваемся долгим зрительным контактом, не похожим ни на что из того, что мы когда-либо делили. Это не наши обычные внутренние шутки или смех в неловкие моменты. Это интенсивно и интимно.

— Пожалуйста, повернись для публики, — говорит Максвелл, и я медленно поворачиваюсь, чтобы показать сбрую. Я могу быть в лифчике, но с таким же успехом я могу быть голой, потому что эта сбруя обнажает мою грудь.

Толпа аплодирует, и я думаю, что все кончено, меня накрывает чувство облегчения.

Но Максвелл пока не показывает нам, как его снять.

— Эта подвеска отлично подходит для разных позиций доминирования. Просто и эффективно. — Затем он смотрит на Дрейка и говорит: — Возьми ее за переднюю часть ремня безопасности и потяни к себе.

Мои широко распахнутые глаза встречаются с глазами Дрейка, прежде чем я осторожно киваю. Затем с интенсивностью, сияющей в этих голубых глазах на моем лице, он хватается ремни прямо между моих грудей и дергает меня к себе.

Воздух в моих легких практически выбивается из меня, когда я сталкиваюсь с его твердым телом. Жар пронзает мои внутренности, разжигая огонь внизу живота.

Толпа реагирует так, как я не ожидаю. Аплодисментов нет, но кто-то громко реагирует чем-то, похожим на стон, и у меня начинает кружиться голова от этого странного нового возбуждения, которого я не ожидала.

— Это отличная подвеска и для лифтов. Хочешь попробовать? — спрашивает он, глядя на Дрейка.

— Так? — спрашивает он, и он больше не выглядит злым. Он тоже не колеблется и не сдерживается. В выражении лица Дрейка есть что-то, что показывает, насколько он наслаждается этим сейчас. Что-то в этом действительно его возбудило, может быть, связывание веревкой — один из его изломов.

Затем Дрейк тянется ко мне сзади, удерживая тугий узел на моей спине, а другая рука тянется вниз, чтобы взять меня за бедро, когда он легко поднимает меня, и мои ноги инстинктивно обвивают его.

В тот момент, когда я обнимаю Дрейка своими бедрами, со мной что-то происходит.

Его талия шире, чем у Хантера. Ощущение другого мужчины между моими ногами чуждо, но это всего лишь Дрейк. Он мой друг... мой лучший друг. Он мне как семья, и между нами нет ничего сексуального, но сейчас... ощущение невесомости в его объятиях опьяняет.

— Ты в порядке? — шепчет он, легко обнимая меня, и наши лица разделяют всего несколько дюймов.

Не говоря ни слова, я киваю. Потому что я в порядке, и я не совсем уверена, правильно

это или неправильно. Это не кажется неправильным, но я немного беспокоюсь о том, насколько хорошо я себя чувствую. Даже если мы на самом деле не пересекаем черту, я определенно не должна чувствовать это возбуждение в объятиях лучшего друга моего мужа.

— Теперь ты можешь ее опустить, — говорит Максвелл, и я отрываю глаза от Дрейка, когда он опускает меня на землю. — Поверните ее, пожалуйста.

Дрейк разворачивает меня спиной к себе, и снова я думаю, что мы достигли конца демонстрации, и я всего в нескольких шагах от того, чтобы снять эту веревку и снова надеть платье.

Опять неправильно.

— Последняя позиция, — говорит он, и я смотрю на Максвелла, когда он говорит Дрейку, — Согни ее.

У меня пересыхает во рту. Потому что где-то в комнате я чувствую, как на нас смотрит Хантер. Я снова осматриваю комнату, но не вижу его. Хотя я его *чувствую*.

Он там. Он видит меня обнаженной и связанной с его лучшим другом, и мое сердце бешено колотится в груди при этой мысли.

Удерживая узел между моими лопатками, Дрейк подталкивает меня вперед, пока я не повисаю на бедрах. Затем я снова поднимаю глаза и на этот раз нахожу в толпе эти темные глаза. Он стоит на краю комнаты рядом с Мирабель и смотрит на меня и Дрейка. Там, где должны быть ярость и ревность, есть выражение благоговения и интриги. Почему он не останавливает это?

— С обвязкой контроль и толчки становятся намного мощнее. Будьте готовы продемонстрировать.

Мы с Дрейком одновременно напрягаемся. Но взгляды толпы прикованы к нам, и энергия в зале не позволяет нам отступить. Мы зашли так далеко и почти закончили, но даже когда мой муж наблюдает через всю комнату, я *чувствую* Дрейка позади себя. Я чувствую сексуальную энергию его тела, удерживающую мое. Подавляя, доминируя и контролируя меня таким образом, что мои трусики становятся мокрыми, а мое тело горит.

Откашлявшись, Дрейк отталкивает меня назад, но не совсем касается моего зада, как я ожидала. Я, наверное, не должен быть так разочарован, как сейчас.

— О, я думаю, ты можешь добиться большего. На самом деле покажи ей, — говорит Максвелл, и толпа вопит, подгоняя Дрейка. Я слышу, как он рычит позади меня, крепче сжимая мои ремни.

Затем меня резко дернуло назад, пока я не почувствовала, как он врезается мне в зад, и я издала воющий визг от внезапного удара. Горячее возбуждение разливается по моей крови от безошибочного ощущения его твердой, как камень, длины.

Толпа снова реагирует, на этот раз аплодируя и крича.

Как только Дрейк врезался в меня, он исчез. Я вдруг скучаю по весу его члена у моей задницы и, кажется, не могу перестать думать об этом. Даже когда я снова смотрю на Хантера через комнату, наблюдая за ним с более пустым выражением лица.

Затем Максвелл ведет Дрейка, снимая с меня привязь, и я не могу обдумать ни единой мысли. Мой разум плавает. Я продолжаю чувствовать его твердость против себя и неоспоримую силу толчка.

Когда мы уносимся со сцены, раздаются новые аплодисменты, и когда мы встречаем Хантера у двери, я поднимаю глаза и вижу, как Дрейк неловко ерзает.

— Это было впечатляюще, — говорит Хантер, обнимая меня за талию, теперь надежно

прикрытую моим платьем. Хотя веревка до сих пор горит, как эхо нашего времени на сцене. Я продолжаю смотреть на лицо Хантера, пытаюсь найти гнев, но его нет. Он кажется спокойным, и мне интересно, он просто накапливает свой гнев, когда мы наедине, или его лучший друг не так сильно расстроился, как должен был бы, увидев, как его лучший друг трет его жену на сцене.

— Мне нужно выпить, — бормочет Дрейк.

— Мне тоже, — отвечаю я.

— Тогда пошли, — добавляет Хантер, и с этими словами мы втроем быстро направляемся к двери.

Правило № 5: Зачем ревновать, если можно возбудиться?

Хантер

Поездка на машине до проката от клуба спокойная. Изабель сидит рядом со мной на пассажирском сиденье, сложив руки на коленях, и ее глаза прикованы к проходящему через окно городу. Позади нас размышляет Дрейк. Каждый раз, когда я смотрю в зеркало заднего вида, я ловлю его взгляд лишь на секунду, прежде чем он в спешке отводит взгляд.

Я нахожу их странное чувство стыда забавным. Они выглядят так, как будто их обоих поймали с руками в банке с печеньем, и, может быть, если бы я был неуверенным в себе человеком или хотя бы на мгновение подумал, что эти двое когда-нибудь даже подумают о том, чтобы предать меня, я бы беспокоился больше. Но не я.

То, что произошло на сцене, было всего лишь демонстрацией, и ведущий Максвелл явно недооценил их как пару. Небольшое шоу, которое они устроили, было забавным, особенно для меня, чем для кого-либо еще, поскольку я был единственным в зале, кто знал, насколько неудобно это было для них.

Увидеть их там наверху, мою полуголую жену в руках моего лучшего друга... не произвело на меня того впечатления, которого я ожидал. Когда я вернулся в главный демонстрационный зал, я остановился у двери, когда узнал двух человек в розовом свете. И пока мой разум повторял ритм *“какого хрена”*, мое тело не реагировало так же.

Может, мне стоило броситься на сцену и вырвать свою женщину из объятий Дрейка. Я, наверное, должен был закипеть от гнева при виде его пальцев, пробегающих по всей длине ее позвоночника, скользящих по едва прикрытым грудям и щекочущих нижнюю часть ее грудной клетки. Но я не ненавижу это.

Я вовсе не ненавижу.

Изабель выглядела такой маленькой по сравнению с телом Дрейка. Ее теплые медные волосы сияли еще ярче в розовом свете. И я не мог не задаться вопросом, что творилось у него в голове во время их небольшого эксперимента по связыванию веревки. Мне не пришлось долго удивляться, потому что в тот момент, когда Изабель отошла в сторону, все в комнате, включая меня, увидели его впечатляющую реакцию.

Он был тверд. Очень тяжело, если я правильно оцениваю со своей точки зрения.

Мой лучший друг явно возбудился, прикасаясь к моей связанной веревкой и полураздетой жене.

Я должен быть чертовски в ярости... но я не в ярости.

— О чем ты говорил с Мирабель? — кротко спрашивает Изабель, когда мы подъезжаем к прокату.

— Перекрестное продвижение. Она рассказала мне немного о том, как они обращаются со своими контрактами и фрилансерами.

— Хорошо, — отвечает она и снова замолкает. Она ведет себя странно.

— Вам понравился этот демонстрант? Мы можем поговорить с ним о приезде в наш клуб.

— Он был слишком формальным и чопорным, — ворчит Дрейк с заднего сиденья.

— Тогда неважно, — шучу я.

— Не знаю... Он мне вроде как понравился, — добавляет Изабель с милой улыбкой.

Моей жене нравятся все, поэтому иногда ее суждениям трудно доверять. Но это заставляет меня любить ее еще больше. В ее теле нет порочной или жестокой кости. Перегнувшись через консоль, я сжимаю ее руку.

Как только мы вернемся к аренде, будет уже за полночь, и мы, вероятно, должны быть измотаны, но мы втроем провели последний год, корректируя наши графики, чтобы приспособиться к поздним часам клуба. Изабель даже наняла сотрудников, чтобы открыть свою студию, и переключилась на занятия на закате, а не на рассвете.

Поэтому, когда мы входим в маленькое жилое пространство, никто из нас не идет к спальням. Вместо этого Дрейк достает бутылку текилы, которую купил сегодня в местном магазине, и открывает ее с решительным выражением лица.

— Я собираюсь надеть пижаму. Может, примем ванну с пеной, — говорит Изабель, наблюдая за угрюмым настроением Дрейка за кухонным столом.

— Звучит неплохо, детка, — говорю я, целуя тыльную сторону ее руки, прежде чем она исчезает в спальне.

Вернувшись в гостиную, я скептически смотрю на Дрейка, наливающего себе стакан.

— Лучше сделай два, — говорю я, и он не отвечает.

Вручив мне стакан, он отбрасывает свою рюмку, затем делает тяжелый выдох и бьет пустой стакан о стойку. — Мы можем поговорить, пожалуйста?

— Ты в порядке? — спрашиваю я, взбалтывая золотую жидкость в стакане.

— Нет, я не в порядке. Я связал жену своего лучшего друга в нижнем белье и чувствую себя из-за этого мудаком.

Впервые за сегодняшний вечер он наконец смотрит мне в глаза, и выражение его лица окутано раскаянием.

— Дрейк, все в порядке. Расслабся. Это была просто демонстрация.

Его брови хмурятся, когда он смотрит на меня.

— Перестань, — бормочет он.

Из моей груди вырывается смешок. — Остановить что?

— Быть слишком чертовски милым со мной. Относишься ко мне как к гребаному ребенку. Ты должен захотеть свернуть мне шею прямо сейчас. Ты хочешь ударить меня? Отлично. Просто сделай это.

Я смеюсь еще сильнее сейчас.

— Ты ведешь себя чертовски глупо. Я не слишком добр к тебе, потому что я ни хрена на тебя не злюсь. Что? Ты думаешь, я действительно волнуюсь, что ты пытался нащупать мою жену на сцене со мной в комнате? Господи, Дрейк. Я знаю тебя всю свою чертову жизнь. Если бы я хоть на секунду подумал, что ты когда-нибудь захочешь забрать у меня Изабель, думаешь, я бы держал тебя рядом так долго?

— Если бы это была моя женщина там, наверху, к которой прикасается другой мужчина... на которую тарашится целая комната, полная людей... я бы с ума сошел, — бормочет он за очередным стаканом текилы. — Я никогда не должен был позволять ей подниматься туда вот так.

— Ты коришь себя ни за что.

Его глаза находят мои над краем стакана, и он долго смотрит на меня, прежде чем

наполнить рот стаканом. Когда он снова говорит, он делает это немного тише. — С вами все в порядке, ребята?

Я вздрагиваю, прежде чем снова посмотреть на него. — Конечно. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты странно спокойно относишься ко всему этому.

— Потому что это не имело большого значения! — Я спорю. Когда он не расслабляется и не говорит ни слова в течение минуты, я беру бутылку из его рук и ставлю на прилавок. — Послушай, я так же удивлен, как и ты, но, увидев тебя с Изабель, я не разозлился. Может быть, это потому, что мы втроем практически выросли вместе, так что я видел тебя с ней так долго, что на меня это никак не влияет. Ты не можешь расстроиться из-за одной маленькой путаницы и случайного прикосновения к синице. Не то чтобы ты ее трахнул.

— Хантер! — рывкает он, вскинув голову и в ужасе глядя на меня. — Я бы никогда. Ты знаешь это.

— Я знаю это. Поэтому я даже немного не беспокоюсь. Теперь ты просто остынешь, черт возьми?

— Хорошо, — бормочет он. — Это было просто странно. Вот и все.

— Не могло быть так странно. Я имею в виду... все видели, как сильно тебе это нравилось, — отвечаю я с легким смешком.

— Боже мой! — рывкает Дрейк, отстраняясь от прилавка, как будто я ударил его. — Ты это видел?

Может быть, текила начинает действовать, потому что мне, наверное, не следовало признаваться ему в этом, потому что он выглядит слегка огорченным.

— Она горячая, — отвечаю я. — Думаешь, я буду ругать твой член за то, что заметил?

— Ты чертовски болен, — отвечает он, на этот раз улыбаясь.

И я чувствую облегчение от этого. Я ненавижу видеть своего лучшего друга таким расстроенным, что может объяснить, почему я не так расстроен, как должен был бы быть.

— Я пойду проверю ее, — говорю я, оставляя Дрейка на кухне. Он начинает рыться в своем телефоне, и по мягкому выражению его лица и легкой потере фокуса в глазах я могу сказать, что в него влилась текила. Что говорит мне о том, что он больше не будет расстраиваться из-за этого.

— Да, хорошо, — бормочет он, когда я выхожу из комнаты.

Когда я вхожу в нашу спальню с примыкающей к ней ванной, я мгновенно улавливаю запах лаванды, аромат, который сразу же заставляет мой член шевелиться, потому что это означает, что она рядом. Эти ванны с лавандой для нее почти ежедневный ритуал. Каждую ночь она убегает в свою теплую ванну с пеной, впитывая успокаивающий аромат, который затем приносит с собой в постель, чтобы наш секс и мои сны были пропитаны знакомым запахом. Оно спокойно проникло в мою жизнь, и я так не жалею.

— Привет, красавица, — шепчу я, заглядывая в запотевшую ванную и обнаруживая ее с книгой в руках и пузырями до подбородка.

— Привет, — сладко говорит она, опьяненная теплом воды.

Со смехом я сажусь на край ее ванны и провожу рукой по ее голове. — Красавица, на улице около ста градусов. Как ты можешь принять горячую ванну прямо сейчас?

— Ты знаешь, я люблю ночные купания. Кроме того, я хотела дать тебе несколько минут, чтобы поговорить с ним. Он в порядке?

— Он в порядке. Почему вы двое делаете из этого большое дело?

Я спрашиваю.

Она сидит немного выше. — Ты не злишься?

Я качаю головой.

— Нисколько. Если что... — говорю я, скользя рукой по ее щеке и вниз по влажной коже шеи. Она мычит в ответ. — Все это меня немного возбудило.

— Тебя возбудило то, что твой лучший друг прикасается ко мне? — спрашивает она дразнящим тоном.

И я знаю, что она шутит, потому что это смешно. Я был бы не в своем уме, если бы меня это возбудило, но она озвучивает точную мысль в моей голове, только в моей голове... Я не шучу.

Вид Дрейка с моей женой меня *возбудил*. Вид его рук на ее теле заставил мою кровь биться быстрее, чем я хотел бы признать. Это не совсем то, что я хочу распаковывать прямо сейчас. Или когда-либо.

Потому что в глубине души возбуждение, охватившее меня в тот момент, заставляет меня чувствовать себя менее мужчиной. Как сказал Дрейк, я должен был разозлиться. Я должен был потребовать ее, ударить его и превратиться в дикого, территориального пещерного человека. Но я этого не сделал. Вместо этого я смотрел с интригой и волнением.

И когда он врезался своим застывшим членом в мою жену, вздох, вырвавшийся из ее рта, заставил мой и без того твердый член вытечь из кончика. Я не хотел, чтобы они останавливались. Я хотел, чтобы он сделал это снова.

Даже сейчас я не могу отрицать видения, которые продолжают вспыхивать в моей голове. Представляя его там, наверху, вместо того, чтобы прятать свое возбуждение в штанах, выпускать его наружу, чтобы он мог вонзить его в нее по-настоящему. Чем больше я думаю о ее лице и звуках, которые она издавала, когда он трахал ее, тем сильнее и сильнее я становился возбужденным.

Прежде чем я потеряюсь в эротической спирали этих видений, я вытаскиваю руку из ванны и говорю: — Меня возбудило то, что ты вся связана этой веревкой.

— Ах, да? Итак, что ты собираешься с этим делать? — соблазнительно спрашивает Изабель, откладывая книгу в сторону и прислоняя голову к спинке ванны.

Я возвращаю свое внимание к ней, к этой богине женщины, лежащей обнаженной передо мной и ожидающей, когда я доставлю ей удовольствие. И я не хочу ничего, кроме как побаловать ее.

— Ну, дай подумать... — говорю я, расстегивая рукав на правом запястье. Она закусывает губу, глядя, как я закатываю ее до локтя. Как только она отодвигается, я снова касаюсь ее шеи, не торопясь, касаясь каждого идеального дюйма, от ее ключицы до ее правой груди, сжимая ее в нежном щипке. Она скулит, когда я провожу прикосновением по ее животу, и начинает извиваться, когда я нахожу крошечный треугольный пучок волос между ее ног.

Когда я провожу пальцем по ее складкам, она выгибает спину и испускает голодный стон. Скользя пальцем назад, я нахожу ее клитор и массирую его дразнящими кругами, когда она начинает корчиться в воде, из-за чего некоторые пузырьки переливаются через нее.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Рыжая. Скажи мне, как тебе это нравится.

— Да, — стонет она, сжимая пальцами стенки ванны. — Продолжай делать это.

— Это? — спрашиваю я, увеличивая давление на ее чувствительный кончик.

— Да, — снова говорит она.

Некоторое время удерживая прикосновение к ее клитору, я пытаюсь запомнить вид и звук ее удовольствия, поднося ее как можно ближе к ее кульминации, прежде чем замедлить массаж.

— Я хочу быть внутри тебя, красотка. Могу ли я быть внутри тебя?

Закусив губу, она откидывает голову назад и кивает. — М-м-м.

С этими словами я опускаю средний палец к ее входу, вжимаясь в нее одним медленным вторжением.

— О Боже, Хантер... — восклицает она, и я быстро закрываю ей рот другой рукой. Держа одну руку на ее лице, а другую погрузив глубоко в ее теплую киску, я толкнул ее внутрь, приближая ее к кульминации снова.

— Помнишь первый раз, Рыжая? Твое восемнадцатилетие. Когда я заставил тебя прийти с моей рукой в твою спальню, пока твои родители были внизу? Помнишь это? Это было именно так, не так ли?

— Да, — отвечает она, и моя рука приглушает ее голос.

— Я засунул руку тебе под юбку, и ты намочила мои пальцы. Помнишь это, детка?

— О, Хантер, да, — восклицает она, и по тому, как ее бедра крепко обнимают мою руку, я могу сказать, что она в разгаре своего оргазма.

— Это был лучший день в моей жизни, Рыжая. В первый раз я почувствовал, что ты пришла. Это был день, когда началась моя жизнь. Ты знаешь, что это правильно?

— Да, да, да, — протяжно мычит она, когда я убираю свою руку, чтобы на этот раз она могла громко закричать.

Не в силах совладать с собой, я прижимаюсь к ее губам, ощущая тепло ее языка на своем, знакомое трение. Эта женщина держит меня с тех пор, как я встретил ее десять лет назад.

И где-то в глубине души я знаю, что позволил ей выплакаться, потому что хочу, чтобы он это услышал. Не потому, что я хвастаюсь, а потому, что в некотором роде я чувствую, что он тоже должен участвовать.

Он всегда рядом, когда дело касается ее и меня.

Правило № 6: Если твои друзья не разрешают тебе покинуть поездку раньше времени, воспринимай это как верный признак того, что они действительно хотят видеть тебя рядом

Дрейк

— У меня осталось восемь месяцев до окончания срока аренды. Это полный бред, — кричу я в телефон. Мы находимся где-то в стороне от автострады на одной из тех придорожных аттракционов, и, хотя я хотел бы насладиться тем, что это за штука, унылый звонок от арендодателя важнее.

— Я в курсе, но в договоре аренды четко прописано, что владелец здания оставляет за собой право расторгнуть договор в случае проведения масштабных ремонтных работ.

У человека на линии гнусавый голос и заносчивый характер, и мне хочется прямо сейчас ударить его ножом в челюсть.

— Так куда мне, блядь, идти?

— Это не наша забота, мистер Нильсон. Я очень сожалею о причиненных неудобствах. У вас есть время до конца месяца, чтобы освободить помещение.

После этого телефонная трубка разрывается, и я не могу удержаться от желания выбросить телефон в пустыню.

— Уф! — прорычал я, шагая по испачканному жиром бетону, ожидая, когда Изабель и Хантер выйдут на улицу.

Когда я поднимаю глаза и вижу, что Изабель выходит с ярко-зеленым чучелом инопланетянина под мышкой и с чашкой кофе больше ее маленькой головы в руке, мое мрачное настроение начинает рушиться.

— Что это? — смеюсь я.

— Ты выглядел так, словно тебе не помешало бы немного развеселиться. Она протягивает мне инопланетянина, и я, физически не в силах сдержать хмурое выражение лица, позволяю своему выражению превратиться в улыбку только для нее.

— Спасибо, — отвечаю я. — Так что же это была за штука?

Она пожимает плечами. — На самом деле я не знаю. Может быть, это была кость динозавра? Или инопланетянин? Они не совсем точно описали его.

Я смеюсь, глядя вниз на зеленого инопланетянина. — Жаль, что я это пропустил.

— Все в порядке?

— Нет. Меня выселяют, — сердито бормочу я.

— Что? Почему? Ты сопротивляешься...

— Нет, — огрызаюсь я, прерывая ее. — Я вовремя вношу все платежи, но эти придурки решили, что хотят превратить мой дом в автостоянку.

— Боже мой!

— Да. Так что у меня есть время до конца месяца, чтобы выехать.

— А они могут это сделать? — спросила она, прикрывая рукой грудь. О, милая, наивная маленькая Изабель. Такая чистая, что даже не может понять, как работают мудаки. Мне это в ней нравится.

— Очевидно.

— Так что ты собираешься делать?

— Наверное, придется лететь домой из Остина. Мне нужно найти новое место жительства.

Может быть, мне показалось, или я просто вижу то, что хочу увидеть, но я клянусь, что в ее лице читается опустошение.

— Нет! Ты не можешь этого сделать.

А я-то думал, что я — надоедливый третий лишний. Конечно, ей бы понравилась приятная поездка с мужем наедине.

— Я должен. Мне нужно найти квартиру и съехать со старой в ближайшие три недели.

Когда ее рука ложится на мою руку, сжимая мой бицепс в утешительной хватке, мне приходится заставлять свое сердце не вырываться из груди. Каждое прикосновение к Изабель после прошлой ночи ощущается по-новому. Я до сих пор помню, каково это — держать ее в объятиях, ее ноги, обхватившие мою талию, и ее попку в моих руках. Мне снилось, что я снова связываю ее; на этот раз она была голой, и я был голым, и я все наматывал и наматывал веревку вокруг нее, пока ее тело не стало нашими телами, и я не связал их вместе.

Во сне я был внутри нее, уже не притворяясь, что между нами слой одежды, а глубоко зарывшись в нее так же, как мы симулировали прошлой ночью. Когда я проснулся утром, то более тридцати минут не мог пошевелиться, потому что бушующий стояк в моих боксерах дразнил меня моим собственным стыдом. Я бы никогда не поднял руку на девушку своего лучшего друга, и от того, что я дергаю свой член при воспоминании о ней, мне не легче.

Теперь между нами возникло новое напряжение, и я не могу этого вынести.

Изабель всегда была для меня таким же другом, как и Хантер. Я люблю ее... как сестру... нет. Я даже не могу сказать это мысленно, чтобы не чувствовать себя странно. Потому что, хотя я никогда бы не прикоснулся к ней таким образом, это не меняет того факта, что мое тело явно хочет этого. Поэтому сказать, что она мне как сестра, — это самое трудное "нет" из "нет".

— Дрейк, просто останься с нами, — говорит она сладким, умоляющим тоном.

— Как я уже сказал, я бы хотел...

— Нет. Я имею в виду... оставайся с нами. В доме. Ты же сам его построил. Я не позволю тебе спешно искать новую квартиру. Сдай свои вещи на хранение и просто займи дополнительную комнату у нас, пока не найдешь что-то более постоянное. И ради Бога, купи на этот раз.

Я надулся, мои плечи опустились, когда я улыбнулся ей. — Я не могу этого сделать, Изабель. Я и так нахожусь в полной заднице.

Колокольчик на входной двери звякнул, открываясь, и мы оба подняли глаза, чтобы увидеть темные кудри и загорелую кожу самого дьявола, выходящего из магазина.

— Что случилось?

Он сразу же замечает наши серьезные выражения.

— Скажи Дрейку, чтобы он остался с нами.

Хантер замирает.

— Хорошо... Дрейк, оставайся с нами, — говорит он, беспрекословно повинуясь жене.

— Его хозяин выселяет его в этом месяце, чтобы превратить его квартиру в гараж, — добавляет она.

— Серьезно?

Я киваю, испуская тяжелый вздох. — Они хотят, чтобы я выселился к концу месяца. Я должен сократить свою поездку. Я вылетаю из Остина.

Если я и хотел, чтобы Изабель выглядела разочарованной новостью о моем уходе, то это ничто по сравнению с тем, как приятно видеть мгновенную реакцию Хантера на эту новость. Затем, как и подобает Хантеру, он берет ситуацию под контроль.

— Нет. Ты не можешь уйти раньше. Мне нужна твоя помощь. Ты занимаешься инфраструктурой клуба, помнишь? Я в этом ни черта не понимаю. Так что ты должен остаться в поездке.

— Чувак, у меня есть три недели, чтобы съехать и найти новое место жительства.

— Изабель права. Просто оставайся с нами. У тебя будет неделя, чтобы перевезти свои вещи на склад после того, как мы вернемся домой. Ты и так практически живешь у нас. Так что наслаждайся остатком путешествия с нами, а о квартире будешь беспокоиться, когда мы вернемся.

Моя челюсть сжимается, когда я понимаю, что меня загнали в угол. С Хантером невозможно спорить. Он всегда был таким. Лидер, принимающий решения, главнокомандующий нашей дружбы, и я бы солгала, если бы сказала, что это меня беспокоит. Правда в том, что это всегда давало мне странное чувство комфорта, зная, что все в его руках. Даже, иногда, моя жизнь.

— Кроме того, все, что у тебя есть, — это кровать и диван. У тебя даже телевизора в этой квартире нет. Нам понадобится меньше часа, чтобы все это вывезти. Так что просто расслабься.

Он трогает меня за плечо, проходя мимо, обнимает Изабель и ведет ее к машине.

Я не знаю, почему это меня так беспокоит. Если я люблю передавать контроль над ситуацией, то почему этот раз так сильно меня беспокоит? Может быть, потому, что Хантер не представляет, как сильно меня пугает перспектива жить с ними. Это не имеет ничего общего с тем, что я живу с ними в одном помещении. Я имею в виду, конечно. Мы вместе едем в двухнедельное путешествие, снимаем жилье и машину, и, как он сказал, я все время остаюсь у них. И я жила с ними раньше.

Но что-то в том, что я живу с ними сейчас, пусть даже временно, заставляет меня волноваться. Что, если я сразу не найду себе место? Что, если я привыкну к их присутствию? Пить кофе с Изабель каждое утро. Каждый вечер засиживаться допоздна с Хантером. Делить еду и стирать вместе. Это чертовски домашняя обстановка, и что-то в этом есть такое, от чего у меня мурашки по коже.

Я люблю Хантера и Изабель, но их счастливая семейная жизнь не для меня. Спать с одним и тем же человеком каждую ночь и просыпаться с одним и тем же человеком каждое утро. Это однообразие кажется таким тоскливым.

А как насчет того, чтобы приводить домой женщин? Я не смогу привести в их дом проститутку. Я никогда не делал этого раньше, и это явно отличается от аренды жилья. Это их дом.

Хорошо, что у меня есть клуб.

Черт, между работой и Salacious я сомневаюсь, что когда-нибудь окажусь у них дома.

И мне не нравится мысль о том, чтобы прервать эту поездку, даже после неловкого момента на сцене прошлой ночью.

— Отлично, — бормочу я, сидя на заднем сиденье Durango Хантера, когда мы отъезжаем от заправки.

Изабель поворачивается ко мне с волнением. — Ты сделаешь это? Ты останешься?

Я ухмыляюсь. — Да. Я останусь. Но только на неделю или две. Пока не найду место получше.

— Конечно, — говорит она.

Наши глаза встречаются, и волнение в ее лице перерастает в нечто другое, более сильное, чем просто желание. Я бы отдал правую руку, чтобы узнать, о чем она сейчас думает, чтобы понять, насколько она действительно взволнована и почему.

— Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь, — говорит Хантер, глядя на меня через зеркало заднего вида, и я быстро отвожу глаза от их обоих взглядов.

— Спасибо. Вы, ребята, слишком добры ко мне.

Когда я чувствую руку Изабель на своей ноге, я вздрагиваю, чего никогда раньше не делал. И она замечает это, но не убирает руку. — Тебе не нужно благодарить нас, Дрейк. Ты — член семьи. Мы готовы на все ради тебя.

Я знаю, что она говорит правду. Они готовы на все, но в этом-то и проблема. Хантер и Изабель держат меня на коротком поводке... и они даже не знают, что делают это. Это как эмоциональная граница, которую я не могу пересечь, не позволяя мне уйти от них слишком далеко. И это моя вина — потому что я неоднократно потакал им на протяжении последних десяти лет.

Я так долго был третьим лишним в их жизни, что не знаю, как быть без них, и знаю, что скоро я им надоем. Эта маленькая триада рано или поздно должна закончиться. Мне не очень приятно думать об этом, потому что дело не в моих чувствах к Изабель или Хантеру... дело в них с большой буквы "Т".

Они мне дороги больше, чем кто-либо другой в мире.

Правило № 7: У каждого найдется своя изюминка

Хантер

Из Феникса в Остин ехать долго. Мы с Дрейком ведем машину по очереди, а в Эль-Пассо он сменил меня. Изабель мирно спит, положив голову мне на колени на заднем сиденье, а у Дрейка включена музыка, что означает для меня много времени для размышлений. И единственное место, где мой разум больше не хочет оставаться, — это та демонстрация в клубе прошлой ночью.

Сначала было странно, как я не разозлился при виде ног моей жены, обхвативших моего лучшего друга. Но еще больше настораживает то, что каждый раз, когда я думаю об этом, меня охватывает возбуждение, и мне приходится поправлять себя в штанах.

Теперь я просто обязан признаться в этом, по крайней мере, самому себе — мысль о том, что они вместе в сексуальном плане, меня возбуждает.

Я занимаюсь кинком уже семь лет. Я знаю, что то, что нас возбуждает, не обязательно должно быть чем-то постыдным — конечно, при условии, что это происходит по согласию. Поэтому я не собираюсь смущаться этого нового откровения. Я такой же человек, как и все остальные, и я контролирую свои извращения не больше, чем Гарретт, вуайерист, или Эмерсон, Дом.

Но почему я не замечала этого раньше?

Когда мы запустили приложение для знакомств Salacious, которое до сих пор работает без сбоев благодаря нашей команде разработчиков, я возглавил этот отдел. Я нашел ребят, которые занимались техническими вопросами, но это также означало, что я отвечал за организацию всей этой чертовой затеи. Я должен был объяснить группе девственников, пишущих коды, что означает каждое из этих извращенных обозначений и как задать алгоритм, который отфильтрует подписчиков приложения по их соответствующим извращенным группам.

Так что в вопросах кинка я разбираюсь, пожалуй, больше, чем любой другой владелец клуба.

А это значит, что я точно знаю, что такое рогоносец, известный в последнее время как “горячий муж”. Семь лет назад я и не подозревал о его существовании, но, судя по всему, есть немало людей, которые хотят посмотреть, как кто-то трахает их любимого человека. За последние несколько лет популярность этого вида секса возросла, и он вошел в пятерку лучших в наших категориях, что означает, что наши пользователи больше любят рогоносец, чем порку и паддинг, которые заняли седьмое место.

На первом месте оказалось подчинение. Оказывается, хорошего Дома найти не так-то просто.

Мне кажется странным, что все это время, когда я помогал команде разрабатывать алгоритм и составлять весь тест “Найди свою изюминку”, который должны были пройти новые участники, я даже не подозревал, что у меня самого есть такая изюминка.

Но рогоносец основан на унижении и деградации, а я точно не хочу быть униженным. Я хочу, чтобы меня возбуждали. Делает ли это мою изюминку более горячей — просто парень,

который хочет разделить свою прекрасную женщину с кем-то еще? Да кто его знает и кого волнуют условия? Суть в том, что... сама мысль о них возбуждает меня, и я хочу знать, почему.

Мысль о том, что я могу возбудиться, наблюдая за тем, как кто-то другой трогает Изабель, никогда не приходила мне в голову. До тех пор, пока я не увидел, как Дрейк поднял ее на руки, одной рукой крепко держа за задницу, а другой — за ремни, обмотанные вокруг ее торса. И мое тело тут же отреагировало на это висцеральным откликом.

Но именно это инстинктивное собственничество и возбудило меня в первую очередь. Потому что она моя, я хотел видеть, как он прикасается к ней. Потому что она моя, я хотел видеть, как он ощущает, насколько она совершенна. И то, что он прикасается к тому, что принадлежит мне, только усиливало мое желание снова овладеть ею.

Это пробудило во мне что-то первобытное и территориальное.

Настолько сильное, что я хочу видеть их прикосновения снова. Я знаю, что это безумие, но ничего не могу с собой поделать. Даже сейчас, когда ее голова покоится на моей ноге, одна мысль о ней на члене Дрейка возбуждает меня.

Я бросаю взгляд на зеркало заднего вида, но глаза Дрейка сосредоточены на дороге, и он покачивает головой в такт классическому року, звучащему из колонок. Наблюдая за ним, я ненадолго задумываюсь... только ли Дрейка я хочу видеть с Изабель?

А если бы это был Гаррет? Или Эмерсон?

Образ неудобен и не подходит. Он не производит того же эффекта, что образ моего лучшего друга.

Но стал бы он это делать? Нет. Я знаю этот ответ без раздумий. На свете нет более преданного человека, чем Дрейк, и с того момента, как я объявил Изабель своей, он вскинул руки, сдаваясь, и ни разу не заикнулся о том, какой красивой она ему показалась в тот день, когда мы увидели ее проходящей мимо.

У нас с Дрейком нет истории происхождения. Я не помню ни одного момента в своей жизни, когда бы его не было рядом. Мы выросли соседями на совершенно другой стороне дороги, чем Изабель, и когда мир не давал нам ничего, мы всегда были друг у друга.

Когда мой отец в пьяном и злом виде набрасывался на меня, я прятался в подвале Дрейка. Когда его мать приводила домой очередного безликого и безымянного бойфренда, не испытывающего никакого уважения к собственному сыну, он убегал в мою комнату. На протяжении многих лет мы прикрывали друг друга, что означало некоторые менее чем сомнительные решения в подростковом возрасте, но когда я решил очистить свое будущее ради Изабель, я взял Дрейка с собой. Я одолжил ему деньги, необходимые для получения лицензии на подрядные работы, и открыл собственную компанию, не оставив ему ни малейшего выбора. Я не собирался его бросать. Никогда.

Так сделал бы он это, если бы я попросил его? Без сомнения, нет. И не потому, что ему трудно мне отказать, а потому, что он просто такой верный.

А она бы сделала?

Это более сложный вопрос. И я не люблю об этом слишком много думать. Она сделает это, если я попрошу, потому что Изабель именно так и поступает. Она делает меня счастливым, чего бы мне это ни стоило. Но захочет ли она этого? Вот в чем вопрос.

Я не слепой. Я знаю, что Дрейк более привлекателен, чем я. Он выше, стройнее, у него меньше татуировок, а лицо создано для улыбок, а не для хмурых взглядов. Если уж на то пошло, он больше подходит моей скромной Изабель, если бы не его неумная

распущенность.

Конечно, все эти мысли чисто гипотетические. Я не могу заставить себя попросить об этом на самом деле, не так ли?

Нет, это нелепо. Просить двух людей пожертвовать своими ценностями ради моего личного удовольствия. Я бы не смог так поступить с ними. Что они получают от этого? Кроме секса, конечно.

И если я что-то и могу сказать по этому маленькому представлению на сцене, так это то, что между этими двумя явно есть какая-то химия и они хотят друг друга. Если я попрошу их заняться сексом и дам мне посмотреть, разве я не дам им разрешение сделать то, что они уже хотят?

Изабель была только со мной. Может быть, если бы она была с кем-то другим, это дало бы ей больше перспектив. Она могла бы увидеть, что такое секс с кем-то другим, даже с риском того, что ей это понравится настолько, что она захочет еще. На такой риск я бы пошел.

Правило № 8: Если ты собираешься предложить своему лучшему другу и жене переспать вместе, завтрак — не самое подходящее для этого время

Хантер

— О, тут на соседней улице есть бранч, где подают мимозу, — говорит Изабель, глядя в телефон. Только что из душа, с мокрыми волосами, спадающими каскадом по спине, она устроилась на одном из стульев в столовой, пролистывая список лучших мест, где можно поесть в Остине.

— Звучит неплохо, — ворчливо отвечает Дрейк, глядя на свою кружку. — Но сначала кофе.

— Интересно, а у них еще есть поздний завтрак, — добавляет она.

Была уже глубокая ночь, когда мы наконец-то подъехали к Остинскому отелю, в котором остановились на следующие две ночи. На этот раз нам достался настоящий отель, но это номер-люкс, так что мы по-прежнему живем в одном номере, но не делим пространство. В номере большая гостиная и огромное окно с видом на город.

Первая мысль, которая приходит мне в голову, когда я открываю глаза, — это та маленькая идея, которая пришла мне в голову вчера перед сном. Я не могу перестать думать об этом. Я одержим, и пока я не скажу им что-нибудь, эта идея будет преследовать меня.

И пока я наблюдаю за тем, как они непринужденно болтают о позднем завтраке и мимозах, навязчивые мысли о том, что они вместе, не ослабевают. Если не сказать больше, они становятся еще хуже.

Сегодня мы планируем немного погулять по городу, а затем отправиться в клуб. Клуб, в котором мы встречаемся, — еще один женский клуб, но его тематика больше похожа на Salacious. Перегибы, разнообразие и много возможностей для общения.

Но я пока не могу думать так далеко. Мой мозг как хомяк в колесе с этим дерьмом о рогоносцах.

Изабель смеется над чем-то, что говорит Дрейк, а я откидываюсь в кресле, наблюдая за ними. Боже, как же я этого хочу. Каким-то образом за последние двадцать четыре часа я стал одержим этой идеей.

— Что ты думаешь, детка? — спрашивает Изабель, глядя на меня.

— А?

— Ты хочешь поздний завтрак? У них есть "Кровавая Мэри".

Она смотрит на меня этими милыми зелеными глазами, брови приподняты, на губах легкая улыбка. И я ничего не могу с собой поделать. Я сошел с ума, потому что, если я не выложу все сейчас, я могу сойти с ума.

— Ты знаешь, что такое рогоносец? — спрашиваю я, и она замирает, на ее лице появляется то же выжидательное выражение, что и после того, как она спросила меня о позднем завтраке.

— О чем ты, блядь, говоришь? — отвечает Дрейк, когда Изабель не отвечает.

— Рогоносец. Это извращение. Изабель, ты знаешь, что это значит? — спрашиваю я, не сводя с нее глаз.

Наконец она шевелится, прочищает горло и отводит глаза от моего лица. — Да, разве это не... как быть обманутым или что-то в этом роде?

— Почему ты спрашиваешь об этом? — вмешивается Дрейк. Костяшки его пальцев заметно сжались вокруг кружки.

— Это не совсем измена, потому что все происходит по обоюдному согласию. Некоторым людям просто нравится видеть своего партнера с кем-то другим, — объясняю я.

Она неловко ерзает, когда снова поднимает на меня глаза. — О. Хорошо. Почему ты спрашиваешь?

Вот и все.

— Думаю, мне бы это понравилось.

Дрейк издал громкий смешок и неловко рассмеялся. — Нет, ты не сделаешь этого.

Изабель напряглась, застыв на своем месте, ее глаза пляшут туда-сюда от моего лица к ее рукам.

— Да, думаю, что да, — отвечаю я, пристально глядя на нее. — Это неправильно?

— Это форма унижения, — возражает Дрейк. — Это совсем не ты.

— Да, это может быть формой унижения. Но это не обязательно так, — отвечаю я.

— Почему ты заговорил об этом? — спрашивает она.

— Потому что я не могу перестать думать об этом. А у нас секс-клуб, где каждый может реализовать свои фантазии, и, кажется, я только что нашла свою. Что? Мне что, не разрешается выражать то, что я хочу?

— Ты хочешь, чтобы я... изменила тебе?

— Не изменяла, детка. Я хочу посмотреть, как ты с кем-то другим. Вот и все.

Она смеется. — И это все?

Внезапно Дрейк встает, ножки его стула скребут по полу, когда он идет к раковине.

— Ты сошел с ума, Хант. Я никого не стыжу, но делить свою женщину... это не совсем извращение. Это просто безумие.

— Нет, если это происходит с человеком, которому ты доверяешь, — отвечаю я, и он замирает, его кружка стоит на полпути к раковине.

Напряжение в воздухе нарастает, мы тонем в тишине, и часть меня хочет взять свои слова обратно. Это была безумная идея, но теперь уже слишком поздно.

Дрейк опускает свою кружку и медленно поворачивается ко мне. Его брови нахмурены, между ними пролегла глубокая морщина. Он смотрит на меня скептически, словно пытаюсь понять, шучу я или нет.

Не шучу.

Наступает долгая минута молчания, очень неловкого молчания, прежде чем он, наконец, тяжело вздыхает. — Мне нужно выпить. Кажется, я видел бар по дороге сюда. Я пойду пешком. Вы, ребята, развлекайтесь в городе, а я встречу с вами вечером.

Его тяжелые шаги проносятся по гостиничному номеру, а затем дверь медленно открывается и закрывается, и он поспешно исчезает. Чувствуя себя побежденным, я опускаюсь в кресло и смотрю через стол на Изабель. Прошло много времени, прежде чем она заговорила, ее приятный голос был мягким и вежливым.

— Это было очень неловко, — пробормотала она.

Я отвечаю смехом. — Думаешь, да?

— Почему ты так сказал, Хантер?

— Потому что я не могу перестать думать об этом. Я подумал, что лучшего времени и места для этого не было, но...

— Подожди, — заикается она, наклоняясь вперед. — Ты это серьезно?

— Ты же не думаешь, что я так плохо умею шутить?

— Хантер! — вскрикнула она, прикрывая рот рукой. — Как ты можешь спрашивать об этом?

Когда я тянусь к ней, она отшатывается назад, встает со стула и в шоке смотрит на меня. Увидев ужас на лице жены, я тут же пожалел обо всем. Я думал, что ничего страшного не случится, но теперь боюсь, что все было очень плохо. Что если эта штука навсегда останется между нами, посеяв в ней сомнения и предательство, от которых она так и не избавится после того, как я попрошу ее потрахать с кем-нибудь другим?

— Детка, прости меня. Это было просто...

— Ты больше не хочешь меня, — отвечает она, и слезы заливают ее глаза.

Мое лицо опускается, а кровь стынет в жилах. — Изабель Скотт, не говори так. Конечно, я хочу тебя. Я всегда буду хотеть тебя.

— Тогда почему ты хочешь, чтобы я была с кем-то другим?

— Я не знаю, — отвечаю я, и тон моего голоса становится все громче, когда я скидываю руки вверх. — Я бы хотела знать! Все, что я знаю, это то, что когда я видел тебя на сцене с Дрейком, видел, как он... прикасался к тебе... это что-то сделало со мной.

— О Боже, — причитает она, опуская лицо на руки. — Это все из-за той ночи. Ну конечно же! Это ничего не значило...

— Я знаю, что это ничего не значило, — говорю я. — Это я к тому, детка. Мысль о том, что это было больше, чем ничего... заводит меня.

Когда она отрывает лицо от своих рук, она снова смотрит на меня с открытым ртом и глазами, мягкими и влажными от подступающих слез. — Правда?

— Правда. Иззи, я бы никогда не попросил тебя сделать то, чего ты не хочешь. Если ты скажешь "нет", то я больше никогда не буду просить, пока живу.

— Нет, — без колебаний произносит она, и воздух из моих легких вылетает с разочарованным стоном.

На этом все и закончилось.

Мне требуется мгновение, чтобы сомкнуть челюсти и, обогнув стол, заключить ее в объятия. Она легко прижимается к моей груди, а я целую ее макушку.

— Прости меня, детка. Это было глупо с моей стороны — спрашивать. Я знаю. Просто... я не могу ничего поделать с тем, что меня заводит.

— Все в порядке, — пробормотала она, прижимаясь к моей шее. — Я хочу только тебя, Хантер. Ты единственный, кого я когда-либо хотела.

Когда она поднимает подбородок и смотрит мне в глаза, я наклоняюсь и прижимаюсь к ее губам.

— Я не заслуживаю тебя, — отвечаю я и чувствую себя чудовищем из-за того, что только что признал. — Иззи, если я хоть раз за время нашего брака дал тебе почувствовать, что ты мне не нужна, то я дурак и не хотел этого.

— Тогда зачем тебе это нужно?

Последние двадцать четыре часа я спрашиваю себя о том же самом, и мне хотелось бы

понять психологию, почему я этого хочу, но все это не имеет никакого смысла. Это не образ мышления... это образ чувств.

Проводя большим пальцем по линии ее челюсти, я снова наклоняю ее голову к себе. Эти изумрудно-зеленые глаза становятся еще ярче, когда она на грани слез, и как бы это ни было прекрасно, я ненавижу ее слезы. Видеть, как Изабель плачет, — это как нож в сердце. Она ждет, глядя на меня из этих пропитанных слезами глаз, и я должен дать ей ответ, какой только смогу найти.

— Если что, Рыжая, так это то, что я действительно хочу тебя. Вся моя жизнь была борьбой, но в последнее время это было так легко. Любить тебя легко. Быть с тобой так легко. Моя работа — это легко. Моя дружба с Дрейком — это легко. Я скучаю по борьбе. Я хочу снова бороться за тебя. И я думаю, что если я увижу тебя с кем-то другим, это пробудит во мне эту борьбу.

Она смотрит на меня с задумчивым выражением лица.

— Должен быть другой путь, — отвечает она.

И я снова целую ее. — Я уверен в этом.

— Я имею в виду... что если это сведет тебя с ума от ревности? Что если ты никогда не сможешь забыть об этом и это разрушит весь наш брак? Что если...

Я заглушаю ее беспокойство еще одним поцелуем. — Рыжая, забудь об этом. Я больше не буду спрашивать об этом.

— Хантер, я не могу рисковать потерять тебя.

— Я знаю, детка. Но ничто на свете не разрушит наш брак, понимаешь? Ничто.

Ощущение ее теплого тела в моих объятиях приносит мне достаточно комфорта, чтобы ослабить беспокойство, которое я испытывал минуту назад.

— Ты собираешься поговорить с ним? — пробормотала она через мгновение.

— Наверное, стоит.

— Иди, — отвечает она, вырываясь из моих объятий.

— Нет, у нас есть планы на сегодня, — отвечаю я. — Ты хотела выпить мимозу.

— Для мимозы найдется время позже, Хантер. Поговори с ним, пока он не заказал билет домой.

— Ты уверена?

Она приподнялась на цыпочки и прижалась губами к моим. — Да. Я собираюсь принять душ. Не пей слишком много. Нам еще предстоит гастроли в клубе сегодня вечером.

— Я люблю тебя, — пробормотал я в ответ на ее поцелуй.

— Я знаю, что любишь. А теперь иди, — говорит она, подталкивая меня к двери. Положив в карман мобильный телефон и взяв со стола ключ от отеля, я оглядываюсь на нее, прежде чем исчезнуть за дверью в поисках своего лучшего друга... чтобы извиниться за то, что, по сути, попросил его трахнуть мою жену.

Правило № 9: Не заключай пари с азартным человеком

Дрейк

Яркий свет заливает темные углы этого захудалого бара каждый раз, когда кто-то входит, и каждый раз, когда это происходит, я поднимаю глаза, ожидая, что это Хантер. Потому что я знаю, что он придет. В конце концов, он войдет в эту дверь и захочет поговорить о том, что произошло в отеле.

И каждый раз, когда яркое тexasское солнце проникает в мой уголок бара, а в дверном проеме не маячит силуэт моего лучшего друга, я вздыхаю с облегчением. Я не готов.

Я репетировал свои аргументы снова и снова, воспроизводил каждый момент того короткого и неловкого разговора, искажая и переиначивая его слова в надежде найти ту часть, где я его неправильно расслышал. Но как бы я ни пытался его перевести, получалось одно и то же.

И я чертовски уверен, что это тест. Нет, я на сто процентов уверен, что это тест. После той истории с веревочным бондажом на днях Хантер чувствует себя неуверенно и нервничает, поэтому он подключает меня к машине, чтобы проверить мою лояльность. Чтобы проверить, прикоснусь ли я когда-нибудь к его женщине. И он должен знать, что я, черт возьми, никогда.

Настоящая проблема в том, что я не знаю, как на это реагировать. Потому что чем больше я пытаюсь сказать "нет, нет, нет" в своей голове, все это звучит так принужденно и фальшиво.

Наверное, потому что это и есть принуждение и фальшь.

Я заставляю себя сказать: *"Нет, я не буду трахать Изабель"*, потому что Хантер не может знать, как сильно я этого хочу. Как я мечтал трахнуть ее две ночи подряд, а до этой поездки я случайно мечтал об этом в течение последних десяти лет.

Опять же, я бы никогда. Но мозг вытворяет всякую хитрую штуку, даже если ему запрещаешь. И единственная часть меня, которая слушается хуже, чем мой возбужденный мозг, — это мой возбужденный член. Они оба сговорились против меня.

Поэтому, когда он войдет в эту дверь, я должен быть готов. Я должен сделать так, чтобы это прозвучало так, будто я действительно не хочу спать с этой красивой женщиной, и чтобы это не выглядело оскорбительным для нее. Я пройду этот гребанный тест, и тогда я никогда больше не прикоснусь к Изабель, пока жив.

Я пил уже вторую кружку пива, было уже за полдень, когда входная дверь снова распахнулась и показалась знакомая копна вьющихся волос и широкие плечи. Он не в своем обычном рабочем костюме и галстукe. В отпуске Хантер одет в хенли с короткими рукавами, достаточно обтягивающий, чтобы показать форму его твердых грудных мышц и выпуклых бицепсов, и я считаю за честь, что он позволил мне увидеть его в таком виде, поскольку он всегда скрывает свои татуировки от друзей по работе.

Его темные глаза находят меня через барную стойку в мгновение ока, и мне даже не приходится долго искать. Меня трудно не заметить, но Хантер всегда обладал удивительной

способностью находить меня в любой толпе, как самонаводящийся маяк. Дружба, длившаяся всю жизнь, дала нам естественное чувство связи. Я просто чувствую, когда Хантер находится в комнате, как будто его присутствие меняет воздух вокруг меня. Мне становится легче дышать, когда он рядом.

Моя рука крепко сжимает бокал, когда он пересекает мрачный, темный бар и садится на барный стул рядом с моим. Я смотрю вперед, пока он заказывает себе пиво, и жду, что он заговорит первым.

Но он не говорит. Слишком долго стоит тишина. Бармен опускает пиво на стойку. Хантер делает глоток. Потом он тяжело вздыхает, и я все жду, что он скажет, но он не говорит. Почему, черт возьми, у него так плохо получается? Почему он не может просто говорить? Хотя бы со мной.

Мое терпение иссякает, и я бормочу в его сторону: — Я знаю, что ты меня проверяешь.

— Я тебя не проверяю, — отвечает он прямо.

— Нет, проверяешь, и я тебя не виню, но...

— Дрейк, я тебя не проверяю, мать твою, — рявкает он в ответ.

Мои глаза расширяются. — Значит, ты хочешь сказать, что это было серьезно?

— Да.

Холодная уверенность в его выражении лица приводит меня в ярость. Как он может быть таким спокойным в этом вопросе? Мне хочется свалить его прямо с кресла.

Скрывая свое разочарование, я отворачиваюсь от него и снова прикладываюсь к пиву. — Эта извращенность попадет тебе в голову.

Он смеется. — Мой секс-клуб, ты имеешь в виду?

— Да. Ты изменился. Все это извращенное дерьмо зашло слишком далеко.

Наклонившись вперед, он пристально смотрит на меня. — Ты имеешь в виду тот самый секс-клуб, в котором ты бываешь каждую ночь? Это меня меняет?

— Да, Хантер. Я всегда был таким, какой я есть, но человек, которого я знал десять лет назад, никогда бы не сказал того, что ты сказал сегодня утром.

— Да ладно, Дрейк. Это была одна гребаная идея. Изабель сказала "нет", и я бросил это дело. Все кончено.

Мои брови сошлись в отвращении, когда я повернулся к нему. — Как ты мог спросить ее об этом? Я понимаю, если ты хочешь испытать меня на прочность, но ее?

— Я спросил ее, потому что я не из тех парней, которые просят своего лучшего друга трахнуть мою жену, не посвящая ее в свою просьбу.

Мой пивной бокал с такой силой ударяется о лакированную столешницу барной стойки, что все вокруг замолкают. Я должен остыть, пока меня не выгнали, но мой пыл растет. Честно говоря, я понятия не имею, почему я так остро реагирую на это. Но именно беззаботность Хантера вызывает у меня раздражение.

Для него это так мало значит. Для меня это не может значить больше.

— Перестань так говорить, — процедила я сквозь зубы.

— Я не собираюсь стыдиться того, чего хочу. Даже если я не могу этого получить. Я никогда не осуждал тебя за твою сексуальную активность или за то, что тебе нравится, так что я не понимаю, почему ты так драматизируешь мою.

— Может быть, потому что я в этом участвую.

— Ты только вовлечен, — отвечает он, наклоняясь ближе, чтобы никто больше не мог нас подслушать. — Потому что моя маленькая фантазия включает в себя наблюдение за кем-

то с моей женой, и ты буквально единственный человек на земле, которому я мог бы доверять настолько, чтобы сделать это.

— Ты себя слышишь? — отвечаю я низким шепотом, наклоняясь ближе. — Ты просишь меня переспать с Изабель.

Затем, в упор глядя на меня своими стоическими глазами, он спрашивает: — Ты хочешь этого?

И я теряю дар речи. Все репетиции, которые я прокручивал в голове, как я отвечу на этот вопрос, чтобы он не звучал фальшиво или принужденно, теперь бесполезны, потому что это ясно написано на моем лице.

Вместо ответа я смотрю на него с закрытыми глазами, и для него это достаточное подтверждение. Я быстро отстраняюсь, хватаю свое пиво и допиваю его до дна.

— Ты думаешь, я злюсь, потому что ты хочешь ее? — спрашивает он, но я игнорирую его, кивая бармену, чтобы он знал, что нужно наполнить мой пустой бокал. Он подходит, бросает скептический взгляд в сторону Хантера, берет мой стакан и подносит его к крану.

Хантер продолжает: — Дрейк, я не удивлен, что ты хочешь ее. А кто бы не хотел? Если уж на то пошло, то тот факт, что ты хочешь ее и не сделал ни одного шага, больше всего доказывает мне, какой ты хороший друг.

— Так это проверка?

— Нет, — рявкнул он.

— Это ненормально, — бормочу я, когда бармен возвращает мой стакан, пенящийся на верхушке, и я быстро делаю длинный глоток.

— Определите, что такое нормально, — отвечает Хантер.

— Ты мой лучший друг, и это просто черта, которую нельзя переступать.

— Я прошу тебя переступить ее.

— Когда ты женился, я стоял у алтаря рядом с тобой. Я был там, когда ты давала клятвы, и я воспринимал их чертовски серьезно.

— Я не нарушаю клятвы, Дрейк. Это просто секс.

Я не знаю, теряю ли я терпение оттого, что он не сдается, или оттого, что он начинает меня утомлять. Или потому, что я знаю, что Хантер всегда получает то, что хочет. В глубине души я знаю, что если это действительно то, чего он хочет, то он это получит. Даже если я скажу "нет". Даже если Изабель уже сказала. Хантер каким-то образом заставит нас сказать "да", и он получит то, что хочет, потому что он всегда так делает.

Повернувшись к нему, я одарила его язвительным взглядом.

— Мои родители никогда не были женаты. Я даже никогда не встречался со своим отцом. Единственный брак, который я знаю, — это твой, и он священен, может быть, не для тебя, но для меня. Я скорее умру, чем сделаю что-то, что поставит это под угрозу. Пожалуйста, не проси меня об этом.

Я чувствую на себе любопытные взгляды людей в баре, но единственная пара глаз, которую я вижу, — это темно-карие глаза, смотрящие на меня в ответ. В его чертах прослеживаются сильные эмоции, говорящие о том, что он слушает. Что он что-то чувствует в моих словах, но, боюсь, этого все равно недостаточно.

Затем он наклоняется ближе ко мне, его джинсы задевают мои, а его колено протискивается между моих ног, и мне приходится заставить себя сглотнуть, потому что Хантер воспринимает такие прикосновения не так, как я. Они воздействуют на него не так, как на меня, поэтому я прикусываю язык и молчу.

— Может быть, причина, по которой мой брак для тебя так священен, заключается в том, что ты всегда был его частью. И, может быть, то, о чем я тебя прошу, не так уж безумно.

Я застываю на месте, когда он бросает двадцатку на стойку бара и встает со своего места. Даже когда он выходит из бара, я остаюсь в состоянии шока.

Что, черт возьми, это должно было значить?

Когда я вернулся в отель, спустя четыре кружки пива, он оказался пустым и тихим. Наверное, они отправились осматривать достопримечательности.

Сегодня вечером мы должны посетить еще один клуб, и обычно я был бы только за, но сейчас эта идея меня отталкивает. Единственное, чего мне сейчас хочется, — это отлить, отоспаться от пивного кайфа и сделать вид, что сегодняшнего утра не было.

Ворча, я пробираюсь по коридору к ванной комнате и, проскочив через закрытую дверь, направляюсь прямо к унитазу. Но до туалета я не дохожу. Вместо этого женский вздох и вид бледной, веснушчатой плоти передо мной останавливают мое движение.

Из-за пива мой мозг работает немного медленно, поэтому, вместо того чтобы выскочить из ванной, как положено, когда мой взгляд падает на голую Изабель, я стою и смотрю на нее, как тупой мудака.

— Вот дерьмо, — говорю я с придыханием, когда мой взгляд фокусируется на ее маленькой, пышной груди и опускается вниз, пока я не упираюсь в маленький треугольник вьющихся медных волос на лобке.

Она не прикрывается. Рука не скользит по ее интимным местам, как это должно быть, когда лучший друг вашего мужа врывается через явно закрытую дверь, как людоед, которым он и является. И хотя я, вероятно, стою и смотрю всего лишь долю секунды, мне кажется, что это гораздо дольше. Эта секунда может быть равна десяти минутам, в течение которых я разглядываю ее обнаженное тело, запоминая каждую крошечную веснушку, изгиб ключиц, то, как выпирают из хрупкого каркаса ее бедра, выглядящие настолько хрупкими, что могут сломаться.

За эту долю секунды я запечатлел в памяти всю Изабель — память, на которую у меня нет никаких прав и которой я точно не заслуживаю.

Но, как я уже говорил, мой мозг — возбужденный, непостоянный засранец, который не умеет себя вести.

Когда мир снова начинает вращаться, я бросаюсь назад, выхожу из ванной и бегу в сторону гостиной. Мгновение спустя она оказывается у меня за спиной, мягкая рука ложится мне на плечо, когда я, спотыкаясь, иду к холодильнику за бутылкой воды.

— Дрейк, остановись, — приказывает она, и я отвожу глаза, даже когда она ставит себя передо мной. К моему облегчению, она прикрылась, обернув вокруг тела белое полотенце.

— Прости меня. Я не знал, что ты дома. Где Хантер? — спросил я, оглядываясь по сторонам в поисках его.

— Он вышел поесть. Мы решили остаться дома, так как тебя не было.

— Тебе не нужно было этого делать, — отвечаю я. — Почему ты была голая?

— Я спустилась в спортзал, пока тебя не было. Я только что приняла душ.

Я волнуюсь, чувствуя себя загнанным ею в угол гостиничного номера, потому что в любой момент Хантер может войти в эту дверь и увидеть меня, стоящего здесь с его почти голой женой, и обычно это не пугало бы меня, но после того, какой странной была вся эта

гребаная неделя, пребывание наедине с Изабель приобретает совершенно новое значение.

— Ты в порядке? — спрашивает она.

Наконец я встречаюсь с ней взглядом и вижу, что она так же встревожена, как и я. — Я в порядке. Ты в порядке?

Вместо того чтобы ответить "да", она пожимает плечами. — Мы должны поговорить об этом.

— О чем? — спрашиваю я, хотя прекрасно знаю, о чем мы должны говорить.

— О том, что он сказал сегодня утром.

— Я сказала ему "нет", Изабель. Ты сказал ему "нет". Я знаю, что Хантер может быть неумолим, но это зависит от нас, и пока ты говоришь "нет", ничего не изменится.

Ее губы сжались в тонкую линию, а взгляд неуверенности окрасил ее черты. О нет, Изабель. Пожалуйста, не колеблись. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— Что это за взгляд? — спрашиваю я, чувствуя, что сдуваюсь.

— Ты говоришь "нет", потому что не хочешь... или потому что считаешь это неправильным?

Черт возьми. Если бы земля могла поглотить меня прямо сейчас, это было бы просто охренительно.

— А это имеет значение? — спрашиваю я.

— Да. Для меня это важно.

Она так совершенна, так грациозна, деликатна и прекрасна, и мужчине было бы слишком легко воспользоваться Изабель, и от этой мысли я краснею, потому что она — последний человек на земле, который этого заслуживает. Поэтому признаться ей в том, как сильно я ее хочу, мне кажется столь же вредным, как и солгать и сказать, что это не так.

Но что-то зовет меня сказать ей, что я чувствую на самом деле, чтобы она поняла, что мое сопротивление этой нелепой идее не имеет к ней никакого отношения.

Хантер поставил меня в такое положение, и я ненавижу его за это.

— Изабель, я говорю Хантеру "нет", потому что ставить под угрозу нашу дружбу и твой брак — это последнее, что я хотел бы сделать. — Я делаю большой вдох, запечатывая свою судьбу в ад, и продолжаю: — Но если ты спрашиваешь, захочу ли я когда-нибудь того, о чем он просит, то ответ — безоговорочно, с энтузиазмом... да.

Ее дыхание сбивается, когда она смотрит на меня, широко раскрыв зеленые глаза и нежно приоткрыв губы. Я не должен находиться так близко к ней и даже разговаривать с ней подобным образом, но Хантер сделал это. Хантер заговорил об этом и заставил нас начать этот разговор.

— Правда? — шепчет она.

Я делаю небольшой шаг вперед, пока костяшки ее руки, держащей полотенце, не упрутся в мой пресс, и я наклоняюсь, чтобы мой рот оказался ближе к ее уху. — Правда.

Может быть, я пьян больше, чем я думал. Потому что я бы никогда этого не сделал. Я бы никогда этого не сделал. Но у меня в голове все еще стоит образ ее идеального тела, и мне нужно, чтобы она знала, что я не собираюсь соглашаться на это, но не потому, что она меня не возбуждает.

Переместив руку к ее пояснице, я нежно прижимаю ее к ткани полотенца и притягиваю ближе, пока ноющая жесткость моих брюк не оказывается зажатой между нами, чтобы она почувствовала, насколько правдивы мои слова.

Это нарушение. Я знаю это. Но опять же... это вина Хантера. Он открыл ящик Пандоры

и наши с Изабель отношения были чисто платоническими и невинными, пока он не открыл замок и не высвободил все это, так что теперь мы купаемся в зле, сексуальном напряжении и возможностях.

Она задыхается от прикосновения моей эрекции к ее животу, наклоняясь достаточно близко, чтобы я понял, что она не трясется от страха.

Затем мы оба отстраняемся. И на этом все заканчивается. Отвернувшись друг от друга, мы оба делаем паузу, чтобы перевести дыхание и успокоить бьющиеся сердца.

Повернувшись ко мне спиной, она пробормотала: — Я знаю, что ты боишься поставить под угрозу нашу дружбу, но я боюсь, что если мы не сделаем этого, то я поставлю под угрозу свой брак.

— Изабель, ты никогда не должна чувствовать давления, чтобы сделать что-то...

— На меня никто не давит, Дрейк. Я чувствую... то же самое, что и ты.

Я снова отвернулся. Это было не совсем то, что мне нужно было знать. Теперь мне придется жить с этим знанием, и я чувствую, что оно будет преследовать меня какое-то время.

— Но я также боюсь, что мой муж хочет чего-то, чего я не могу ему дать.

— Тогда скажи "нет", — возразил я, снова найдя пространство между нами, когда я прислонился к стойке, борясь с желанием пойти к ней, как раньше.

— Это не... Это не важно. Я хочу сказать, что это просто секс. Я доверяю тебе, и я не думаю, что Хантер просит о чем-то таком, от чего мы все не выиграли бы.

Выгода? Она серьезно? Я не ищу выгоды ни в чем. Мне кажется, что я сейчас единственный здравомыслящий человек в группе. И я действительно не могу поверить, что я буду единственной, кто отказывается от секса.

— А что, если это сведет его с ума? Что если он увидит меня с тобой и возненавидит навсегда? Что, если он выместит это на тебе?

Ее плечи опускаются, когда она смотрит на меня. — Этого не случится. Ты знаешь Хантера не хуже меня, и он не делает ничего под влиянием импульса. Он заботился обо мне с того дня, как мы познакомились, а о тебе он заботится еще дольше.

— Я не могу поверить, что ты об этом думаешь. Изабель, подумай об этом.

— Я подумала, Дрейк. Я знаю, что это все изменит в наших отношениях, но... что если наши отношения готовы к переменам?

Она ничего не понимает. Но у меня больше нет времени спорить, потому что мгновение спустя дверь отеля открывается, и входит Хантер с двумя большими пакетами еды. Он приостанавливается на несколько шагов, когда видит меня, стоящего на кухне напротив его жены в одном лишь полотенце.

Медленно двигаясь, он ставит пакеты на стол. — Я полагаю, вы разговаривали...

— Да, — отвечает она.

У меня сжимается челюсть, и я смотрю в пол. Я не могу объяснить свой гнев, но он все еще кипит во мне.

— И...

Она вздыхает. — И... ничего. Мы просто разговариваем.

Похоже, она действительно на его стороне. Этого не потребовалось.

Так что, возможно, дело во мне. Может, эти двое настолько чертовски безрассудны, что готовы поставить все на кон из-за глупой фантазии Хантера. А я нет. Он увидит, как я хоть раз прикоснулся к Изабель, и не так, как на демонстрации, а больше. Поцелую ее или что-то

в этом роде, и он сорвется. Он поймет, как это чертовски неправильно, и пожалеет обо всем.

И тут мне в голову приходит идея.

— Пробный запуск... сегодня вечером, — промурлыкал я, полуобдуманый план просто проскользнул через мои губы без всякой задней мысли.

— Что? — спрашивает она.

— Сегодня вечером в клубе, Изабель может пойти со мной. Ты можешь смотреть — никакого секса, — добавляю я, быстро проясняя ситуацию. — Но мы посмотрим, что ты почувствуешь, прежде чем решиться на что-то еще. Готов поспорить, что, просто увидев ее на моей руке, ты передумаешь.

— И на что же ты готов поспорить? — отвечает он, глядя на меня с самодовольным выражением лица.

— Если ты сохранишь спокойствие сегодня вечером и действительно будешь хотеть этого, то я соглашусь. Но если ты хоть немного взбесишься, то все отменяется. Навсегда.

— Договорились, — отвечает он.

В комнате воцаряется тишина, мы смотрим друг на друга. Пивной кайф официально прошел, так что я не могу обвинить в этом пьянство, но это не совсем проясняет ситуацию.

На что, черт возьми, я только что согласился?

Правило № 10: Хотеть того, чего хочешь, — это нормально

Изабель

ВСЕ ЗДЕСЬ РОЗОВОЕ. Это даже гениально. Сохраняя женственный дизайн, он еще расширяет возможности. И для клуба, где полно озабоченных натуралов, мне это нравится.

Мы с Дрейком задерживаемся у двери, ожидая очереди на вход. Я полна тревожной энергии, моя рука переплетена с его рукой. Если сегодня все получится, то, что бы ни запланировал Дрейк, все будет интересно. И если Хантер сохранит спокойствие, значит, мы сделаем это.

Я займусь сексом с Дрейком.

Пока мой муж будет смотреть.

У меня в животе покалывает от жара и возбуждения каждый раз, когда я думаю об этом. Но я не сомневаюсь, что Дрейк не собирается облегчать Хантеру задачу. Он сделает все возможное, чтобы спровоцировать моего мужа на отказ от сделки. Это похоже на сексуальную игру в салочки, и я в центре.

Хантер уже в клубе. Он пришел на час раньше, чтобы встретиться с владельцем, поэтому одно осознание того, что он где-то в этом здании и готов наблюдать, заставляет меня быть на взводе.

— Ты в порядке? — шепчет Дрейк, и я улыбаюсь ему.

— Да.

Когда мы подошли к входу, женщина назвала наши имена, проверила бронь, рассказала о правилах, изъяла телефоны и провела нас внутрь. Судя по фойе, внутри оказалось... не то, что я ожидала. Во-первых, здесь гораздо больше женщин, чем мужчин, слишком светло, и довольно много людей ходят почти полностью обнаженными.

В отличие от Salacious, где публичные показы проходят строго в VIP-зале и зале для вуайеристов, здесь это не так. Одна женщина открыто лапает другую женщину... в баре.

— Ну и ну, — пробормотал Дрейк, замерев в двух шагах от входа в клуб.

Меня охватывает чувство разочарования. Я очень, очень хотела полюбить этот клуб, но даже это слишком откровенно сексуально для меня. Молча, я призываю свою внутреннюю Мию — девушку, которая не обращает внимания на мастурбацию на публике, поскольку делает это буквально каждый день, — и тяну Дрейка дальше в клуб.

— Ты его видишь? — спрашиваю я, оглядываясь по сторонам и явно не ища его.

— Нет, но я слишком отвлекся, чтобы увидеть его. Это место немного... на виду.

В этот момент к нам подходит женщина, полностью одетая топless, с подносом на одной руке.

— Добро пожаловать в Pink, — говорит она с улыбкой, словно хозяйка ресторана Chili's. — Если у вас есть вопросы, не стесняйтесь их задавать. Любой свободный столик — ваш, и я буду рядом, чтобы принять ваш заказ на напитки.

— Спасибо, — отвечает Дрейк, подтаскивая меня к свободному столику. Они расположены на высоте барной стойки, за каждым из них по четыре стула. Он выдвигает

мой стул и ждет, пока я заберусь на него, чувствуя себя гораздо более неудобно, чем хотелось бы. В этот момент мой взгляд устремляется вверх, и я замечаю, что есть второй этаж, которого я раньше не видела. Сначала я подумала, что это просто зеркала, но, присмотревшись, я различила свет на другой стороне. Значит, они видят нас оттуда.

— Он там, — бормочу я Дрейку, и он быстро бросает взгляд на потолок, заметив двустороннее стекло.

— Ага. Наверняка.

После того как он занял место, вернулась полуголая официантка, и мы сделали заказ на два тоника с водкой, оба благодарные за алкоголь. Дрейк напряжен. Это видно. Он постоянно возится с волосами, что говорит о том, что он нервничает.

— Расслабься, — говорю я ему после того, как мы получили свои напитки.

— Я не могу, — отвечает он, сжимая стакан между ладонями.

— Просто веди себя так, как вел бы себя, если бы я была любой другой женщиной.

Когда он смеется, я не могу не улыбнуться. — Что смешного?

Его сексуальные голубые глаза останавливаются на моем лице, и мое тело начинает расслабляться под его взглядом. — Изабель, если бы я относился к тебе так же, как к другим женщинам, мы бы уже трахались.

Ну, тогда ладно.

— Хорошо сказано, — пробормотала я, делая глоток своего напитка.

— Как мы узнаем, что он действительно наблюдает? — спрашивает он, снова бросая взгляд на зеркала. — Мы не можем написать ему сообщение.

— Он следит, — отвечаю я. — Это Хантер, о котором мы говорим. Он никогда не опаздывает и всегда появляется.

— Правда, — отвечает он.

— Так что просто перестань думать о нем и постарайся расслабиться.

Дрейк так уверенно ведет себя с женщинами, и мне неприятно видеть его таким напряженным и неловким со мной.

— Ты права, — говорит он, вскакивая со своего места. Когда он преодолевает расстояние между нами, я напрягаюсь. — Я просто... встану поближе к тебе, хорошо?

— Сегодня ты буквально терся об меня своей эрекцией, Дрейк. Я справлюсь, если ты будешь стоять близко.

Он не смеется над моей шуткой, и как только он теснит меня на моем табурете, он снова отходит. — Я не могу этого сделать. Это так неправильно.

Я протягиваю руку и кладу ее ему на плечо, чувствуя, как дрожит его кожа. — Дрейк, просто поцелуй меня.

— Что? — заикается он, глядя на меня с шокированным видом.

— Поцелуй меня. Думаю, так все будет более естественно.

Его грудь вздымается, когда он смотрит на меня, его взгляд устремлен на мои губы.

— Ты хочешь его напугать, но единственный, кто сейчас напуган, — это ты, — добавляю я.

— Думаю, мне нужно уехать отсюда. Мне не нравится это место, — отвечает он, и я чувствую, как мои плечи опускаются от разочарования. Все должно было быть не так. Дрейк заключил пари с Хантером, а эти двое не заключают пари, за которые не готовы расплатиться, но если Дрейк не выйдет из себя, то все это станет гораздо более неприятным.

Но он прав. Этот клуб ужасен и совсем не подходит по атмосфере.

— Ладно, пошли. Пойдем, — говорю я, встаю и протягиваю ему руку, которую он берет, а я веду его к выходу. Но когда я пытаюсь пойти по короткому пути налево, Дрейк подталкивает меня вправо, вокруг бара, и я предполагаю, что он просто хочет посмотреть на дальнюю часть комнаты. Здесь свет немного тусклее, и людей не так много.

Я бросаю взгляд на зеркала на втором уровне, когда слышу, как Дрейк шепчет мое имя.
— Из.

Я быстро оглядываюсь на него, прежде чем его руки оказываются на моей талии, и меня прижимают к розовой стене. Я задыхаюсь, мой рот открывается, когда я смотрю на Дрейка, а он, пользуясь случаем, захватывает мои губы в свои. Затем он целует меня. Дрейк целует меня, и это не какое-то неловкое прикосновение наших губ, а жадный, всепоглощающий поцелуй.

Короткое бормотание, и вот его язык уже у меня во рту, не вторгаясь и не принуждая, а мягко исследуя. Наши языки скользят друг по другу, когда он напевает — глубокое гравийное землетрясение, от которого слабеют колени и мокнут трусики.

Дрейк намного выше меня, поэтому, оказавшись между ним и стеной, я чувствую себя так, словно поглощена им, и мне это нравится. Его руки по-прежнему застыли на моей талии, но с каждым движением наших языков он сжимается, словно посылая мне безмолвный сигнал желания.

Мои руки, которые мгновение назад были прикованы к его груди, расслабляются и начинают блуждать, исследуя твердую поверхность его грудных мышц, а затем скользят вверх и обвивают его шею, предоставляя ему еще больший доступ к моему телу, которое жадно изгибается навстречу ему.

Когда его руки опускаются ниже, блуждая по моей попке и сжимая в ладони ее, меня охватывает жар. А когда он опускается еще ниже, собирая руками заднюю часть моего платья, мое сердце бьется еще быстрее.

В порыве голода он задирает платье достаточно далеко, чтобы обнажить мою попку, и прижимает ладонь к моей плоти, снова сжимая, на этот раз с очередным низким рыком. Его тело прижато к моему, и я чувствую эрекцию в его брюках, которая касается об меня, как обещание. Мне до боли хочется прикоснуться к нему.

Затем он отстраняется от нашего поцелуя, и мы оба задыхаемся, его рука все еще лежит на моей заднице, а большие пальцы находятся в опасной близости от чего-то еще. Наши лбы прижаты друг к другу, мы оба пытаемся перевести дыхание, глаза закрыты и напряжены.

Его пальцы снова сжимаются, на этот раз приближаясь к теплу моих влажных трусиков. И я задыхаюсь. Очень тонко он проводит кончиком пальца по ткани, затем отодвигает ее и находит под ней чувствительные складочки.

Я открываю глаза и смотрю на него.

— Это нормально? — шепчет он.

Щеки горячие. Шея горячая. Моя грудь, живот и руки настолько горячи, что я представляю собой лишь пылающее пламя желания и нерешительности.

Разве это нормально?

Это ведь то, ради чего мы приехали, верно? Именно поэтому мы здесь, но, опять же, Хантер же не видит, что палец Дрейка нежно прощупывает вход в мою жаждущую киску.

И тот факт, что я хочу этого — очень сильно хочу — не улучшает моего настроения. Мне становится еще хуже.

— Ты такая мокрая, Изабель, — шепчет он, и я чуть не падаю на пол. — Ты

собираешься рассказать ему, как близко я был? Ты расскажешь ему, как я прикасаюсь к тебе сейчас? Моя рука в твоём платье. Играю с твоей киской. Почти внутри тебя.

Я хнычу.

Я знаю, что он задает мне вопросы, но мой мозг не работает достаточно хорошо, чтобы ответить на них. Я не знаю. Я сейчас ничего не знаю. Все, что я знаю, это то, что мужчина, который не является моим мужем, прикасается ко мне, и это то, чего хотел Хантер...

Но Хантер хотел смотреть. И сейчас мы находимся в тусклом углу, тесно прижавшись к стене. Может ли он вообще это видеть? Паника пробегает по позвоночнику.

Это неправильно. Все должно было быть не так, и я не должна была так сильно этого хотеть.

О, Боже. Что мы делаем?

— Дрейк, — шепчу я, собираясь оттолкнуть его от себя, как вдруг чувствую вдалеке чью-то фигуру. Я поворачиваю голову и вижу Хантера, который стоит в нескольких футах от нас и смотрит на нас. Его грудь вздымается, рот плотно закрыт, и меня охватывает внезапное ощущение, что меня поймали.

Дрейк вытаскивает руку из-под моего платья и делает шаг назад, как раз в тот момент, когда мой муж бросается вперед. Прежде чем я успеваю понять, что происходит, комната переворачивается вверх дном, и меня взваливают ему на плечо.

— Что ты делаешь? — кричу я, когда Хантер несет меня через всю комнату. Я не вижу, куда мы идем, только заднюю часть его костюма. Внезапно становится тише, чем в главной комнате, и за нами закрывается дверь. Мы находимся в маленькой комнате, но я не успеваю сориентироваться, как он опускает меня на стойку, обхватывает рукой мое горло и притягивает к себе, крепко целуя в губы.

— Хантер, — кричу я ему в губы.

— Вынь мой член, Изабель.

Мои руки застыли на месте, обхватив лацканы его пиджака. Мой разум все еще в бешенстве, и хотя он не выглядит злым, я все еще нахожусь в состоянии шока, и мне нужно увидеть его лицо, чтобы убедиться в этом. Поэтому я отталкиваю его, чтобы посмотреть на него.

Его глаза дикие, но не от гнева. Я никогда раньше не видела его таким, переполненным вожделением. Он притягивает мое лицо ближе к себе и сжимает горло.

— Он прикасался к тебе? — спрашивает он.

Я киваю.

Его пальцы сжались. — Тебе понравилось?

Мое сердцебиение учащается, и я снова киваю.

Притянув меня еще ближе, он берет мою нижнюю губу между зубами, прикусывая ее так, что становится больно, и я хнычу ему в рот.

— Тогда будь хорошей маленькой плюшкой и вынь мой член, Изабель.

Внезапное возбуждение распирает мой живот, делая меня не только готовой к этому, но и нуждающейся в этом. Я быстро вожусь с его ремнем, в оцепенении расстегиваю брюки, с нетерпением тянусь к его боксерам, чтобы взять в руку его член, словно это единственное, что может принести мне успокоение.

В тот момент, когда его твердый член выходит наружу, он отпускает мою шею, оттаскивает меня за ноги к краю стойки и вклинивается между моих ног, потираясь головкой члена о мои влажные трусики. Он грубый и неистовый, и я хочу его так сильно, что

просто дико хочу его. Он оттягивает мои стринги в сторону и с силой вонзается в меня, и мне приходится обхватить его руками за шею, чтобы удержаться в вертикальном положении.

Он снова входит в меня, зажигая мое тело, как фейерверк, и я издаю крик. — Сильнее.

Его тяжелое ворчание звучит у меня в ушах, пока он трахает меня в этой маленькой, тусклой комнате.

— Это было чертовски сексуально, Рыжая. Смотреть, как он так тебя ласкает. Я чувствую, как ты была мокрой для него, — бормочет он между дикими рыками.

— Хантер, — говорю я, называя его имя как клятву. — Я твоя.

— Да, блядь, ты моя.

Он стонет. Его толчки набирают скорость, и я уже почти не касаюсь прилавка, левитируя в его руках, пока мое тело не напрягается от непреодолимого удовольствия. Я вскрикиваю, впиваясь ногтями в его куртку и сжимая бедра вокруг его талии.

Мгновение спустя наступает его оргазм, и он прижимает мое тело к своему так сильно, что его тазобедренные кости наверняка оставят синяки на моих ногах. Затем я чувствую, как его член вздрагивает внутри меня, и он с ревом кончает.

Я так крепко прижата к нему, что не хочу его отпускать. Его пальцы крепко и агрессивно сжимают мои ноги — это его способ заставить меня чувствовать себя защищенной и желанной.

Проходит много времени, прежде чем мы ослабляем хватку, но когда мы наконец раздвигаем груди, я целую его губы, желая ощутить знакомый вкус его губ.

— Я люблю тебя, — шепчу я ему в губы.

— О, Рыжая. — Отстранившись, он держит мою челюсть в своих руках, заглядывая мне в глаза. — Я ведь не причинил тебе вреда, правда?

— Хантер, ты никогда не сможешь причинить мне боль. Мне нравится, когда ты грубый.

— Я знаю, — отвечает он, все еще находясь внутри меня. — Но я потерял контроль. Я никогда не чувствовал такого раньше.

— И это только от того, что ты видел, как я его целую. Ты уверен, что хочешь смотреть, как я...

— Уверен, — отвечает он без колебаний. — Больше, чем когда-либо прежде. Я хочу этого.

От одних его слов становится трудно дышать. Он действительно хочет, чтобы мы с Дрейком... спали вместе. Это кажется невозможным и безумным, но он так уверен.

— А ты? — спрашивает он. — Хочешь этого?

Мое сердце все еще стучит в груди, и кажется, что оно не останавливалось с тех пор, как Дрейк прижал меня к стене. Я все еще чувствую его губы на своих. Он больше не казался нервным. Он был уверен в себе и жаждал меня, и это было так правильно. Я снова хочу этого.

И в этот момент я понимаю, что мне было стыдно за то, как сильно я хочу Дрейка, но Хантер хочет, чтобы я хотела его. Он никогда бы не попросил меня сделать то, чего я не хочу, поэтому мое желание — это то, что делает его таким горячим.

Поэтому, прикусив нижнюю губу и обхватив ногами его талию, я киваю. — Я хочу.

Правило № 11: Если ты не можешь присоединиться к ним, напейся

Дрейк

В этом клубе нет ограничения на два напитка. Наверное, так и должно быть, потому что Хантера и Изабель нет уже почти час, а я поглощаю водку с тоником как ни в чем не бывало.

Я трогал Изабель. Именно эта мысль сейчас повторяется в моей голове. Я прикасался к ней, целовал ее, чувствовал мягкую задницу, ласкал пальцами ее киску и ощущал сладость ее губ.

Это может шокировать, но на самом деле я не так уж часто целуюсь с женщинами или мужчинами, если на то пошло. Обычно это пара быстрых, бездушных поцелуев, а потом мы оказываемся голыми и наши рты уже в другом месте.

По правде говоря, мне больше нравится целоваться с мужчинами. С мужчиной можно быть более грубой, а растущие волосы на лице придают акту некоторую фактурность.

Но я не хотел быть грубым с Изабель. Я хотел насладиться ею. Я хотел позволить своему рту насладиться ее нежностью. Это был самый интимный поцелуй в моей жизни, и единственный, который я когда-либо получу, так что я рад, что он навсегда запечатлелся в моей памяти.

С другой стороны, Хантер вышел из себя, что я и предполагал, так что сделка отменяется.

Аллилуйя.

Я должен быть так счастлив сейчас. А вместо этого я пьян. И одинока. И я уверен, что он где-то в комнате, трахает ее до потери сознания, чтобы отменить все, что я сделал... даже если она была скользкой от возбуждения, которое я ей подарил.

Господи, что со мной такое?

— Еще одну, — бормочу я, привлекая внимание бармена, который приносит ее с неохотой и натянутой улыбкой.

— Это твоя последняя, — отвечает он. — И я делаю ее менее крепкой.

Я пожимаю плечами. В любом случае, подавать алкоголь в секс-клубе безответственно, но, к счастью для них, я полный джентльмен.

— Пойдем, — шепчет мне на ухо мягкий голос, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть покрасневшую Изабель, нежно проводящую рукой по моей спине.

— Я только заказал выпить, — отвечаю я, возвращаясь к своему тонику.

— У нас в отеле есть напитки.

Меня переполняет горечь. Я знаю, что не должна этого делать. Я подписался на это, и я сделал то, ради чего приехал. Я выбил эту идею из головы Хантера, но какой ценой? Теперь я попробовал на вкус единственную женщину, которую не могу иметь, и мне придется иметь дело с этим навсегда. Так что она может позволить мне выпить.

— Встретимся там. Где Хантер?

— Прощается с хозяином. Пойдем с нами, — умоляет она.

— Нет. Если вы двое не должны идти домой одни, это не значит, что я должен. Я

попробую найти кого-нибудь на ночь. Увидимся позже.

Прежде чем вернуться к своему напитку, я успеваю заметить выражение опустошенности на ее лице.

— Серьезно? — возражает она.

— Серьезно, — пробормотал я.

Когда она поворачивается, чтобы уйти от меня, кто-то преграждает ей путь. Сначала я воспринимаю его как Хантера, поэтому не реагирую. Но потом я слышу голос незнакомца с низким, хриплым тоном.

— Если он не хочет идти с тобой, то это сделаю я.

Волоски на моей шее встают дыбом, а по позвоночнику пробегают мурашки.

— Нет, спасибо, — отвечает Изабель, пытаюсь обойти его, но он снова преграждает ей путь. — Пойдем, милая.

— Она сказала "нет", ублюдок, — рычу я.

Когда его руки обхватывают ее талию, притягивая ее к себе против ее воли, я вижу красное. Здесь нет ни бара, ни клуба, ни правил, ни приличий. Есть только его руки на ней и выражение беспомощности и отвращения на ее лице, когда она пытается вырваться из его хватки.

Я не помню, как я встал или направился к нему. Все, что я знаю, это то, что в одну секунду я услышал ее крик, а в следующее мгновение он уже лежал на полу, а мой кулак пульсировал.

— Дрейк! — кричит она, и я не знаю, злится она или боится, но внезапно наступает хаос.

Охранники тащат меня к двери, но я больше не вижу Изабель, и это вызывает у меня панику. Поэтому я сопротивляюсь, пытаюсь добраться до нее, что только усиливает их агрессию. Я отнюдь не маленький человек, и эти трое вышибал не настолько велики, чтобы справиться со мной в режиме отчаяния. То, что начинается с того, что они обхватывают меня руками, пытаюсь оттащить к выходу, быстро превращается в удушающий захват с прижатым к полу лицом и коленом в спину.

— Убери от него свои гребаные руки, — рычит глубокий, знакомый голос, и я поднимаю голову, чтобы увидеть Хантера, рычащего в лицо одному из охранников.

— Скажи ему, чтобы он успокоился, и мы уберем, — возражает тот.

— Он явно защищал меня! — кричит Изабель. Я ненавижу ужас в ее голосе. Это я во всем виновата.

— Леди, отойдите, мать вашу, — огрызается один из охранников, и снова начинается потасовка. На этот раз у меня достаточно места, чтобы с трудом подняться с пола, и я успеваю вскочить, чтобы увидеть, как Хантер дерется с одним из мужчин в черном.

Боже, когда мы с ним в последний раз дрались — очень давно, блядь, вот как давно. И определенно до Изабель.

Я знаю, как отчаянно я хочу вытащить ее отсюда. Могу гарантировать, что Хантер еще больше. Поэтому, как бы мне ни хотелось помочь ему поставить на место этих ручных охранников, моя первая задача — вытащить ее отсюда.

Я хватаю Изабель за руку и вцепляюсь кулаком в воротник Хантера, таща их обоих к ярко-красной вывеске "Выход".

Хантер все еще выкрикивает угрозы в адрес вышибал, пока мы выбираемся на теплый ночной воздух, где сразу становится тихо и душно, единственным звуком является наше

собственное тяжелое дыхание.

— К черту это место! — кричит Хантер.

— Ты в порядке? — спрашиваю я Изабель.

— Я в порядке.

— Ты дрожишь, — замечает Хантер, притягивая ее к себе. Я подавляю поднимающееся чувство ревности при этом виде.

— Давай просто уйдем, пожалуйста, — отвечает она.

Отель находится всего в нескольких кварталах от нас, мы дошли до него пешком, поэтому мы отправляемся в сторону отеля. Мы все еще не отошли от стычки в клубе.

— Мне очень жаль. Я не должен был так много пить, — говорю я, первым нарушая молчание.

— Это не твоя вина, — отвечает Изабель, кладя руку мне на плечо.

— Им нужно ввести ограничение в две рюмки, — ворчит Хантер. — И лучше проверять своих членов. В нашем клубе такого дерьма никогда бы не случилось.

— Никогда, — отвечаю я.

Щелчок каблуков Изабель привлекает мое внимание к ее ногам. На ней черные туфли на шпильках, и они не выглядят удобными для прогулки через три квартала. Схватив ее за руку, я останавливаю ее.

— Ты не можешь пройти весь этот путь в них.

Она смотрит вниз на свои ноги. — Я в порядке. Они удобные.

Я наклоняю голову в сторону и смотрю на нее.

— Что? — возражает она. — Ты собираешься отдать мне свои туфли?

— Давай, я понесу тебя.

Повернувшись, я встаю на колени, чтобы она могла дотянуться до моей спины, и жду, пока она заберется на нее.

— Дрейк, ты не сможешь нести меня всю дорогу.

— Помнишь, как ты подвернула лодыжку во время нашей лыжной прогулки, и мне пришлось нести тебя всю дорогу с горы? Ничего страшного, и на этот раз на тебе нет десяти фунтов лыжного снаряжения. Просто перестань со мной спорить и лезь дальше.

Она испустила долгий вздох. Затем она снимает каждый ботинок, передает их Хантеру и быстро забирается ко мне на спину. Мои руки хватаются за ее бедра, которые обхватывают мою талию, когда мы снова начинаем идти. Я не могу не заметить, что Хантер криво ухмыляется.

— Это не то платье, в котором можно кататься на быках, — говорит она, ее голос совсем рядом с моим ухом.

— У тебя не видно нижнего белья, — отвечает Хантер сзади нас.

— Едва ли, — добавляет она, и мы все хихикаем, пока идем.

Впереди, на обочине дороги, светятся разноцветные огни, рядом, похоже, еще один бар. Когда мы подходим ближе, то видим людей, столпившихся вокруг фургона с едой, а в воздухе витает аромат жареного мяса.

— О, тако, — хмыкнула Изабель. — Я умираю с голоду.

— Да, мэм, — отвечаю я, направляясь к тележке с едой.

— Черт, как вкусно пахнет, — добавляет Хантер.

Через пятнадцать минут мы втроем сидели на обочине в самом центре города, ели уличные тако и запивали их пивом. Хантер сбросил куртку, позволив Изабель сесть на нее, а

я затынул волосы в пучок, чтобы они не попали на мой карне асада.

Это и есть мы. Больше, чем модные костюмы и эксклюзивные клубы. Именно такие моменты, как этот, больше всего похожи на нас, на то, откуда мы пришли. Мы с Хантером никогда не были созданы для модного дерьма. Первую половину своей жизни мы провели, выкарабкиваясь из трущоб, и даже сейчас, когда у нас все хорошо, мне нужны подобные напоминания о том, что мы все еще мы.

И как бы весело и непринужденно это ни было, все равно предстоит неловкий разговор. Это все еще мы, но это уже и не совсем мы, потому что все между нами тремя изменилось, и я не уверен, что когда-нибудь снова будет как прежде.

Я поцеловал жену своего лучшего друга. И он выглядел разозленным из-за этого.

Это не то, от чего можно просто отмахнуться и считать, что это никогда не вернется и не будет преследовать нас. И поскольку я знаю, что Хантер будет последним человеком, который начнет тяжелый разговор, а Изабель будет избегать конфронтации любой ценой, то поднимать эту тему придется мне.

Скомкав салфетку и отпив остатки мексиканского пива, я готовлюсь к тому, что мне предстоит сказать. — Я просто хочу знать, что мы можем оставить все это в прошлом.

— Ссора? — отвечает Изабель, глядя на меня с растерянностью на лице.

— Нет. То, что произошло до драки.

Выражение ее лица меняется на понимание с тихим: — О.

— Почему мы должны оставить это в прошлом? — спросил Хантер. — Мы заключили сделку.

— Разве ты не помнишь, как вышел из себя и перекинул жену через плечо, уходя?

— Я не выходил из себя, — возражает он.

У меня отпадает челюсть. — Ты шутишь, да? Хантер, я никогда в жизни не видела, чтобы ты выглядел таким сердитым.

— Я не злился. Я был...

— Ты был? — спрашиваю я, потому что он просто бредит, если думает, что его реакция на то, что я засунул руку в платье Изабель, не была чистой, ничем не прикрытой яростью.

— Я был...

Он спотыкается на полуслове, явно снова на взводе.

— Хантер, оставь это, парень. Это того не стоит. Я знаю, что ты ревновал. Мы все это видели, так что я не понимаю, зачем ты нагнетаешь обстановку, если это может взорвать все наши лица.

— Я не ревновал, Дрейк. Я был возбужден.

Его темно-карие глаза пристально смотрят на меня, и мне кажется, что я потеряла способность дышать. Неужели он сейчас шутит? Он возбудился, увидев, как я чуть ли не ласкаю пальцами его жену?

Почему?

— Завелся? — спрашиваю я.

Он отводит глаза и смотрит на улицу, нахмутив брови. — Я не собираюсь пытаться объяснить это. Черт, я и сам этого не понимаю. Я просто знаю, что мне это понравилось. С раздражением он встает и идет к мусорному баку, выбрасывая свой мусор.

Я бросаю взгляд в сторону Изабель, которая кусает нижнюю губу.

Я знаю, что выгляжу идиотом, рассуждая об этом. Наверное, это единственное, чего я

хотел больше всего на свете, — быть с женщиной своей мечты, но мне интересно, действительно ли Хантер все это обдумал. Ведь на карту поставлено так много. Наша дружба. Их брак. Не говоря уже о моем чертовом сердце.

Правило № 12: Кому нужны две кровати? Иногда достаточно и одной

Хантер

— Там должно быть две комнаты.

Человек за стойкой снова набирает на клавиатуре, но нехотя качает головой, когда у него нет никаких хороших новостей, чтобы сообщить мне.

— Мне очень жаль, мистер Скотт. В этом отеле есть только один номер с кроватью king.

— Все остальное забронировано, — добавляет Изабель, сидящая рядом со мной. — Даже в самых захудалых отелях нет свободных номеров.

— В эти выходные проходит джазовый фестиваль, и они заняли все наши гостиницы, — объясняет мужчина. — Это оживленнее, чем Марди Гра.

— Так вот почему вы отдали наш второй номер? — Я ворчу, глядя на консьержа.

— Хантер... — предостерегающе говорит Изабель.

Мы находимся недалеко от Нового Орлеана, и после долгой, неловкой поездки в машине в течение всего дня мне меньше всего нужно ссориться с персоналом отеля. Дрейк был нехарактерно тих с прошлой ночи. Я не хотел, чтобы все было именно так. Я не собираюсь заставлять его спать с Изабель, если он действительно этого не хочет, независимо от того, заключили мы сделку или нет — я не монстр. Но я просто хочу, чтобы он согласился с этой идеей. Потому что я знаю, что он этого хочет. Я видел его взгляд прошлой ночью, когда он целовал ее у стены. Я видел огонь между ними, химию, какой я никогда не видел раньше, и это было чертовски горячо.

А запретный характер всего этого делает его еще лучше. Я могу только представить, что его рука делала в ее платье, и, возможно, он прав. Может быть, мне следовало бы больше злиться из-за того, что другой мужчина находится внутри нее, но я не злюсь. Я чертовски возбужден.

— Ну же, милая. У нас все получится.

— Одна кровать на всех троих? Дрейк сам занимает двуспальную кровать, — возражаю я.

— Единственный вариант — пропустить завтрашний вечер в клубе и сегодня же отправиться в Нэшвилл.

Я застонал. — Мы весь день провели в машине. Я действительно не хочу больше ездить.

— Так что давай просто снимем номер.

Вздыхнув и закатив глаза, я смотрю на консьержа и говорю: — Хорошо. Дайте нам номер.

Он натянуто улыбается и нажимает на кнопку своего компьютера. — Да, сэр.

Дрейк сидит в машине один, а я смотрю на него через высокие стеклянные двери вестибюля. Он выглядит нервным. Может быть, ночевка в одной комнате поможет ему раскрепоститься. Я знаю, что как только он отпустит все свои переживания, он поймет, насколько это может быть хорошо. Он совершал и более безумные поступки.

Получив ключи от номера, мы с Изабель возвращаемся к машине.

— Ну... — говорю я, садясь на пассажирское сиденье. — У них только одна комната.

Он смотрит на меня, словно ожидая, что я объясню.

— С одной кроватью, — добавляет Изабель.

— Ты шутишь, — отвечает Дрейк.

— С ночевкой, — говорю я, пытаюсь разрядить обстановку, но его это не развлекает. С тяжелым вздохом он отгоняет машину на свободное место.

Когда мы зашли в комнату, Изабель сразу же направилась в душ, оставив нас с Дрейком наедине в нашей неловкости. Он даже не колеблется, когда тянется за бутылкой текилы, которую он положил в сумку.

Я открываю мини-бар и нахожу несколько бутылок холодного пива, достаю одну и откупориваю. Смешно подумать, что десять лет назад я бы никогда не заплатил двенадцать долларов за одно пиво в отеле, но мы прошли долгий путь.

— Обслуживание в номере? — спрашиваю я, беря в руки меню.

— Я не голоден, — бормочет он, проглотив рюмку и не поморщившись.

С насмешкой я бросаю перед ним меню. Изабель все еще в душе, поэтому она нас не слышит. Если бы она могла, я бы не был так строг к нему, потому что она всегда пытается защитить его или быть с ним помягче, но сейчас мне надоело его поведение.

— Ладно, хорошо... — пробормотал я.

— Что?

— Сделка отменяется. Если ты собираешься продолжать размышлять об этом, то мы можем сделать вид, что я ничего не говорил. Хорошо?

Нахмурившись, он наливает еще один стакан. — Я бы хотел забыть об этом, Хант.

— В чем твоя проблема? Никакого ущерба не нанесено.

— А как же вчерашний вечер? — спросил он с обиженным видом.

— Что? Один поцелуй?

Он выпивает вторую рюмку и идет к холодильнику, чтобы достать второе холодное пиво. — Дрейк, просто, блять, поговори со мной.

Когда он наконец поворачивается ко мне, я с удивлением вижу обиду в его глазах. — Ты полагаешь, что я просто трахаюсь с кем угодно и когда угодно, и мои чувства тут ни при чем.

Я вздрагиваю. — Что? Я так не думаю...

— Нет, ты так думаешь. Ты думаешь, что для меня это ничего не значит, что я просто пересплю с Изабель, чтобы ты мог получить от этого удовольствие, а потом уйду, как ни в чем не бывало. Ты думаешь, все так и будет?

Господи. Это то, что я думал, что произойдет?

— Дрейк, я не...

— Все в порядке, Хантер. Просто брось это, хорошо?

Пока он откупоривает пиво, я даю ему обдумать его слова. Отклеивая этикетку с бутылки, я смотрю на его лицо, и мне хочется оставить все как есть, но я думаю, что он, возможно, только что открыл совершенно новую банку с червями.

— Я не думаю так о тебе. Я просто... предполагал, что ты лучше умеешь отделять чувства от секса. Я думал, что для тебя это будет легко.

— С другими людьми — да.

— Но не с Изабель? — спрашиваю я.

И когда его глаза скользят по моему лицу, это крадет весь воздух из комнаты. — Ни с кем из вас.

В этот момент открывается дверь ванной комнаты, и из пара выходит Изабель в одном лишь полотенце, обернутом вокруг ее стройной фигуры.

— Забыла захватить пижаму, — легкомысленно говорит она и на цыпочках бежит через всю комнату к нашему чемодану. В комнате все еще царит напряжение, мы с Дрейком смотрим друг на друга, и эти слова повисли между нами тяжелым грузом.

Я не знаю, что он имел в виду, или мое воображение ускользает от меня, но когда он включил меня, он не имел в виду меня в сексуальном смысле.

— Ребята, вы готовы ко сну? — спрашивает Изабель, выйдя через минуту в своих фланелевых штанах и майке.

Не говоря ни слова, мы с Дрейком по очереди заходим в ванную, отводя взгляды, когда проходим мимо друг друга. Затем мы забираемся на кровать, укладывая Изабель между собой.

— Это напоминает мне о том, как мы ходили в поход и было так холодно, что мы спали на заднем сиденье внедорожника, — с улыбкой говорит Изабель.

Я обнимаю ее, глядя через подушку на Дрейка, который смотрит в ответ. — Это была веселая поездка, — говорю я.

— Да, — добавляет он.

Когда она прижимается к моему телу, между ее затылком и грудью Дрейка остается небольшое пространство. И пока они вдвоем предаются воспоминаниям, я думаю о том, что он сказал. О том, что, переспав с Изабель, он подвергнет риску свое сердце и привяжется к ней сильнее, чем хотел бы.

Я игнорирую ту часть, где он включил меня, потому что он явно не имеет в виду то же самое, что и Изабель.

И пусть я сойду с ума, но какая-то часть меня хочет, чтобы он был эмоционально вовлечен. Я не хочу, чтобы Дрейк просто занимался бессмысленным сексом с Изабель. Я хочу, чтобы это что-то значило. То есть, я знаю, что он может отделить секс от эмоций, но не думаю, что хочу этого.

Это жестоко с моей стороны? Подготовить свою лучшую подругу к сердечным страданиям? Или в глубине души я знаю, что никогда не допущу этого? Что каким-то образом я смогу защитить его после того, как все это будет сказано и сделано.

Выключив за собой свет, я погружаю комнату в темноту. С небольшим количеством света, проникающего из города через окно, я снова смотрю на Дрейка. Я, конечно, мудака, но я также немного пьян, и мне надоело играть с этой идеей. Я готов воплотить ее в жизнь.

Притянув Изабель ближе, я прижимаюсь ртом к ее уху и шепчу: — Дрейк выглядит одиноким. Почему бы тебе не пообниматься с ним?

Она отстраняется и смотрит мне в глаза, я тепло улыбаюсь, целую ее в лоб и ободряюще киваю. Через мгновение она делает то, что я сказал. Медленно выкатившись из моих объятий, она прижимается к нему всем телом.

Не раздумывая, он заключает ее в свои объятия. Я не могу передать, какой маленькой она выглядит на его фоне и как только она оказывается в его руках, она становится центром его внимания. Он больше не смотрит на меня, а смотрит на нее. Она стоит лицом к нему, а он проводит рукой по ее спине, поглаживая позвоночник, пока она дышит ему в шею. Это так интимно и идеально, и ни одна частичка меня не злится из-за этого.

Между ними происходит едва уловимое движение, и когда Дрейк отводит голову, чтобы посмотреть на нее сверху вниз, мое сердце учащенно бьется в груди. Его взгляд полон желаний и предвкушения.

И я затаил дыхание в ожидании.

Когда Дрейк проводит большим пальцем по ее челюсти, ее губы приоткрываются. Он смотрит на нее, кажется, целую вечность, их взгляды застыли в тусклом свете. Он бросает на меня нерешительный взгляд, а затем снова поворачивается к ней. Затем он сокращает расстояние между ними, прижимаясь к ее губам, и мое тело загорается от возбуждения.

Их рты сливаются, когда она прижимается к его телу и запускает пальцы в его волосы, чтобы притянуть его ближе. Их поцелуй набирает обороты, раздается тихий гул и звук тяжелого дыхания.

— Все нормально? — пробормотал он, и она едва успела задать этот вопрос, как снова притянула его к себе.

— Да, — кричит она ему в губы.

Я чувствую себя извергом, желая большего, нуждаясь в большем. Я никогда в жизни не испытывал таких сильных чувств. Энергия между ними и вид двух моих любимых людей на земле, пожирающих друг друга, заставляют меня желать взрыва. Мне это так нравится, так нравится.

— Подними ее рубашку, — шепчу я и вижу, как рука Дрейка движется к подолу, но потом останавливается. Он снова отстраняется и смотрит на нее с сомнением, прежде чем она решительно кивает.

— Да, — произносит она с задыхающимся стоном.

Затем рубашка задралась, обнажив груди, и его большая рука быстро накрыла один мягкий бугор, сжимая и пощипывая тугой бутончик соска. Чем больше он массирует ее грудь, тем сильнее я замечаю, как его бедра бьются о ее бедра.

А удовлетворение, которое я испытываю, когда он перекатывается на нее, устраиваясь между ее ног, просто ядерное. Я хочу, чтобы он трахнул ее так сильно, что мне становится больно. Я знаю, что сегодня он, скорее всего, этого не сделает. Я представляю, что они оба захотят не торопиться, но то, как они поглощают друг друга сейчас, заставляет меня сомневаться в этом.

Его рот перемещается с ее рта, мгновенно накрывая губами ее сосок. Он сосет и покусывает, стонет в ее плоть, и я знаю, что это сводит ее с ума. Ее спина выгибается, и она издает громкий гул удовольствия.

Я просто лежу здесь на боку, наблюдая за этой сценой, и чувствую себя затворником, вторгшимся в частный момент между двумя людьми, которые отчаянно хотят друг друга.

Боже мой, как давно они это чувствуют? Неужели эти чувства дремлют, или это запретная природа всего этого, что движет страстью? В любом случае, я не могу поверить в то, как приятно на это смотреть.

— Ты должен попробовать ее на вкус, — говорю я. — Ты не поверишь, как она хороша на вкус, Дрейк.

Изабель издала небольшой вскрик и подняла голову, чтобы посмотреть на него.

— Я хочу попробовать ее на вкус, — отвечает он, не отрывая взгляда от ее лица. — Ты не против?

Она снова кивает. Но прежде чем он опускается между ее ног, она хватается за его лицо и притягивает к себе, чтобы снова поцеловать. Насытившись ее ртом, он спускается вниз по ее

телу, стягивает с нее пижамные штаны и забирает с собой нижнее белье, так что она оказывается перед ним обнаженной. Она колеблется, я вижу. Она поджимает колени, когда он проводит руками по ее бедрам.

— Раздвинь для него ноги, детка, — шепчу я. — Пусть он увидит, какая ты красивая.

Ее колени окончательно раздвигаются, дыхание учащается. При виде ее обнаженной киски Дрейк издал рык.

— Ты просто охренительно совершенна, Изабель, — шепчет он, отбрасывая ее одежду и опускаясь между ее ног. Сначала он нежно целует ее живот, и я вижу, как ее нежная плоть покрывается мурашками. Затем он прижимается губами к внутренней стороне каждого бедра, и Изабель задыхается и хмыкает в предвкушении.

Когда она поворачивает голову и смотрит на меня, я улыбаюсь, прикусывая губу, и наклоняюсь к ней, чтобы впиться в ее губы поцелуем. Прижавшись губами к моим, она громко хнычет, и я опускаю взгляд, чтобы увидеть рот Дрейка, зарывшийся между ее ног. Я отстраняюсь от нее, чтобы посмотреть, как он лижет ее киску, жадно проводя языком по ее клитору.

Изабель корчится и впивается ногтями в кровать, пока он энергично трахает ее языком.

— Дрейк, да! — кричит она. Я не могу удержаться, чтобы не прикоснуться к ней. Я знаю, что, наверное, не должен участвовать в этом, но она слишком восхитительна, чтобы воздержаться. Я зачесываю ее волосы назад, провожу руками по ее горлу, ощущая вибрацию ее звуков на своих пальцах.

— Посмотри на себя, детка. Такая красивая.

Дрейк рычит на ее пизду, глядя на нее сверху, когда он проводит языком между ее складок. Ее ноги извиваются вокруг него, спина выгнута дугой, а маленькие груди подпрыгивают от глубокого дыхания.

— Заставь ее кончить, Дрейк. Она так прекрасна, когда кончает.

Дрейк снова хмыкнул. Затем он пронзает ее двумя пальцами, жадно посасывая ее клитор, заставляя ее кричать. Ее дыхание становится все медленнее и глубже, что, как я знаю, означает, что она вот-вот потеряет сознание.

Она зарывается пальцами в его волосы, обхватывает бедрами его голову и чуть не слетает с кровати. Это величайшее зрелище, которое я когда-либо видел. Я заставлял Изабель кончать больше раз, чем могу сосчитать, но у меня никогда не было возможности увидеть это по-настоящему. Мои глаза пировали, глядя на то, как сокращаются ее сильные мышцы, как обнажается ее длинная шея, когда она откидывает голову назад. Ее глаза закрыты в эйфорическом блаженстве, а нежные губы приоткрыты, когда она издает хриплый крик.

Когда оргазм утих, я снова целую ее, убирая с лица огненно-рыжие, мокрые от пота волосы.

— Это было потрясающе, — шепчу я ей в губы.

Дрейк поднимается со своего места между ее ног, опускается на колени, и мой взгляд мгновенно падает на выпуклую длину его спортивных шорт. Он ловит мой взгляд и проводит глазами по моему телу, останавливаясь на моей эрекции.

Ну, черт. Что теперь?

Проходит несколько долгих мгновений неловкого молчания, прежде чем он берет пижаму Изабель и помогает ей засунуть в нее ноги, затягивая их на место. Затем она смотрит на меня, ее нижняя губа зажата между зубами.

— А как же...

— Достаточно, Рыжая, — отвечаю я. — Давай немного поспим.

— Ты уверена?

Я киваю. — Да, детка.

— Хорошо, — говорит она с неохотой.

Не говоря ни слова, Дрейк убегает в ванную, закрыв за собой дверь. Я не знаю, что он там делает, и не собираюсь спрашивать. Изабель прижимается ко мне, ее рука скользит по моему твердому члену. Я осторожно беру ее за запястье.

— Рыжая... — предупреждающе говорю я.

— Ты в порядке? — спрашивает она, наконец убирая руку.

— Я в полном порядке. Ты в порядке?

Ее зеленые глаза смотрят на меня, когда она кивает.

— Мне тоже чертовски хорошо, — шепчет она. Ругательные слова редко слетает с ее уст, но, черт возьми, это так мило, когда оно слетает.

— Хорошо.

— Как ты думаешь, он в порядке? — спрашивает она.

— Да. Я не думаю, что он сделал бы это, если бы не хотел. Но...

— Но что? — отвечает она. Я закручиваю ее волосы за ухо и целую в лоб.

— Но когда он ляжет в постель, тебе будет удобно обниматься с ним, а не со мной? Я просто хочу, чтобы он знал, что он тебе нужен не только для секса.

Она поднимает голову и бросает на меня озадаченный взгляд. — Больше, чем секс?

— Да. Я думаю, что это поможет ему почувствовать себя лучше. Знать, что он тебе действительно небезразличен.

Она касается моей щеки, делая глубокий вдох. — Ты уверен, что знаешь, что делаешь? Я не хочу, чтобы кто-то пострадал.

— Он тебе небезразличен, не так ли?

— Не так ли? — отвечает она.

Больше, чем она понимает. Черт, больше, чем я понимаю, и я знаю, о чем беспокоится моя жена, но все мое нутро говорит мне, что это правильно.

— Конечно, хочу.

— Хорошо, потому что ты все время говоришь обо мне и о том, как сильно я хочу его, но ты тоже хочешь этого, Хантер, и я думаю, что он должен знать, как сильно ты заботишься о нем — так же сильно, как и я.

— Иногда мне кажется, что Изабель может заглянуть в мои мысли. Клянусь, она знает то, что я прячу в голове, еще до того, как я подумаю об этом вслух, но именно это и делает нас такими идеальными друг для друга. Она находится в моей голове так же, как и в моем сердце.

Через несколько минут Дрейк выходит из ванной, включает свет и забирается в постель следом за Изабель. Она на мгновение прижимается ко мне, и я уже начинаю беспокоиться, что она не сможет этого сделать. Позволить ему съесть ее киску — это одно, но обниматься с ним, пока они засыпают, — это уже слишком.

И я не могу перестать думать о том, что он сказал мне раньше, о том, что не хочет причинять боль. Мне просто нужно, чтобы он знал, что он не просто быстрый трах для нас обоих. По какой-то гребаной причине он привязался к Изабель — это именно то, чего я хочу.

И тут, как раз когда я начинаю терять надежду, она быстро целует меня в губы и

откидывается, упираясь головой в протянутую руку Дрейка. Он на мгновение замирает, глядя на меня сквозь темноту. Но когда я не протестую, он расслабляет свое тело, кладет руку ей на плечо и медленно засыпает.

Правило № 13: Установи правила с самого начала и никогда, никогда не нарушай их

Изабель

Тренажерный зал отеля пуст, что радует, потому что я не могу набрать достаточное количество километров на стационарном велосипеде.

В голове полный бардак. Я все время вспоминаю прошлую ночь и то, что это было совершенно безумно. Я позволила другому мужчине опуститься на меня, пока мой муж наблюдал за этим. Я, наверное, сумасшедшая, потому что это не то, чем занимаются нормальные двадцатисемилетние женщины — и получают от этого огромное удовольствие.

Мне должно быть стыдно за те мысли, которые сегодня бушуют в моей голове. Например, о том, что Дрейк целуется не так, как Хантер. Как по-другому ощущается его рот с чуть более пухлыми губами. Как по-другому ощущается его рот там, внизу. Не лучше и не хуже... просто другой.

Я давно так сильно не кончала.

Я бы никогда не сделала этого, если бы Хантер буквально не сказал нам — никогда. Но Боже... я рада, что он это сделал.

Я преодолеваю восьмую милю на велосипеде, когда дверь в зал открывается, и я оборачиваюсь, заметив, что это Дрейк. Я быстро вытаскиваю наушники и замедляю темп езды на велосипеде.

— Привет, — бормочу я.

— Привет, — отвечает он. — Он работает, так что я решил потренироваться.

Я киваю с натянутой улыбкой. Неделю назад я бы неуместно пошутила над Дрейком, может быть, что-нибудь о том, что он много тренируется, но сейчас я не могу так шутить. После вчерашнего вечера я не могу сделать или сказать что-то рядом с ним, чтобы не чувствовать себя неловко и напряженно.

Он неловко ковыляет к весам, а я изо всех сил стараюсь вести себя естественно, но это невозможно. Я ненавижу это. Ненавижу, что мы больше не мы, а я любила нас.

Давайте будем честными — Дрейк тоже мой лучший друг, даже если мы не говорим об этом так, как он и Хантер. У меня нет близких друзей, только несколько дружеских знакомых. Дрейк — тот парень, с которым я хочу проводить выходные, приглашать в кино, пить с ним и сидеть, ничего не делая, по крайней мере, он был таким до того, как стало неловко.

И какой бы замечательной ни была прошлая ночь, я бы предпочла вернуть ту дружбу, а не эту.

Он, должно быть, тоже это чувствует, потому что быстро поворачивается ко мне лицом и говорит: — Мне кажется, или сейчас все очень неловко?

Я быстро качаю головой. — Дело не только в тебе, Дрейк. Сейчас все очень неловко.

— Я ненавижу это. Может, мы просто поговорим об этом, и все вернется на круги своя?

— Пожалуйста, — соглашаюсь я.

— Хорошо..., — говорит он, позволяя своему голосу затянуться в тишину.

Я полагаю, что это та часть, где мы действительно говорим о третьей базе, которую мы обошли прошлой ночью, но это, очевидно, не так просто.

— Ты уверена, что не против? — спрашивает он. Его ярко-голубые глаза сфокусированы на моем лице с теплотой и заботой, и я просто люблю его за это. Как такой милый и чувствительный человек может быть не предан никому?

— Я не против, если только это не сделает наши отношения странными.

— Я тоже.

— Значит, вчера все было хорошо? — спрашиваю я деликатно, как будто мне нужно, чтобы он подтвердил, что то, что он съел меня, было всем, чего он только мог пожелать. Но спрашивать об этом как-то нелепо.

— Прошлая ночь была потрясающей, — отвечает он, и я чувствую, как у меня в животе порхают бабочки.

— Это было...

— Боже, это так странно, — добавляет он, и я смеюсь.

— Наверное, не так странно, как обниматься, — отвечаю я, пытаюсь разрядить густое, плотное напряжение.

— Да ладно тебе, — шутит он, толкая меня в плечо. — Ты отлично умеешь обниматься.

— И ты тоже! Мы должны были обниматься все это время.

Он смеется. — Обычно я не очень люблю обниматься.

— Ну, оказывается, твои мускулистые бицепсы — отличные подушки.

Улыбаясь, он разминает их, и я закатываю глаза. — Эти подушки?

— Прекрати, ты выпендриваешься, — поддразниваю я его, и вот так... мы снова мы. Ну, в основном. Неловкость все еще присутствует, но, по крайней мере, мы можем шутить и обходить те моменты, которые вызывают у нас дискомфорт, например, тот факт, что прошлой ночью он буквально просовывал свой язык в мою киску. Боже, зачем я только напомнила себе об этом?

К счастью, он переходит к гилям у стены, и мне удастся скрыть свой румянец за покрасневшими от тренировки щеками.

— Знаешь... — говорит он, беря в руки штангу, — нам, наверное, стоит завести какие-то правила. Может быть, это поможет нам разделить все, чтобы не было слишком странно.

— Это отличная идея, — отвечаю я. — Что ты имеешь в виду?

— Ну... — Он на мгновение задумывается, скручивая гири как ни в чем не бывало. — Во-первых, мы с тобой ничего не сможем сделать, если рядом не будет Хантера.

— Очевидно, — отвечаю я.

— И все должно быть по обоюдному согласию. Если ты хочешь, чтобы это прекратилось, просто скажи... намате.

Я смеюсь. — Это должно быть моим безопасным словом?

— Да, почему бы и нет?

— Это буквально худшее безопасное слово, которое я когда-либо слышала.

— Хорошо. Тогда ты его не забудешь. — Он ставит штангу обратно на стойку. — И я надеюсь, что тебе никогда не понадобится его использовать, — добавляет он.

Улыбка появляется на моих губах, когда я набираю скорость на своем велосипеде. Неужели он только что признался, что надеется, что я захочу заняться с ним сексом, и неужели он хотел сказать именно это?

После долгого, напряженного момента он поворачивается ко мне. — Я не это имел в

виду. Я просто хотел сказать... Я надеюсь, что ты никогда не будешь чувствовать себя неловко...

— Я знаю, что ты имел в виду, Дрейк. — Я улыбаюсь, и это заставляет его улыбнуться, прикусив нижнюю губу, когда он отворачивается. Яркая, зубастая ухмылка растягивается по его лицу, и она буквально греет мне живот. У Дрейка самая лучшая улыбка, которая, я уверена, сводит с ума всех женщин.

— Мы должны использовать защиту. Каждый раз.

— Я на..., — начинаю я, но он поднимает руку.

— Я не хочу, чтобы все стало еще сложнее, чем нужно. Я хочу использовать защиту. Я закрываю рот. — Если ты этого хочешь, я не против.

Проходит несколько тихих минут, прежде чем я добавляю: — А Хантер должен просто... наблюдать, верно? Ты же не хочешь, чтобы он... вмешивался?

Дрейк поднимает голову и смотрит на меня, его бровь изогнута дугой. — Я не возражаю. А ты?

Мой рот открывается. — Нет, я не против. Я просто подумала...

— Я не думаю, что это должно быть правилом, — добавляет он, возвращаясь к весам. Кажется, что он специально избегает зрительного контакта. Неужели этот вопрос заставил его почувствовать себя неловко? Я просто предположила, что Хантер — его друг и хочет заниматься только потому, что ему хочется посмотреть, и если Дрейк скажет, что он не может участвовать, это будет проще. Мы пытаемся избежать неловкости, но Дрейк, кажется, почти... хочет, чтобы Хантер участвовал.

Я не могу перестать думать об этом, когда заканчиваю десятую милю на велосипеде. Я знаю, что Дрейк время от времени спит с мужчинами, и Хантер всегда поддерживал его, но я заметила, что, похоже, ему это не нравится. Всякий раз, когда Дрейк рассказывал о мужчине, с которым он переспал, Хантер сжимал челюсть и менял тему.

И я никогда не замечала никаких признаков влечения между ними. Так почему же он вдруг стал поощрять Хантера присоединиться к ним?

Дрейк сейчас делает приседания с длинной штангой, накинутой на плечи. Я замечаю, как он морщится при каждом опускании, как поджимает ногу, когда встает.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Да, просто подколенные сухожилия напряжены до предела.

Он ставит штангу обратно на стойку и потирает заднюю часть ноги.

— Давай я помогу тебе их размять.

Я спрыгиваю с велосипеда и беру коврик из угла, расстилаю его на полу между нами.

— Ты не обязан этого делать, — отвечает он, и я наклоняю голову в его сторону.

— Это буквально моя работа. Давай.

Вздыхнув, он опускается на коврик и садится, вытянув ноги.

— Ложись.

— Не делай мне больно, — игриво отвечает он.

— Не обещаю.

Когда он ложится на спину, я поднимаю его правую ногу и прижимаю ее к своей груди, прижимая к его телу. Он издает протяжный стон, и я сразу вижу, насколько напряжены его мышцы.

— Тебе нужно больше растягиваться. Ты слишком тугой.

— Я ненавижу растягиваться.

Я закатываю глаза, прижимая его ногу к своему телу. — Не будь таким ребенком. Я постоянно делаю это для Хантера.

— Ну, может быть, если бы я был женат на красивой инструкторше по йоге, я бы не ненавидел это так сильно.

Я хихикаю, прижимая его ногу еще глубже, но когда мы ничего не говорим в течение нескольких минут, он снова начинает напрягаться.

Наши глаза встречаются, и это напряженный взгляд. Я уже миллион раз смотрела Дрейку в глаза, но внезапно любой зрительный контакт между нами теперь ощущается иначе, как будто наша связь была увеличена, раздута до миллиона процентов от первоначального размера, и я не уверена, как вернуть ее в прежнее состояние. Я не уверена, что вообще хочу этого.

— Почему ты так и не успокоился? — осторожно спрашиваю я. осторожно спрашиваю я.

Он сплывает и снова смотрит в потолок. Когда я придвигаю его ногу чуть ближе к телу, он вздрагивает. — Я не знаю. Я никогда не чувствовал того, что чувствовал Хантер.

— Что ты имеешь в виду?

— Я помню тот день, когда он увидел тебя в первый раз. Когда ты шла по улице в изумрудно-зеленом платье и черных босоножках, он не мог оторвать от тебя глаз. Потом он не мог перестать говорить о тебе, и мы стали каждый день возвращаться на тот угол, чтобы увидеть тебя. Это было очень важно, и я все ждал, что почувствую то, что он чувствовал в тот день, но этого так и не произошло.

— Я помню то платье, — отвечаю я, отвлекаясь на то, что Дрейк помнит, во что я была одета в тот день десять лет назад.

— После того дня я больше не видел тебя в нем.

— Знаешь... не все так встречают своих супругов. На самом деле это не так уж и нормально — быть таким уверенным, каким был Хантер. Некоторые люди знают свои половинки годами, прежде чем осознают это.

— Я знаю, — говорит он, когда я отпускаю его ногу и двигаюсь к другой. — Но это то, чего я хочу. Я не хочу довольствоваться меньшим.

— Ты найдешь кого-нибудь, — говорю я, чувствуя нотки разочарования при этой мысли.

Вздыхнув, он поднимает на меня глаза. И тут же напряжение возвращается. Он, видимо, тоже это чувствует, потому что тут же говорит: — Давай договоримся всегда быть откровенными друг с другом. Что бы ты ни чувствовала, ты должна сказать мне. Я не хочу причинять боль ни тебе, ни Хантеру.

— Я тоже, — добавляю я.

— Поэтому мы должны говорить обо всем. Неважно, насколько это неловко или больно. В его глазах такая искренность.

— Я знаю.

— Договорились? — спрашивает он.

— Договорились, — отвечаю я.

Правило № 14: Некоторые люди нуждаются в том, чтобы их связывали

Хантер

Дрейк, Изабель и я собрались вокруг стола в задней части клуба Crescent City Kink Club в разгар мастер-класса по веревочному бондажу. Преподаватель — красивая женщина по имени Силла, высокая и стройная, с мягким голосом и сияющей улыбкой. Трудно сосредоточиться на том, чему она учит нас и десятки других пар и групп, собравшихся здесь для обучения, когда она смотрит на нас ослепительными ореховыми глазами.

У Дрейка та же проблема. Я вижу это по тому, как его глаза опускаются вниз по ее телу, как он облизывает губы, когда его взгляд останавливается на мерцающей темной плоти, выпирающей из тонкого белого бюстгалтера.

— Может, вы оба будете внимательны? — шепчет Изабель. шепчет Изабель.

Мы с Дрейком хихикаем, пряча бесстыдные улыбки, когда Силла велит нам взять в руки длинную черную веревку. Каждый из нас держит по пряди, пока она объясняет нам основные узлы. Изабель легко справляется с этим, в то время как мы с Дрейком путаемся, создавая больше непреднамеренных узлов, чем тех, которые мы должны были создать.

Сегодня отношения между нами были на удивление комфортными. Когда они оба вернулись из спортзала сегодня утром, они улыбались и шутили, как обычно. Они оба ни о чем не беспокоились. Это все еще мы. Это ничего не меняет.

Я не хочу торопить события, но прошлая ночь была настолько невероятной, что мне не терпится повторить ее снова. Мне нужно видеть этих двоих вместе так же сильно, как мне нужна Изабель для себя. Сегодня мы даже не занимались сексом, а значит, я все еще нахожусь в напряжении после вчерашнего вечера.

— Теперь я хочу, чтобы вы выбрали одного человека из вашей группы, который будет подчиняющим, а другого — подчиняемым.

И когда мы с Дрейком ошарашенно смотрим на нее, она продолжает с игривой ухмылкой. — Такелажником будет тот, кто будет связывать. Сабмиссивом будет тот, кого связывают.

Мы в унисон смотрим на Изабель, которая тут же качает головой.

— Только не это, — щебечет она. — В прошлый раз меня связали. Думаю, кто-то из вас должен попробовать это сегодня.

— Ну, в прошлый раз Дрейк связал тебя. Разве сейчас не моя очередь? — спрашиваю я.

— Нет. Почему бы тебе не связать его сегодня?

Мои щеки пылают румянцем, и я смотрю на нее расширенным взглядом. Она что, специально это делает?

Когда я смотрю на Дрейка, он выглядит слишком комфортно, на мой вкус. — Не думаю, что у нас есть выбор... если только ты не готова быть сабмиссивом сегодня вечером?

Затем он, черт побери, подмигивает мне, и мне приходится заставить свое лицо не выдать того, как взрываются мои внутренности.

— Хорошая попытка, — бормочу я, хватаясь за веревку.

— Ну же. Скажи честно. Ты всегда хотел связать меня, не так ли?

— Чтобы заткнуть тебя, да, хотел.

Он хихикает как раз в тот момент, когда Силла дает нам следующие инструкции. — На сабмиссиве должно быть как можно меньше одежды, чтобы веревки прилегали к коже для достижения полного эффекта. Это полностью зависит от вас, сколько вы решите снять.

Дрейк ухмыляется, а я изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание. Почему вчера вечером все было так легко? Почему вдруг я нервничаю, как черт, особенно когда вижу, как Дрейк срывает с себя обтягивающую футболку, обнажая безволосую грудь и рельефный пресс?

Черт возьми, эта его строительная работа идет ему на пользу.

Затем он расстегивает брюки, глядя на меня своими ярко-голубыми глазами, и я отвожу взгляд, когда он сбрасывает джинсы на пол, и вот он уже стоит передо мной в одних лишь обтягивающих черных боксерах, не оставляющих никаких шансов для воображения.

— Я готов, сэр, — говорит он дразнящим тоном, и я сдерживаю смех.

— Прекрати, — огрызаюсь я.

— Сейчас я покажу тебе базовый "бокс-галстук", — говорит она, демонстрируя на своем партнере, как нужно складывать предплечья за спиной, что Дрейк и делает, повторяя его действия. Изабель наблюдает со стороны с озорной улыбкой на лице.

Я неуверенно выполняю инструкции, путаясь в расположении веревок на глазах у всех окружающих. Она идет не слишком быстро, и это не так уж сложно, но я не могу мыслить здраво или правильно действовать, когда касаюсь обнаженной груди и спины моей лучшей подруги. Я такой же прямой, как и все остальные, так почему же, черт возьми, у меня в шпанах все набухло? Это мешает сосредоточиться.

— Нужна помощь? — спрашивает Силла, подходя к нашему столику и видя, как я напрягаюсь.

— Он совсем пропащий, — шутит Дрейк.

— О, конечно, нет, — отвечает она, двигаясь к тому месту, где я борюсь с этим узлом. Мне следовало бы быть внимательнее, когда она показывала.

— Все не так уж плохо, — говорит она, беря себя в руки и пытаясь показать мне, где я напортачил. Но все, на чем я могу сосредоточиться, это на том, что она прикасается к нему.

— Я впечатлена тем, что вы хотите учиться, мистер Скотт. Вы ведь здесь только для того, чтобы найти эксперта для своего клуба, верно?

— Да, — отвечаю я. — Но мне все же хотелось бы узнать немного больше, прежде чем работать с кем-то.

— А что именно вы обо мне думаете? — спрашивает она с кокетливой улыбкой.

— Вы очень осведомлены, — отвечаю я.

Она сильнее натягивает веревку, обмотанную вокруг рук Дрейка, и он хрипит, когда она натягивает ее. Затем я наблюдаю, как она проводит своими длинными ногтями по мышцам его рук и спины.

— Веревка оставит на твоей коже красивые следы...

— Дрейк, — отвечает он, оглядываясь на нее.

— Дрейк, — повторяет она знойным тоном. Затем она переходит к нему спереди. — И что ты думаешь? Может, мне как-нибудь заглянуть в ваш клуб?

— Конечно. Я с удовольствием проведу для вас персональную экскурсию.

— С удовольствием, — говорит она, и у меня сжимается челюсть. Какого черта он

должен флиртовать со всеми подряд? Прошлой ночью я буквально наблюдал за ним, засунув голову между ног моей жены, но видеть, как эта другая женщина охаживает его, заставляет мою кровь кипеть.

Украдкой взглянув на Изабель, я увидел на ее лице зеркальную реакцию. Ее губы плотно сжаты, и она смотрит на Силлу, которая все еще держит руки на полуобнаженном теле Дрейка.

Если я знаю Дрейка, а я его знаю, то он не остановится, пока не заставит ее стонать под его именем в какой-нибудь приватной комнате клуба до того, как часы пробьют полночь. Но сейчас он этого не сделает, не так ли?

Мы должны обсудить некоторые основные правила. Я не могу допустить, чтобы он трахал какую-то другую девушку и мою жену в один и тот же уик-энд. Изабель заслуживает большего.

Но действительно ли я прошу его быть эксклюзивным... для нас? И на какой срок? Сколько раз я позволю им спать вместе? Я действительно не продумала все до конца.

— Вот, — объявляет Силла, отступая назад, чтобы показать свое произведение искусства. Предплечья Дрейка связаны за спиной, веревки обвиваются вокруг его больших бицепсов, шнур вдавливается в плоть, и, честно говоря, это выглядит болезненно. Но учитывая то, как он продолжает флиртовать с Силлой, я надеюсь, что это больно.

— Выглядит отлично, — отвечает Изабель с принужденным энтузиазмом.

Без предупреждения она быстро развязывает все, что сделала, а затем смотрит на меня. — Теперь, когда ты видел, как я это делаю, я хочу, чтобы ты попробовал еще раз. Веревочный бондаж — это связь между тобой и твоим сабмиссивом. Отдыхайте вместе. Он доверяет тебе, а это уже подарок. Поэтому я хочу, чтобы вы попробовали еще раз, но на этот раз... сосредоточьтесь на мужчине, к которому вы прикасаетесь. Не на веревке.

— Эмм... — заикаюсь я. — Мы просто друзья.

Она смотрит на меня без всякого удивления. — Хорошо. Тогда это будет легко. Я полагаю, он уже доверяет вам.

Изабель прочищает горло, и я отмахиваюсь от нервов, расправляю плечи и беру веревку у Силлы.

— Не обматывайте его слишком туго. Небольшая потеря кровообращения вполне ожидаема, но если станет слишком неудобно, поговорите с такелажником. И не оставайтесь в таком положении более двадцати минут, иначе вы рискуете повредить нервы. Понятно?

— Да, мэм, — отвечает Дрейк, подмигивая.

— Когда вы закончите... я с удовольствием проведу для вас экскурсию, — говорит она, улыбаясь ему прямо в лицо. У меня закрипели зубы, когда я увидел, как она смотрит ему в глаза.

— Это было бы здорово! — восклицает Изабель, прерывая их маленькое звездное общение. Силла притворно улыбается в сторону моей жены, а затем уходит, чтобы помочь другим столам.

Затем я вздыхаю, пытаюсь снова затянуть веревку, стараясь отключить все голоса в моей голове. Когда веревка перекидывается через плечи Дрейка, я бросаю взгляд в его сторону, и наши глаза встречаются в жаркой связи. С невозмутимым выражением лица я затягиваю веревку чуть сильнее, и он издает почти беззвучный хрип, все еще глядя на меня.

Затем еще одно натяжение, и его грудь окружают черные узлы, воздух покидает легкие в удовлетворенном выдохе. Он подчиняется связыванию с ленивым возвышенным выражением

лица.

Когда я заканчиваю, Дрейк выглядит почти сонным, и я замечаю, что мои пути крепче, чем у Силлы. Я отхожу и встаю рядом с Изабель, чтобы оценить мою работу.

— Выглядит так хорошо, — тихо пробормотала она.

Так и есть. Выглядит чертовски хорошо.

— Кто-нибудь собирается меня развязать? — спрашивает Дрейк через мгновение, и я встряхиваюсь, выходя из гипноза, под которым я вдруг оказался. Что, блядь, на меня нашло?

— Я должен оставить тебя в таком состоянии, — ворчу я, прежде чем уйти. У меня сейчас нет терпения сохранять спокойствие, и как бы мне ни хотелось сказать ему, какой он придурок, что флиртует с Силлой прямо у нас на глазах, я не имею права указывать Дрейку, что ему делать. Я знаю это, и все же... я хочу. Я хочу доминировать над ним, и это новое чувство, с которым я пока не знаю, что делать.

Усмехнувшись, он зовет меня за собой. — Что я сделал?

Но я не отвечаю. Я оставляю Изабель развязывать его, а сам отправляюсь в бар, чтобы выпить.

Правило № 15: Незнакомые люди — отличные собеседники, которым можно довериться

Дрейк

Я бы хотел, чтобы Хантер просто говорил то, что у него на уме. Он всегда был таким, дулся и размышлял в тишине, пока просто не уходил, никогда не выражая себя по-настоящему. Мне хочется нажать на его кнопки, что я сейчас и делаю. Я знаю, что его так разозлило, но если он не хочет поговорить об этом по-взрослому, то я заставлю его страдать из-за этого.

— Я должна пойти проверить его, — говорит Изабель после того, как мы сняли с меня все веревки и сложили их на стол. Я натягиваю штаны, но на мгновение оставляю рубашку. Моя кожа все еще немного чувствительна от веревки, и я борюсь с желанием чесаться.

— Встретимся там, — отвечаю я. Она посылает мне напряженную улыбку и исчезает в соседней комнате, где находится бар. Этот клуб очень похож на Salacious. Здесь есть главный зал, множество комнат поменьше и большая комната в конце, где они должны проводить свои мастер-классы и шоу. Это заставляет меня ломать голову над тем, как мы можем добавить подобное помещение в наш клуб.

Я превратил главную комнату в гигантский коридор для вуайеристов, так что я легко справлюсь с этой задачей.

— О, посмотри на свои следы от веревки. Они прекрасны.

Мягкие руки ласкают мои руки, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть Силлу, осматривающую мою кожу, словно это произведение искусства.

— Спасибо? — говорю я с вопросом.

— Не на всех участках кожи остаются одинаковые следы от веревок, но твоя получилась идеально. Давай я тебе покажу. — Она достает свой телефон и направляет его на мою спину. Когда срабатывает вспышка, она издает недовольный звук. — Освещение здесь ужасное. Пойдемте со мной. Я отведу тебя в комнату с лучшим освещением, и ты сможешь все увидеть.

— Мои друзья...

— Это займет всего секунду. Мне нужно сделать хороший снимок, пока они не потускнели.

Вздыхнув, я бросил последний взгляд в сторону двери и последовал за ней. Я провел пальцами по впадинам на руках, где веревка плотно сжимала мои мышцы. Это было больно, но, как ни странно, приятно. Я почти хотел, чтобы они были затянуты потуже. Мне нравилось чувствовать себя скованной и отданной на милость Хантера. Мне нравилось быть в центре его внимания и быть настолько связанной с каждым его движением, что я могла просто потерять себя в веревке в его руках.

— Итак, эта пара была твоими...

— Моими друзьями, — отвечаю я на ее вопрос, потому что точно знаю, о чем она спрашивает. Довольно забавно, что никто не спрашивал об этом раньше. Мы всегда вместе, и, наверное, мы действительно выглядим как пара. Сейчас я понимаю, что многие в клубе,

наверное, считают нас таковыми.

— О, — отвечает Силла с улыбкой. — Они красивая пара.

— Да, это так.

— Ну вот и все, — говорит она, когда мы доходим до третьей двери в темном коридоре.

Она открывает дверь в тусклую комнату и нажимает на одну из лампочек на стене. Здесь не совсем светло, точно не ярче, чем в другой комнате. Она богато украшена: с одной стороны стоит большая кровать, с другой — внушительных размеров кресло, как будто созданное для просмотра. Вдоль каждой стены — зеркала, витиеватые, с замысловатыми латунными узорами.

— Иди сюда, — говорит она, подтаскивая меня к стене. Поставив меня спиной к зеркалу, она снова достает телефон и делает снимок без вспышки.

— Идеально, — шепчет она. Поднеся телефон к лицу, я вижу замысловатые узоры на спине от веревки, но они не производят на меня такого впечатления, как на нее.

Затем ее пальцы снова оказываются на мне. Я смотрю вниз на ее густые, трепещущие ресницы и тугие черные локоны. Она прекрасна, и я понимаю, что если бы захотел, то мог бы трахнуть ее прямо здесь, прямо сейчас. Ведь... именно поэтому она привела меня сюда. Я ни на секунду не верю, что дело в освещении. Она сильно разыгрывает свои карты, и мне еще никогда не приходилось так стараться.

Ее взгляд скользит вверх и останавливается на моем лице. — Как насчет тура?

— Ты хочешь взять меня на экскурсию? — спрашиваю я.

— Я покажу тебе все, что ты захочешь, — отвечает она, проводя ногтями по моим грудным мышцам. Затем она наклоняется и прижимается губами к моей груди, и я проклиная свою глупую, прогнившую удачу. Моя голова откидывается назад, и я практически рычу от разочарования.

Положив руки на ее руки, я легонько подталкиваю ее назад. — Черт, мне так жаль, что я должен это сделать.

— Тогда не надо, — отвечает она, прижимаясь ко мне. Ее пальцы вцепились в пояс моих брюк, и я стиснул зубы.

— Силла, ты невероятно красива, и я хотел бы это сделать... но я вроде как с кем-то.

— Где она?

— Это сложно, — отвечаю я, проводя руками по волосам. — И, честно говоря, я даже не знаю, что я делаю и что мы такое, но я просто не могу сейчас быть с кем-то еще.

Ее плечи опускаются. — Конечно, ты же джентльмен.

С моих губ срывается смех. — Вряд ли. На самом деле, я чертов негодяй. Хотел бы я показать тебе, насколько я таков, но эти люди... этот человек... очень важен для меня.

Она смотрит на мое лицо с легким прищуром, и наконец ее глаза расширяются, а рот принимает форму буквы "О". — О... это они, не так ли? Пара.

Я открываю рот, чтобы возразить, потому что это не то, в чем я готов признаться, но потом понимаю, что не знаю эту женщину. Она не знает ни меня, ни клуб, ни что-либо еще, так что она — лучший человек, которому можно довериться.

— Вообще-то... да.

Она кивает с натянутой улыбкой. — Оба?

— Нет... только она, вроде как.

— Вроде?

— Ну... он хочет посмотреть, — добавляю я с гримасой.

— О, извращение, — отвечает она со смехом. — Но это не значит, что ты принадлежишь им.

— Я знаю, знаю. Но я не могу спать с ней и с другими людьми.

Силла нахмурила брови. — И как долго?

— Наверное, в этом и заключается вопрос.

— И давно ты с ней спишь? — спрашивает она, и я вздрагиваю.

— Еще нет.

— Понятно..., — отвечает она с пытливым выражением лица, как будто пытается разобраться во всем этом. Удачи... даже я этого не понимаю. — Итак, позволь мне прояснить ситуацию. Речь идет только о сексе, так?

— Верно.

— И ты хочешь этим заниматься?

— Конечно, — отвечаю я.

— Так... в чем проблема?

— Проблема в том, что это мои лучшие друзья, и я хочу этого так же сильно, как и они, но что я буду делать, когда все закончится? Что, если я потеряю их из-за этого?

Она отступает на шаг и кривит губы в раздумье. — А что, если ты их приобретешь?

— А?

Вздыхнув, она садится на край кровати и смотрит на меня. — Если их можно потерять, то разве не так же возможно, что ты их приобретешь?

— Мы уже лучшие друзья. Как я могу их приобрести?

— Не будь таким тупым. Ты прекрасно понимаешь, о чем я!

Понимаю, но... эта мысль так далека от моего сознания. Это просто секс. Это просто извращение, которого хочет Хантер. Я же не собираюсь присоединиться... или участвовать в их отношениях, или что-то еще. Я даже не знаю, как это называется.

— Нет, — отвечаю я, качая головой. — Это мои лучшие друзья. И то, чем мы занимаемся, это просто секс. Мы не собираемся становиться парой или что-то в этом роде.

— Ты не хочешь этого? — спрашивает она. Я прищуриваю глаза и смотрю в потолок, размышляя об этом.

Нет, я не хочу этого. Я не хочу остепениться... хотя если бы и хотел, то только с кем-то вроде Изабель.

— Это не имеет значения. Он не бисексуал. Как бы это вообще работало? Мы оба будем с ней?

Она пожимает плечами. — Конечно.

— Но это же его жена.

— Которую он просит тебя трахнуть.

Трогательно.

— Видишь, вот о чем я говорю. Это сложно, а секс, которым я обычно занимаюсь, не сложный. Он простой. Никаких привязанностей. Никаких привязанностей. Черт, в половине случаев я даже не знаю, как их зовут. И это мне нравится. В этом дерьме слишком много движущихся частей и вещей, о которых нужно беспокоиться.

— Но ты все равно этим занимаешься, — отвечает она.

Вздыхнув, я говорю: — Да.

Я все жду, что она спросит, почему, но вместо этого она кивает головой со знающей улыбкой. И я думаю, что на самом деле нет никакого вопроса, почему я это делаю. Я делаю

это, потому что хочу. Потому что я хочу их.

— Да ладно. Твоя извращенная парочка наверняка ищет тебя, — говорит она, потянув меня к двери.

Переплетя ее руку со своей, я улыбаюсь ей. — Ты мне нравишься. Я замолвлю словечко и приведу тебя в Salacious.

— Я никогда не была в Калифорнии, — отвечает она.

— Там дорого и многолюдно, но у нас отличные пляжи, — отвечаю я.

— И отличные мужчины.

— Очевидно, — говорю я, и мы оба смеемся, когда она открывает дверь. Настроение у меня гораздо лучше, чем несколько минут назад. Пока мы не выглядываем в коридор и не обнаруживаем мою "извращенную парочку", как она их называет, ожидающую меня с раздраженным выражением на лицах.

Глаза Хантера пляшут между мной и Силлой, а Изабель ждет, нервно пожевывая губу.

— Пойдемте. Мы уходим.

Он ворчит, прежде чем броситься прочь.

— Подожди, — зову я, догоняя его. Обернувшись к Силле, я бросаю на нее беспомощный взгляд. — Увидимся позже, хорошо?

— Иди, иди, иди, — отвечает она. — Но подожди!

Она хватается меня за руку и сует мне в руку карточку.

— На случай, если ты захочешь вернуть их сюда, — говорит она, кивая головой в сторону комнаты, из которой мы только что вышли.

— Спасибо, — бормочу я, глядя на матовую черную карточку в своей руке.

Изабель наблюдает за нами, на ее брови проступает озабоченность. Положив руку ей на спину, я веду ее к тому месту, где только что исчез Хантер. Когда мы догоняем его, он уже на полпути к выходу.

— Может, притормозишь? — Я огрызаюсь, хватая его за руку.

— Сделка отменяется. — Он ворчит, отстраняясь.

— Что?

Мы с Изабель отвечаем в унисон.

— Дрейк, ты не можешь играть на поле, пока мы этим занимаемся. Это нечестно по отношению к ней.

— Я не...

— Мы оба видели, как ты с ней флиртовал. Это было очевидно.

— Я флиртую со всеми, Хантер, — возражаю я. Почему мне вдруг кажется, что я спорю не с лучшим другом, а с ревнивым парнем? — Я ни с кем не спал. Я не такая уж и шлюха.

— Я не говорил, что ты...

Он с трудом подбирает слова, он явно на взводе, и я чувствую, что карточка в моей руке сжата так крепко, что на ладони остались следы.

Заставляя себя сглотнуть, я вспоминаю, какой идеальной была та комната. В углу стояло кресло, все было стильно, а не какая-то захудалая гостиничная койка. И я действительно полон решимости осуществить эту безумную идею, так что начнем. Нет лучшего времени, чем настоящее.

Я протягиваю ему карточку. — Она дала нам комнату. Я ничего в ней не делал, только разговаривал с ней. Ты можешь мне доверять. Так... мы хотим использовать ее или нет?

Глаза Хантера фокусируются на карточке, которую я держу между нами. Затем я

бросаю взгляд в сторону Изабель, которая молча стоит рядом со своим мужем. Она тоже смотрит на карточку, как будто она сейчас взорвется или что-то в этом роде.

Она заговорила первой. — Я готова.

Мое сердце бьется чуть быстрее. — Я тоже готов.

Затем мы с ней оба смотрим на Хантера в ожидании. И я наблюдаю за тем, как расслабляется его челюсть, как опускаются плечи от ушей, как исчезает морщинка между бровями. Наконец, он смотрит мне в глаза и отвечает: — Я готов.

Когда я открываю дверь в комнату, где мы с Силлой только что были, между нами все еще сохраняется напряжение. Изабель входит, неуверенно оглядываясь по сторонам и прицениваясь к обстановке, словно пытаюсь решить, то ли это место, где она хочет заняться сексом со вторым мужчиной за всю свою жизнь.

— Здесь мило, — шепчет она, оглядываясь по сторонам, и, честно говоря, мне становится не по себе от всего этого. Неловкие сексуальные встречи — не мой стиль. Если бы я был с нормальной девушкой, я бы просто быстро перешел к физическому контакту, чтобы заглушить все эти предсексуальные переживания. Но сейчас это для нас не вариант.

Хантер хочет наблюдать, и я знаю, что в какой-то степени он тоже хочет все это организовать. По крайней мере, так я поняла из вчерашнего вечера. Если мы собираемся это сделать, то это должно быть на его условиях. И в какой-то степени на условиях Изабель. И в меньшей степени — на моих.

Я все еще без рубашки после того, как Силла притащила меня сюда, поэтому я бросаю рубашку на комод и встаю перед Хантером. — Что нам теперь делать?

Он не отвечает, продолжая исследовать комнату, открывая ящики и шкафы, чтобы осмотреть то, что они могут предложить. Я вижу все как обычно: презервативы, смазку и несколько основных игрушек, таких как наручники и подушки.

Затем он открывает шкаф, и я с удивлением вижу то, что выглядит как стереоресивер. Даже Хантер разделяет мое удивление. И тут я понимаю, что именно поэтому здесь так неуютно. Мы не слышим музыки из главной комнаты, поэтому здесь практически тишина.

Хантер пробует несколько ручек и кнопок, и через мгновение музыка начинает играть через динамики на потолке. Мне требуется несколько минут, чтобы определить, что это за песня, но когда певец запекает, я сразу узнаю ее: "Stand by Me". Это классика, романтическая и знойная, и я бросаю взгляд на Изабель, которая нервно крутится возле кровати.

Хантер ослабляет галстук, затем закатывает рукава рубашки. Подняв подбородок, он смотрит на меня сквозь густые ресницы, произнося свои следующие слова как приказ.

— Потанцуй с моей женой.

Возбуждение вспыхивает во мне, как взрыв, и я бросаю взгляд в сторону Изабель. Не говоря ни слова, я протягиваю ей руку.

По ее лицу пробегает улыбка. Затем она кладет свою руку в мою и позволяет мне притянуть ее к себе. Моя рука скользит по ее спине, и мы начинаем раскачиваться из стороны в сторону, музыка несет нас. И когда она переходит в инструментальный бридж, свет становится тусклее. Хантер непринужденно прислонился к шкафу и наблюдает за нами, пока я обнимаю ее, заглядывая в ее глаза. А когда музыка начинает стихать, она переходит в другую песню. На этот раз что-то из Марвина Гэя.

— Поцелуй ее, — раздается голос со стороны комнаты, и я уже наклоняюсь к ее рту.

Она сокращает расстояние, приподнимается на носочки, чтобы захватить мой рот своим.

И в тот момент, когда мы соприкасаемся, все напряжение исчезает.

Ее рот жадный и теплый, ее язык скользит по моему, и я понимаю, что мы целуемся всего третий раз, но это уже так естественно, как будто мы созданы для этого. Мои руки скользят по ее спине и останавливаются на талии, я притягиваю ее ближе, чтобы она могла почувствовать толщину моих броек. Я хочу, чтобы она знала, что она делает со мной.

— Сними с него одежду, Рыжая, — приказывает Хантер, и я смотрю поверх ее головы, чтобы увидеть, как он расслабляется в большом кресле, наблюдая за нами похотливым взглядом из-под капюшона. Изабель не колеблется. Ее пальцы уже нащупывают пуговицу на моих брюках, и я прикусываю нижнюю губу, наблюдая за ней.

Я знаю эту прекрасную женщину уже десять лет. Она была в моей жизни почти каждый день, и хотя я восхищался ею каждую минуту, я никогда не смотрел на нее так, как сейчас, никогда не ожидал, что мы окажемся здесь, и я буду так чертовски сильно этого хотеть.

Каждый вдох кажется мне борьбой, когда ее пальцы касаются моего живота. Когда молния опущена, ее взгляд поднимается к моему лицу. Мягкие, невинные зеленые глаза смотрят на меня, а затем на мужа, как будто она ждет его разрешения. Он быстро кивает ей, облизывая губы, наблюдая за тем, как она лезет в мои брюки. Я вздрагиваю от неожиданности, когда она обхватывает рукой мой твердый член, сдвигая штаны вниз по ногам, чтобы дать ей больше доступа.

Она сжимает его крепче, чем я ожидал; милая, тихая Изабель крепко держит его, и она нещадно дергает за головку, заставляя меня хрипеть от смеси боли и удовольствия. И, не сводя с меня глаз, она отпускает мой член, подносит руку к лицу и проводит влажную линию по ладони, слизывая ее, а затем возвращает на мою длину.

— Черт, — простонал я, когда она с большей легкостью провела рукой от основания до кончика.

— Он твердый, Рыжая?

— Да, — отвечает она знойным тоном.

После нескольких поглаживаний она начинает выглядеть озабоченной, как будто хочет сделать что-то еще. Наконец, она поворачивает голову и смотрит через плечо на мужа, сидящего в кресле.

— Ты знаешь, что делать, детка, — говорит он, и мое сердце начинает биться сильнее. Не раздумывая, она опускается передо мной на пол, едва доставая до моего члена, когда она стоит на коленях, так что ей приходится тянуться. Я убираю ее волосы с лица, чтобы видеть, как она проводит языком по головке моего члена.

Мой рот приоткрывается, когда она движением языка вызывает каждый стон из моей груди. Когда она втягивает меня в свой рот, принимая в тепло своего горла, я совершаю ошибку, поднимая глаза.

И обнаруживаю, что он смотрит не на Изабель, а на меня. Наши глаза встречаются на долгий затянувшийся миг, и я замечаю, как он заставляет себя сглотнуть, а затем прикусывает нижнюю губу. Изабел сосредоточенно сосет, перехватывая мое внимание, и я снова смотрю на нее, на эти мягкие розовые губы, обхватившие мой толстый член. Это самое прекрасное, что я когда-либо видел.

— Блять, как же ты хороша в этом, Изабель. Я хочу кончить в твое маленькое горлышко.

— Еще нет, — рявкает Хантер со стула.

И я быстро вытаскиваю свой член из ее рта, потому что я был гораздо, блять, ближе, чем

он думал. Даже сейчас из кончика вытекает сперма, как бы я ни старался ее остановить.

— Ложись на кровать, Изабель. Встань на четвереньки и повернись ко мне лицом.

Его простые команды делают все, что мы делаем, намного более чувственным. Мы подчиняемся и получаем вознаграждение.

Она быстро встает, оставляя меня на грани оргазма с моим покрытым слюной членом. Мы с Хантером следим глазами за тем, как она делает то, что он сказал, забираясь на кровать на руках и коленях. Оказывается, милая маленькая любительница книг Изабель — чертова лисица.

— А теперь подними для него свое платье, — говорит Хантер, наклоняясь вперед и давая ей указания, медленно и целенаправленно, с едва уловимой хрипотцой в голосе.

Когда Изабель приподнимает для меня платье, обнажая бледную попку, у меня пересыхает во рту. Мне не нужны инструкции, но я все равно их жду. Бросив взгляд в его сторону, я понимаю, что он выглядит так, как будто вот-вот развяжется. Он все еще уверен в себе и доминирует, но уже с оттенком возбуждения.

— Иди к ней, — говорит он, его голос настолько хриплый, что кажется, будто он говорит с трудом.

В спешке я стягиваю с себя брюки и боксеры и иду к приставному столику, чтобы взять презерватив. Я наслаждаюсь грязным видом ее мокрой киски, пока натягиваю резинку. Затем я перемещаюсь на место позади нее. На ней тонкие трусики, которые я легко спускаю с ее ног.

Затем я прижимаю головку своего члена к ее киске, но не вхожу в нее, пока. Только когда он мне скажет. А он затягивает с этим, чтобы помучить меня, я вижу.

Поэтому после долгого ожидания я поднимаю взгляд на его лицо. Мой член входит в его жену, пока мы с ним смотрим друг на друга. Зрительный контакт между нами интенсивный и новый, ничего подобного я никогда не чувствовал, глядя в глаза Хантеру, но, учитывая текущую ситуацию, вполне логично, что это будет по-другому. В его выражении лица есть что-то такое, что заставляет меня почувствовать волнение.

Кровь громко стучит в ушах, когда я купаюсь в его развратном взгляде. И я на мгновение представляю, что он хочет не только этого опыта, но и меня. И когда он наконец бормочет гортанное: "Трахни ее", я клянусь, что не только в Изабель я жадно погружаюсь.

Правило № 16: Два оргазма лучше, чем один

Изабель

Мои пальцы цепляются за простыни, когда Дрейк с силой входит в меня. И вот так... мы с Дрейком занимаемся сексом. Как это произошло? И когда он снова входит в меня под таким углом, что у меня подгибаются пальцы ног, а следующий вздох покидает мое тело с хриплым стоном, я задаюсь вопросом... почему мы не сделали этого раньше?

Когда я снова поднимаю взгляд, мои глаза находят Хантера, наблюдающего за происходящим, сидя на стуле. Он выглядит совсем не расслабленным, и я задаюсь вопросом, не этого ли он хотел. Даем ли мы ему тот кайф, за которым он гнался? Сейчас он выглядит так, будто в любой момент может вылететь из кресла, но его взгляд, закрытый капюшоном, и тяжелое дыхание говорят о том, что ему это нравится. В его глазах появилась дикость, и они пляшут между моим лицом и лицом Дрейка.

Все рациональные мысли улетучиваются из моей головы, когда Дрейк с силой вбивается в меня, и стенки моей киски сжимаются вокруг него. Грубый, гортанный стон вырывается из моей груди, и я падаю лбом на матрас кровати.

— Еще, — кричу я, и он замедляет толчки, превращая каждый из них в неистовый удар, от которого практически трещат кости, но, Боже... как же это приятно. Я издаю еще один стон, каждый из которых представляет собой смесь удовольствия и боли.

— Ты можешь быть с ней грубым, — говорит Хантер со своего места в другом конце комнаты. — Ей это нравится.

— Да? — отвечает Дрейк, и тут кулак оказывается у меня в волосах, и он рывком поднимает меня на ноги, так что его рот оказывается напротив моей щеки. Он все еще глубоко зарывается в меня, шепча: — Это лучшая киска, которую я когда-либо трахал, ты знаешь это? — Он снова делает толчок. — Самая лучшая.

Заведя руку назад, я обхватываю его за шею и притягиваю его губы к своим, отчаянно желая ощутить вкус его рта, умирая от этих сладких слов. И он целует меня с пылом, зажав зубами мою нижнюю губу, толкаясь в меня. На мгновение, когда мы погружаемся в свою похоть, я почти забываю, что за нами наблюдает мой муж. Здесь только мы — я и Дрейк, и это не кажется неправильным или странным. Это правильно.

Потом я чувствую на себе взгляд Хантера, и меня пронзает новая волна возбуждения. Мне нравится знать, что он здесь, как будто он тоже участвует в этом.

Без предупреждения толчки Дрейка прекращаются, и меня переворачивают на спину, затем подтягивают ближе за ноги, когда Дрейк накрывает своим телом мое и снова входит в меня. Мои ноги обхватывают его, и я смотрю ему в глаза, наслаждаясь возможностью видеть его лицо, пока он трахает меня. Я все еще не могу поверить, что это происходит, но это все, что мне нужно.

Его большое тело поглощает мое, и он неустанно двигает бедрами: жесткие, кровотокающие толчки, от которых мое тело пылает.

— Не останавливайся, — кричу я, когда мышцы моих ног начинают сводить судороги.

— Я никогда не хочу останавливаться, — тихо бормочет он, так тихо, что Хантер,

наверное, не слышит.

Протянув руку вверх, я касаюсь его лица, проводя пальцами по густым волосам длиной до плеч, спадающим ему на лицо, пока он набирает быстрый ритм. Когда наши глаза встречаются, между нами проскакивает электричество, связь настолько сильная, что мое сердце раскаляется и трескается от ее интенсивности. Я понимаю, насколько дорог мне этот человек — больше, чем просто друг. Чувства, которые я никогда не позволял себе испытывать раньше. Чувства, которым я раньше не давала названия.

С этими словами я взмываю ввысь. Мое тело обхватывает его, удовольствие пульсирует в каждой жилке. Он продолжает в том же духе, явно стараясь продержаться достаточно долго, чтобы дать мне кончить, пока я стону, проходя через сокрушительный оргазм.

Когда мои конечности расслабляются вокруг него, он в последний раз вколачивается в меня, прежде чем, содрогнувшись, издать протяжный стон и заполнить презерватив между нами. Когда он расслабляется и прижимается грудью к моей груди, я чувствую, как быстро бьется его сердце, пытаюсь выровнять свое собственное учащенное дыхание.

Я нахожусь на облаке где-то в небесах. Я больше не на земле.

Голос мужа возвращает меня на поверхность. — Приведи ее ко мне.

Открыв глаза, я смотрю на Дрейка, который отрывает свое теплое тело от моего, ловко поднимает меня с кровати и несет к ожидающему мужу. Он все еще сидит в кресле, расстегнув брюки и высунув твердый член, и ждет меня.

Желание оказаться в его объятиях нестерпимо. Он нужен мне, но я не хочу лишиться и нежных прикосновений Дрейка. Я в последний раз целую губы Дрейка, прежде чем опуститься на Хантера. Он жадно берет мой рот, словно пытаюсь выцеловать вкус своего друга из моих губ. Он крепко прижимает меня к себе, и я делаю то же самое, цепляясь за его шею, пытаюсь углубить наше объятие, когда опускаюсь на его твердый член.

В тот момент, когда он входит в меня, мы стонем в унисон. Затем я замираю, удерживая его в себе, и мы впиваемся друг в друга ртом.

— Я так чертовски сильно люблю тебя, — рычит он в поцелуе.

— Я люблю тебя, — отвечаю я.

Я хочу его удовольствия, комфорта и знакомости его прикосновений, чувства дома и безопасности, которое я испытываю, находясь в объятиях этого человека. Я хочу, чтобы Хантер был в моем теле и в моей душе, потому что именно там его место. Он — такая же часть меня, как и мое собственное сердце. И по тому, как он крепко обнимает меня, с какой любовью смотрит в мои глаза, я понимаю, что он чувствует то же самое. За все десять лет наших отношений я ни разу не почувствовала, что мне чего-то не хватает. Ни любви, ни внимания, ни вожделения, ни желания. Хантер отдал мне всю свою душу в тот день, когда мы поженились, и я бережно храню ее, как свою собственную.

— Было так здорово смотреть, как он трахает тебя, Рыжая, — бормочет он мне в губы, пока я скольжу вверх-вниз на его члене. Его слова разжигают во мне огонь, и я набираю скорость. — Я хочу, чтобы он увидел, как хороша моя девочка. Как совершенна эта киска.

Я издаю стон и еще сильнее опускаюсь на его колени. Его пальцы впиваются в мои бедра, и он двигает меня быстрее, пока я не чувствую, что снова начинаю возбуждаться, и удовольствие прокладывает путь по моему позвоночнику.

Едва наши губы отрываются друг от друга, как его член начинает подрагивать и вздрагивать внутри меня, и я кричу во время второго оргазма, сильно ударяясь бедрами о его бедра в погоне за восторгом от еще одной бурной кульминации.

К тому времени, когда мы с Хантером перевели дыхание, мои кости словно превратились в кашу. Когда я наконец поднимаюсь, его глаза обшаривают комнату, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, на что он смотрит, но прежде чем я успеваю это понять, я уже знаю.

Дрейка больше нет.

Правило № 17: Никто не любит затаившихся

Дрейк

Если они думали, что я буду ждать их искренних *"Я тебя люблю"*, то они ошибались. Мне нужна минута, чтобы подумать. И выпить. Слава Богу, что есть бары и ограничения по количеству выпитого. Это место делает все правильно.

Я не злюсь. Мне не горько, не обидно, не завидно.

Я просто... растерян. И, если честно, немного нервничаю. Потому что это было хорошо. Очень, черт возьми, хорошо. Как самое лучшее, что я когда-либо пробовал. И мне есть с чем сравнивать. Просто я никогда не чувствовал во время секса столько, сколько чувствовал с Изабель. Ее руки на моем лице, ощущение ее совершенного тела в моих объятиях. Я не могу вспомнить, когда в последний раз спал с кем-то и сразу же хотел переспать с ним снова.

Я уже давно смирился с таким образом жизни. Как мать, как сын. В нашем доме была практически вращающаяся дверь, и я видел так много мужчин, которые приходили и уходили, что перестал удивляться, когда, проснувшись, обнаруживал очередного незнакомца, который пил кофе на кухне, когда я собирался в школу.

Бывало, что мне хватало глупости привязаться к одному или двум из них. Некоторые из них действительно возвращались на бис, и я уговаривал их пригласить меня на гамбургеры или позволить мне прокатиться с ними, когда они ходили за пивом и куревом. Потом они исчезали, как и все остальные, и когда я спрашивал маму, когда вернется Хэнк, Стив или Brent, она смеялась мне в лицо. Она говорила мне какую-нибудь фразу о том, какие они непутевые.

Поэтому, когда Хантер встретил Изабель, я понял, что он вальсирует в ту жизнь, которая ему предназначена, а я вальсирую в свою. Он был из тех, кто живет в браке. Он был доволен тем, что вечно любит одну и ту же женщину. Достаточно уверенный в себе, чтобы знать, что его всегда будет достаточно для нее. Достаточно смелый, чтобы привязаться к ней, не боясь, что она уйдет из его жизни.

И я не могу не думать о том, что сказала Силла, прежде чем отдать мне ключ от комнаты. О том, что я должен быть с ними. На самом деле это не вариант. Мы не такие. Я никогда не смогу влезть в их отношения, потому что ревность очень скоро сведет Хантера с ума. Я не уверен, что она уже не свела его с ума. Я имею в виду... он только что наблюдал, как я трахаю его жену, но это было гораздо больше, чем просто.

Мы с Изабель не должны были... так сильно соединяться. Это не должно было быть настолько интимным. Мы должны были ограничиться простым плотским трахом, без всяких сладких разговоров и прикосновений.

— Эй, — бормочет его знакомый голос, когда я чувствую, что он подходит и садится на соседнее со мной место в баре. Когда он занимает свое место, я на мгновение бросаю на него взгляд, но у него такое же спокойное и собранное выражение лица, как и всегда. Ну, за исключением того момента, когда он сидел на стуле и наблюдал за нами. Он был совсем не спокоен. Он выглядел просто диким.

— Привет, — отвечаю я.

— Тебе не нужно было бежать, — говорит он, и я пожимаю плечами.

— Не хотел мешать тебе. Я решил, что моя роль выполнена.

— Твоя роль? Дрейк...

— Ты знаешь, о чем я, чувак. Я в порядке. Мы в порядке, верно?

— Мы в порядке, — отвечает он, махнув бармену, чтобы тот принес напиток.

— Где Изабель?

— Все еще в номере. Она хотела, чтобы я сам тебя нашел.

— Ах, — отвечаю я, криво ухмыляясь, глядя на него сбоку. Под этим углом я улавливаю отблеск света в его темно-карих радужках и быстро отвожу взгляд, чтобы не попасться на глаза.

— Да, я думаю, она хочет, чтобы мы... поговорили.

— Держу пари, ты был рад этому, — шучу я.

Он тяжело вздыхает, когда бармен ставит перед ним бурбон со льдом.

— В восторге, — бормочет он, делая большой глоток.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я. — По поводу того, что произошло.

Я поворачиваюсь и вижу, как он стискивает зубы. Мне почти жаль его, потому что он действительно ненавидит говорить о чем бы то ни было, но он буквально сам на себя это навел. Это просто чудо, что у него вообще хватило смелости попросить об этом.

— Я чувствую себя прекрасно, Дрейк. Это было именно то, чего я хотел.

Кивнув головой, я повернулся лицом вперед и подавил странную смесь разочарования и восторга, которую я почувствовал, услышав от него эти слова. С одной стороны, я почти хотел, чтобы он сказал, что ему это не нравится. Тогда у меня не было бы выбора, и все стало бы как прежде. А если бы ему понравилось, то у меня, скорее всего, появилась бы возможность снова быть с Изабель, что также сделало бы меня счастливым.

Никогда в жизни я так не разрывался.

— Если тебе не понравилось, то мы не обязаны делать это снова...

Я мотнула головой в его сторону. — Кто сказал, что мне не понравилось?

— У тебя ужасно... противоречивый вид. Ты выскочил оттуда, как марафонец, как только все закончилось. У меня такое чувство, что тебе это не очень нравится.

— Мне нравится. Мне понравилось. Нет... мне чертовски понравилось. Я ушел только потому, что не хотел чувствовать себя незванным гостем в твоём браке.

— Дрейк, я уже говорил тебе... ты не вторгаешься. Ты никогда не вторгаешься.

— Я знаю, но я...

— Нет, не вторгаешься.

— Хантер...

Он поворачивается, кладет твердую руку мне на плечо, его пальцы оказываются в опасной близости от моей шеи, прижимаясь к ней настолько, что мой член начинает подпрыгивать в штанах. Хоть бы раз этот ублюдок понял, что он делает со мной, когда занимается подобными вещами. Но он, блядь, такой прямолинейный, он не понимает, что прикосновения к моей шее, дыхание в ухо или взгляд в глаза, когда я трахаю его жену, могут быть опасны для меня. Он никогда этого не поймет.

Я сжимаю коренные зубы, глядя на него. В этих темных глазах есть искренность, они преследуют меня своей глубиной, как будто я могу потерять себя в них.

— Я не думаю, что ты понимаешь, что я говорю, Дрейк. Мы хотим, чтобы ты остался. В следующий раз, пожалуйста... останься.

Я нахмурил брови, глядя на него. Он хочет, чтобы я остался, чтобы посмотреть, как он занимается сексом с Изабель? Это не имеет никакого смысла. Я думал, что он точно будет рад, если я уйду, так что такой реакции я совсем не ожидала.

— В следующий раз? — спрашиваю я, наблюдая за его выражением лица.

Его рука все еще лежит на моем плече, его пальцы все еще вдавливаются в мою шею, и он слегка сжимает ее, издавая вздох. — Скажи мне, что ты хочешь сделать это снова.

В его просьбе есть какой-то груз, что-то еще, чего я не совсем понимаю, но я слишком хочу ответить на его вопрос, пока он не решил, что я колеблюсь, и не отказался от своего предложения.

— Я хочу сделать это еще раз, — отвечаю я.

Наконец он убирает руку, и мои плечи опускаются. Я не показываю этого, когда поворачиваюсь к своему бокалу и поднимаю его. Он взбалтывает остатки бурбона в стакане, наполненном льдом. — Это не было странно для тебя? Видеть меня с ней?

— Странно... нет.

— Или слышать, как я говорю, что мне это нравится. Как сильно она мне нравится.

Он хихикает. — Перестань пытаться отпугнуть меня, Дрейк. Меня это не беспокоило.

— Я не понимаю, чувак. Если бы я подумал о том, что к ней прикасается другой мужчина... — У меня кулаки сжимаются от одной мысли об этом.

— Но ты не просто другой мужчина.

— Ты знаешь, мы с ней сегодня говорили о некоторых правилах, — говорю я, глядя на него.

— Она мне рассказала.

— И мы никогда не будем ничего делать, когда тебя нет рядом.

— Я знаю.

Он снова поворачивается ко мне, но на этот раз его рука не касается моего плеча. — Дрейк, дело не в том, что ты с ней. Дело в том, что я наблюдаю. Эта часть тебя не беспокоит?

Я на мгновение задумался, но ответ был прост. Правда, я не уверен, что он готов его услышать. Ну и ладно... к черту. — Меня это несколько не беспокоило. Мне, блядь, очень нравилось, что ты смотришь.

Он сглатывает, его глаза остаются на моем лице. — Хорошо.

Это правда. Мне нравилось, что он смотрел, но я не могу сказать, что мне хотелось бы, чтобы он не только смотрел. Он определенно не готов к этому. Потому что, когда он вовлекается, это уже не просто исполнение фантазии. Это уже нечто совсем другое.

Правило № 18: Хорошие люди всегда помнят о кокосах

Изабель

— Где мы? — спрашиваю я, просыпаясь от дремоты, растянувшись на заднем сиденье и используя толстовку Хантера в качестве импровизированной подушки.

— Где-то в Кентукки, — отвечает Дрейк. Хантер сидит за рулем, что забавно, потому что он точно был на пассажирском сиденье, когда я заснула. Должно быть, я действительно была не в себе. Наверное, сон с двумя мужчинами выбивает из колеи.

Кто я?

Если бы меня сейчас видели родители, — со смехом думаю я, краснея уже в десятый раз за сегодняшний день при воспоминании о прошлой ночи. Я даже не знала, что я из тех девушек, у которых два парня за одну ночь. Или это просто люди так меня воспринимают? Может, я просто привыкла считать себя скромной и тихой, потому что меня так воспитали?

Мои родители были скромными бухгалтерами из высшего среднего класса, и я была их единственным ребенком. Но я думаю, что даже во мне была доля сожаления, потому что в детстве я чувствовала, что меня в основном игнорируют и отмахиваются от меня. Никогда не отличавшаяся чрезмерной лаской и вниманием, я нашла свои образцы любви и привязанности в романах. То, что начиналось с *"Маленьких женщин"* и *"Эммы"*, быстро превратилось в *"Цветы на чердаке"* и *"Притязания Спящей красавицы"*. Все мои злые любопытства и грязные мысли были запрятаны глубоко внутри меня, а пространство между кроватью и матрасом скрывало больше развратных любовных романов, чем я могла сосчитать.

Все считали меня такой знающей и проницательной из-за моих бесчисленных походов в библиотеку и букинистические магазины, но только библиотекарь знала правду. О, я была очень осведомлена. Я разбиралась во множестве эклектичных терминов, используемых для описания эрегированного пениса.

В тот день, когда я впервые проходила мимо "Хантера и Дрейка", я возвращала книги с третьей по седьмую из популярной серии романов в надежде, что у них есть книги с восьмой по шестнадцатую. Я была похожа на наркомана, отчаянно нуждающегося в дозе.

А потом я встретила своего альфу. Мужчина, который мог показать мне все, что я когда-либо хотела узнать, и при этом не заставлял меня чувствовать себя изгоем, если я этого хотела. Даже если на первых порах он вел себя раздражающе, как джентльмен. Мне было всего семнадцать, когда мы познакомились, и хотя он начал разговаривать со мной в то время, он заставил меня ждать четыре месяца между тем и моим восемнадцатилетием, прежде чем он прикоснется ко мне.

А потом еще полгода, прежде чем он займется со мной сексом. Я была для него извращенкой. И я думаю, что ему нравилось заставлять меня ждать в качестве пытки. Хантеру не всегда нравится причинять боль, но он любит контролировать ситуацию.

Многое из этого пришло из его детства. Я знаю, что его домашняя жизнь была не такой комфортной, как моя. Он рассказывал мне о своем жестоком отце. Мы с Хантером отчаянно

нуждались в стабильном, любящем доме, но не по совершенно разным причинам. Нам повезло, что мы нашли друг друга, и мы смогли разделить любовь и внимание, которых так жаждали в детстве.

Но я замечаю вещи. Я была бы слепа, если бы не замечала. То, как он иногда смотрит на Дрейка. Как он сжимает челюсти, когда Дрейк упоминает о том, что у него есть другой мужчина. Долгое время я отмахивалась от этого, считая, что мне немного не по себе от открытой сексуальности его друга, но теперь я вижу все по-другому. Мне так и хочется указать мужу на то, что, возможно, это раздражение происходит не от осуждения, а от ревности.

Зависть к Дрейку за то, что он может жить так свободно. Или даже зависть к мужчинам, которым достается часть его лучшей подруги, которую он никогда не сможет иметь.

Что, если Хантер все это время играл роль фасада? Он подавлял эти чувства, чтобы защитить себя. Он не может исследовать свою сексуальность, если он женат.

Но я хочу, чтобы он это сделал. Я имею в виду... у меня был секс с его лучшим другом, ради всего святого.

— Если и было время открыть эту дверь, хотя бы для того, чтобы просто заглянуть в нее, то сейчас самое время.

Дрейк говорит что-то, от чего Хантер смеется, и они обмениваются быстрым взглядом, но глаза Хантера задерживаются на лице Дрейка — как это часто бывает.

— О, смотрите, две кровати, — шутит Дрейк, исчезая во второй спальне нашей квартиры в Нэшвилле. Мы отказались от гостиниц на оставшуюся часть поездки, поскольку аренда квартиры кажется более выгодным вариантом. Хотя, как по мне... спать между этими двумя было не так уж и плохо.

— Я устал, — отвечает Хантер, опускаясь на плюшевый диван и откидывая голову на спинку.

— А я нет, — с нетерпением отвечаю я.

— Конечно, нет. Ты проспала всю дорогу сюда.

Только потому, что вы двое изрядно потренировали меня прошлой ночью... — хочу я сказать. Но не хочу. Мы не можем пока говорить о том, что произошло, так просто. Кроме того, если говорить такие вещи, то это будет казаться нормальным, как будто мы делаем это постоянно, а это не так. Это не отношения. Это просто фантазия.

Но, глядя в окно этой городской квартиры на втором этаже, я на минуту задумалась о том, как бы это выглядело. Дрейк в нашем браке. Мы больше не будем просыпаться рядом с Хантером, а будем просыпаться рядом с ними обоими. Каждую ночь и каждый день мы могли бы быть троим.

— Пойдем, займемся чем-нибудь интересным. Мне скучно, — хнычу я, подходя к полусонному Хантеру на диване.

Он закрывает лицо рукой и издает слабый стон, но я точно знаю, как его расшевелить, поэтому я сажусь на его бедра и слегка прижимаюсь к нему.

— Что ты делаешь? — пробормотал он из-под руки.

— Пытаюсь разбудить тебя.

Из его груди доносится низкий гул, когда я начинаю теребить его чуть сильнее.

— Ты когда-нибудь бываешь не в настроении? — спрашивает он.

Я наклоняюсь и зарываюсь лицом в его шею. — Нет.

Он наконец отводит руку от лица и проводит ладонями по моей спине.

Затем мы слышим, как хлопает дверь в спальню, где скрылся Дрейк.

— Что за хрень? — кричит он.

Я поспешно сажусь и в страхе оглядываю спальню. Мои худшие опасения связаны с тараканами или скрытыми камерами, но, к моему удивлению, Хантер только смеется.

Моя голова снова поворачивается в его сторону. — Что смешного?

Дрейк наконец появляется в дверном проеме с широко раскрытыми глазами и открытым ртом.

— Какого черта ты сделал? — спрашивает он, уставившись на Хантера.

Смех Хантера только усиливается. — Что ты нашел, Дрейк?

Моя голова пляшет между ними двумя, пока я жду разъяснений.

— Да так... просто случайно заметил странные крючки на стене и очень интересную скамейку.

Хантер уже практически воет, и я вскакиваю с дивана и бегу в комнату Дрейка. Конечно, в углу стоит большая кожаная скамья с высокой частью посередине и нижним выступом по обе стороны.

— Иди и открой шкаф, — говорит Дрейк, и я практически бегом пересекаю комнату к большому шкафу у стены. Он выглядит как что-то из ИКЕА, белый и современный, с красивой бумагой с цветочным узором, покрывающей матовое стекло. Определенно, это не то, что можно было ожидать, когда в нем хранится множество хлыстов, веревок и наручников.

— Хантер, ты арендовал секс-темницу? — спросил Дрейк, и мои щеки заалели. спрашивает Дрейк, и мои щеки мгновенно вспыхивают ярким красным цветом при виде этого зрелища. И в то же время мои бедра сжимаются от осознания того, что следующие две ночи я проведу здесь... с этими двумя мужчинами.

— Подземелье? — спрашиваю я, встречая их в гостиной. — Это не похоже на темницу. Здесь так красиво.

— Да, я так и думал, что тебе понравится, — отвечает Хантер, прекратив смеяться. Он поднимается с дивана и подходит ко мне, обнимая за талию. — Я не мог удержаться. Я увидел объявление и подумал, что это может быть полезно для бизнеса... для исследований.

— Исследования, — отвечаю я ему с недоуменной улыбкой.

— О, ребята, у вас тут качели! — окликает Дрейк из хозяйской спальни, и я быстро бегу по коридору, чтобы посмотреть. Посреди комнаты болтаются большие черные секс-качели. На стене висит крест Святого Андрея, а в углу стоит небольшое кресло с дыркой.

Вдруг я замечаю в этой квартире то, чего не заметил, когда мы вошли. Шезлонг в гостиной явно не предназначен для чтения, а причудливые крючки на стенах не являются декоративными.

Salacious работает всего несколько месяцев, и уже мало что может заставить меня покраснеть, но вдруг оказаться в тихой комнате с этими двумя... моя кровь может закипеть.

Мы молча стоим втроем, разглядывая хорошо укомплектованную и мастерски спроектированную секс-темницу, и мне кажется, что это уже слишком.

— Каковы шансы, что мы сможем немного поесть... и, может быть, выпить, прежде чем начнем... исследовать? — спрашиваю я, и Хантер отвечает мне улыбкой. Прижав меня к своей груди, он целует меня в висок.

— Давай поужинаем, Рыжая. Тебе понадобится энергия позже.

Мы отправляем Дрейка на вынос, а Хантер засыпает на диване, который, как оказалось, самый обычный, без всяких сексуальных модификаций. Я занята тем, что осматриваю квартиру. Я даже не знала, что существуют извращенные Airbnbs. Я уже вижу Salacious BnB в будущем компании. Целый извращенный курорт, полный таких комнат, куда пары могут приезжать не на час, а на неделю.

Я как раз просматриваю различные веревки, которые лежат у них в ящике, когда открывается входная дверь. Я чувствую запах индийской еды в руках Дрейка еще до того, как он поставил ее на стол. В его руке еще один пакет, подозрительно похожий на спиртное.

— Я умираю с голоду, — говорю я, открывая пакет с теплой, вкусно пахнущей едой на вынос.

— Здесь три коробки. Только не бери ту, на которой написано X, — отвечает он, доставая бутылку текилы и бутылку зеленой смеси для маргариты.

— Маргарита? — спрашиваю я со смехом.

— Ты же не любишь ее в чистом виде. А это не подходит? — отвечает он, читая бутылку. — Это органический продукт.

Я сдерживаю ухмылку, когда беру бутылку. — Это для меня?

— Да, — говорит он, пожимая плечами. — Мы с Хантом просто выпьем по паре рюмок.

— Спасибо, — отвечаю я, пытаюсь скрыть внезапно вспыхнувший на щеках румянец. Делал ли Дрейк подобные вещи для меня раньше? Неужели я только сейчас заметила, насколько он внимателен?

Что бы это ни было, мне приятно.

С бесстыдной ухмылкой на лице я делаю себе "Маргариту" со льдом, используя смесь, которую Дрейк приготовил для меня. Затем я беру белый пенопластовый контейнер и вилку и начинаю есть. Я не ела с самого завтрака, и это карри пахнет просто божественно.

Но не успеваю я поднести ко рту вилку, покрытую рисом, как Дрейк выхватывает ее у меня из рук. Рис разлетается по всей стойке, и я в шоке смотрю на него.

— Какого черта это было? — кричу я.

— Я сказал, не коробка с крестиком! — сердито отвечает он.

— Боже, прости, — заикаюсь я, чувствуя себя неловко. Он никогда раньше не кричал на меня, и счастливая ухмылка, которая была на мне минуту назад, исчезла. Позади себя я слышу, как Хантер поднимается с дивана.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Из, в нем есть кокосовое молоко, — говорит Дрейк.

И тут же я приостанавливаюсь, на полпути к коробке с пометкой "не X". Мои глаза поднимаются к Дрейку.

— Откуда ты знаешь, что у меня аллергия на кокосовое молоко?

Его выражение лица меняется на такое, будто я его обидела. — Я всегда знал. Ты сказала мне об этом, когда мы впервые ели вместе. Мне пришлось перестать заказывать пирог с кокосовым кремом в закусочной, потому что ты всегда воровал корочку. Неужели ты думала, что я забыл об этом?

Я застыла на месте, уставившись на него, и вдруг что-то заклокотало у меня в горле — и это не аллергическая реакция.

— Я... прости, — заикаюсь я, быстро опуская взгляд на безопасный для употребления карри, лежащий передо мной. — Наверное, я забыла, что ты об этом знаешь.

На мгновение я напрягаюсь, и чувствую руку Хантера на своей спине, когда он берет другое блюдо, не кокосовое. Он посылает мне быструю, натянутую улыбку, но я не могу избавиться от ощущения, что что-то было здесь все это время... и я только сейчас начинаю это ясно видеть.

Правило № 19: Иногда участие лучше, чем наблюдение

Хантер

Я запланировал секс-подземелье задолго до того, как узнал, что буду провоцировать секс между моей женой и лучшим другом. Когда я заказывал номер, я предполагал, что мы с Изабель будем изнушать главную спальню, а Дрейк, как он часто делает, найдет себе компанию в свободной спальне.

Теперь я представляю ее прикованной наручниками к скамье для шлепков, с его членом в горле, и я не понимаю, что, блядь, со мной не так... потому что этот образ просто потрясающий. Только поэтому у меня нет аппетита, и я все время смотрю на них и жду момента, когда смогу прямо сказать им, чтобы они разделись и начали трахаться.

Но сейчас между ними странная напряженность. Не в плохом смысле, а скорее в серьезном. Не знаю, почему Изабель не догадалась, что Дрейк вспомнит о ее аллергии на кокос. Может быть, это происходит от того, что в детстве ее часто забывали и игнорировали. Последние десять лет я вдалбливал ей в голову, что те, кто тебя любит, показывают это.

И все равно она ведет себя так удивленно, что парень, который был рядом с ней столько же, сколько я за последние десять лет, помнит, что у нее пищевая аллергия. Держу пари, она была бы потрясена, если бы узнала, что он также знает, что ее любимый фильм — "Эмпайр Рекордс". Ее любимая песня — "Hallelujah", а любимый вкус мороженого — со вкусом ореха.

Дрейк знает о ней почти столько же, сколько и я. А с этой недели он знает ее так же близко, как и я.

Я замечаю, что Изабель ковыряется в еде, уделяя больше внимания своей маргарите, чем ужину, что означает, что она тоже пытается раскрепоститься. Я бросаю взгляд на часы и вижу, что уже немного за девять.

— Мне нужно в душ, — объявляет Дрейк после того, как его еда закончилась.

— Мне тоже, — отвечает она, убирая недоеденную еду в холодильник. Медленная, злая ухмылка растягивается по моему лицу.

— Ну, может, здесь и есть две кровати... но душ только один.

Дрейк останавливается на полпути к ванной и смотрит на меня. — Правда?

Я киваю. — Боюсь, что да.

Изабель прикусила губу и смотрит то на меня, то на Дрейка.

— Ну, тогда ладно. Что скажете, кокосы? Хотите помыться, прежде чем пачкаться?

Она едва успевает ответить, как он поднимает ее со стула, перекидывает через плечо и несет в ванную комнату, расположенную в коридоре. Не торопясь, я наливаю себе рюмку текилы и делаю один медленный глоток за другим, пока она не кончится, позволяя жидкости обжечь горло. Мне нравится идея дать им разогреться перед тем, как приступить к самому главному.

— Эта штука огромная! — восклицает Изабель, хихикая после того, как слова покидают ее рот, и я улыбаюсь, представляя, что Дрейк может делать, чтобы заставить ее смеяться. Мне нравятся ее подвыпившие хихиканья. Моя девочка не из легких, но после одной рюмки

ее улыбка и смех приобретают новую милость, которая одновременно и мила, и сексуальна.

— Полагаю, ты говоришь о душе, — отвечаю я с улыбкой, наливая себе вторую рюмку.

— Да, — говорит она.

Я слышу, как течет вода, заглушая звуки их голосов, поэтому не могу разобрать, о чем они говорят. Пока она снова не воскликнула: — Достаточно большой для троих...

Она произносит это слово знойным певучим тоном, словно сирена, зовущая меня в глубины океана.

Я застываю на месте, глядя на янтарную жидкость в бокале, который держу в руке. Должен ли я присоединиться к ним? Хочу ли я этого? Если предположить, что это просто душ... не перейду ли я черту в отношениях с Дрейком? Мы все еще просто друзья, и было бы очень некрасиво принимать душ вместе.

Но, возможно, мы уже не просто друзья. Я видел, как он трахает мою жену. Я лежал с ним в постели и видел его голым и эрегированным. То есть... я знаю, что не буду чувствовать себя странно в душе с ним, но будет ли он чувствовать то же самое? Я должен быть осторожен с его эмоциями, так же как и с эмоциями Изабель. Это я обращаюсь к ним с просьбами, и я не собираюсь делать ничего такого, что могло бы причинить боль кому-то из них.

— Это было приглашение? — отвечаю я, когда в ванной становится тихо.

— А ты шустрый, — язвительно отвечает Дрейк, и я закатываю глаза, прежде чем проглотить второй стакан текилы.

— Слушай, — говорю я, вставая со своего места и направляясь в ванную. — В этой квартире слишком много плетений, чтобы ты мог мне хамить...

Дойдя до ванной, я замираю, слова срываются с губ, и я смотрю сквозь пар на полностью обнаженного Дрейка, прислонившегося к плитке огромного душа и поглаживающего свой быстро растущий член, глядя на Изабель, которая стоит под струями воды.

Я провожаю взглядом его тело, наблюдая, как вода из душевой лейки, расположенной сбоку от него, каскадом падает на мускулы его широкой фигуры. Он такой высокий, что ему почти приходится пригибать голову. Но я смотрю не на его голову. Они смотрят на томные взмахи его руки.

— Ты идешь? — спрашивает он, глядя на меня так, как будто это совершенно нормально. Он смотрит на меня... а его рука продолжает двигаться.

Внезапно мой член дергается в штанах, пульсирует, наполняясь и болезненно прижимаясь к молнии.

— Да... наверное, — заикаясь, я стягиваю с себя рубашку и аккуратно перебрасываю ее через борт раковины. Затем я расстегиваю молнию на джинсах, задаваясь вопросом, замечает ли он, насколько я уже тверд, просто наблюдая за тем, как он гладит себя.

Любой бы от этого возбудился, верно?

Конечно... не все втайне думают о том, как приятно было бы протянуть руку и потрогать его. Как ощущается член другого мужчины в твоей руке. Каков он на вкус.

— Черт, — молния пронзает основание моего позвоночника, и мой член дергается при этой мысли.

Когда я делаю шаг к душевой кабине, Дрейк отходит в сторону, прижимая Изабель между нами, а я двигаюсь под горячими струями воды. Душ действительно достаточно

большой, чтобы три человека могли стоять в нем, не касаясь друг друга, но что в этом интересного?

Пока я ополаскиваю волосы, стараясь держаться как можно более уверенно, не пытаюсь скрыть твердый член, торчащий из моих бедер, Дрейк проводит руками по мокрому телу Изабель. Она хмыкает, когда он пощипывает ее соски. Не сводя с меня глаз, они оба ласкают друг друга, не делая ничего, кроме прикосновений, и сводя меня с ума.

Разве это странно — чувствовать себя третьим лишним, когда это твой лучший друг и жена?

— Ладно, вы двое. Вытирайтесь и выходите. Встретимся в свободной спальне.

Изабель прикусывает губу, улыбаясь мне. Затем я выхожу из душа, беру полотенце и, вытираясь, сопротивляюсь желанию погладить себя. Нам предстоит потенциально долгая ночь... если я смогу держать себя в руках.

Быстро вытеревшись, я оставляю их в душе и направляюсь по коридору в свободную спальню, конечно же, не забыв заглянуть в бутылку с текилой. В комнате я просматриваю шкафы и ящики. Я знаю, что придумаю сегодня вечером, но не знаю, понравится ли это им. Это не совсем в стиле Дрейка.

Поэтому я выбираю несколько игрушек попроще. На этот раз не нужно сходить с ума. Красное кожаное весло с большим количеством изгибов. Мягкий кожаный флоггер для чувствительности. Мой опыт в использовании этих вещей примерно такой же, как и в исследованиях для клуба. Мы с Изабель еще не пробовали ничего подобного, в основном потому, что я не могу причинить ей боль. Слишком много травм в моей истории, но Дрейк мог бы — если бы она этого хотела.

Я держу весло, когда они наконец входят, все еще голые. Изабель стоит позади него, положив руки ему на талию, интимно поглаживая его голую кожу, и в этот момент меня охватывает что-то странное. Что-то, чему я не могу дать определение.

Все это время я скорее возбуждался, чем ревновал, при виде их прикосновений друг к другу, но вдруг, увидев, как им комфортно вместе, это чувство изменилось. Совсем чуть-чуть, но переход от возбуждения к зависти произошел.

Отбросив нерешительность, я бесшумно перемещаюсь по комнате. Вытащив Изабель из-за спины Дрейка, я веду ее к скамейке. Ее щеки покраснелись после душа, а на лбу выступили капельки пота, но она так восхитительна, что я не могу удержаться и притягиваю ее к себе для поцелуя. Инстинктивно, она тает в моих объятиях.

— Ты знаешь, что это такое, детка?

Ее взгляд скользит по скамье, по четырем наручникам, прикрепленным к голове и ногам с каждой стороны, и я замечаю искорку любопытства в ее выражении. Приоткрыв губы, она кивает.

— Дрейк собирается пристегнуть тебя к этой скамье и отшлепать за все грязные поступки, которые ты совершила. Как тебе это? — Я негромко бормочу ей на ухо.

В ее дыхании слышится легкая заминка.

— А ты будешь смотреть? — спрашивает она, ее круглые зеленые глаза находят мои.

— Да, детка. Я буду сидеть в этом кресле и смотреть, как он заставляет тебя кричать.

Уголок ее рта приподнимается, когда ее рука неожиданно берется за мой член. Я издаю хрип, колени слабеют. Она долго поглаживает мой член, притягивая меня ближе к себе, и говорит: — Не трогай себя, пока смотришь. Я хочу, чтобы ты выдержал меня.

С рычанием я накрываю ее руку своей. — Моя грязная девочка. За это ты получишь

дополнительный удар.

Когда мы с Изабель отстраняемся друг от друга, я смотрю на Дрейка, который трогает свои губы, глядя на нее, щиплет нижнюю и перекатывает ее так, что я чувствую то, чего не должен чувствовать.

— Что ты думаешь? Это хороший план для тебя? — спрашиваю я его.

Внезапно его рука обхватывает Изабель, притягивая ее ближе, и он зарывается лицом в ее шею. Она вскрикивает, когда его огромное тело поглощает ее маленькое.

— Наказать эту грязную девчонку, пока ты смотришь? С удовольствием.

— Тебе нужно безопасное слово, Рыжая, — говорю я, но она обрывает меня, прежде чем я успеваю предложить его.

— Намасте.

Моя голова наклоняется в сторону, когда Дрейк издаёт лёгкий смешок.

— Хорошо.

К тому времени, как я сажусь в кресло напротив, Изабель уже забирается на скамейку. Прижавшись животом и грудью к высокой части, она легко упирается коленями и руками в нижние выступы, и Дрейк не спеша надевает наручники на ее запястья и лодыжки. На ее лице застыло выражение нетерпения: она извивается при каждом застегивании наручников.

Я то и дело поглядываю на маленькое блюдечко на комодe с надписью *"Ключи от скамейки для шлепанья"*, как будто они волшебным образом улетучатся, и моя жена навсегда прикипит к этому секс-девайсу.

Она сидит лицом ко мне на скамье, поэтому я не могу хорошо рассмотреть ее заднюю часть, но и этого вида достаточно. Ее голова и задница находятся в самом удобном для доступа месте, и она практически не двигается, что, судя по салистическому блеску в ее глазах, ей нравится.

— Ну как тебе, детка? — спрашиваю я, сидя в кресле.

— Приятно, — отвечает она, ерзая на скамейке, и ее голос звучит чуть глубже и тише, чем обычно. Она готова.

— Сколько? — спрашивает Дрейк, как будто он уже знает, что я решаю.

— Начнем с шести с каждой стороны.

Я наблюдаю, как кулаки Изабель сжимаются по обе стороны скамьи, пока Дрейк готовится. Он слегка массирует ее задницу, а затем отступает назад и наносит один удар веслом по левой щеке. Она издает высокочастотный гул, а ее глаза поднимаются и смотрят на меня.

Дрейк поглаживает другую щеку лицевой стороной весла, затем отступает назад и снова наносит удар. Она снова визжит, извиваясь еще больше.

— Вот так, детка, — говорю я, мой голос начинает напрягаться от желания прикоснуться к себе.

Дрейк снова шлепает ее с каждой стороны для второго номера, и ее реакция остается прежней, но я замечаю новый цвет ее щек и груди.

— Думаю, она может выдержать и посильнее, — говорю я, и он смотрит на нее, а затем на меня, проводя мягкой рукой по ее позвоночнику.

— Эта грязная девчонка хочет еще сильнее? — спрашивает он.

Она без колебаний кивает.

— Да, пожалуйста, — шепчет она низким, хрипловатым тоном.

Когда Дрейк обрушивается на нее в следующем раунде, шлепая ее с такой силой, что в

ее глазах мелькает страх, а затем она издает протяжный гортанный крик, мне становится мучительно трудно удержать руку на своем члене. Он течет по кончику, пульсирует еще сильнее, когда он снова сильно шлепает ее за номер три.

— Это моя девочка. — простонал я, хватаясь за ручку кресла.

— Думаю, она хочет, чтобы ее снова сильно отшлепали, — говорит Дрейк, протягивая руку через все ее тело, чтобы запустить пальцы в ее волосы. Она вскрикивает, когда он тянет. — Правда?

— Да, — кричит она.

И он делает это, звук ударов весла по ее плоти заставляет меня вздрогнуть. На этот раз она плачет громче, ее ноги начинают дрожать от каждого сильного шлепка. Когда он делает это с другой стороны, из кончика моего члена вытекает струйка спермы, и я наблюдаю, как она стекает по головке.

Следующие два раунда пролетают как в тумане, и я могу сосредоточиться только на ее лице, на выражении боли, смешанной с похотью и потребностью, на взгляде дикой жажды, которого я никогда раньше не видел. Когда он доходит до шестого, я уже собираюсь сказать ему, чтобы он остановился, что я больше не могу, но понимаю, что он уже закончил, когда он бросает весло на кровать и голыми руками массирует ей щеки.

Она вздрагивает и вскрикивает, когда он крепко сжимает ее больную плоть, но я понимаю это по выражению ее лица, когда он проводит пальцами по тому месту, которое ей нравится.

— Должно быть, ей это понравилось. С нее практически капает.

— Тогда, я думаю, она заслужила оргазм. Заставь ее кончить, Дрейк.

Он злобно улыбается мне, опускаясь на колени позади нее и проводя языком по всей ее длине, от клитора до задницы. Она вскрикивает, борясь с ограничениями.

Она смотрит на меня, как он лижет ее киску, посасывает клитор и проводит языком внутри нее. Но по тому, как она беспокойно ерзает, я понимаю, что это не то, чего она хочет.

— В чем дело, детка? Что ты хочешь, чтобы Дрейк сделал?

Прикусив губу и пытаясь скрыть румянец, она смотрит на меня и кротко произносит: — Трахни меня.

Я улыбаюсь, наблюдая за тем, как он поднимается в вертикальное положение. — У твоей девочки грязный, блять, рот.

— Да, у нее грязный рот. Охуенно грязный, — отвечаю я.

Она еще немного ерзает, как будто пытается найти его член.

— Посмотри на нее, — говорит Дрейк, дразня ее, обхватив руками ее спину. — Прикованная к этой скамейке, как маленькая шлюшка, умоляющая о члене.

Я облизываю губы — его грязные речи доходят до моего члена.

А когда он продолжает, у меня почти сбивается дыхание. — Похоже, ей нужны два члена.

Изабель тут же хмыкает в ответ.

— Тебе понравилось, как это звучит, не так ли? — спрашивает он.

— Да, — умоляет она, глядя прямо на меня.

Пока Дрейк тянется за спиной к ящику с презервативами, я поднимаюсь со своего места и двигаюсь к ней. Она улыбается, глядя на меня с лукавым, как грех, видом, когда я беру ее волосы в руку и наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в губы, прежде чем придвинуть ее рот к своему ждущему члену.

— Ты этого хочешь?

— Да, — кричит она.

Ее правая рука едва перевешивается через край скамьи, и я осторожно ставлю свою ногу так, чтобы она могла ее почувствовать. Пока Дрейк устраивается, я наклоняюсь и снова целую ее.

— Постучи по моей ноге, если это будет слишком, хорошо?

Она ехидно улыбается и сжимает мое бедро между пальцами, соглашаясь.

Подняв глаза на Дрейка, я наблюдаю, как он выравнивает свой член одновременно с тем, как я ввожу свой за кольцо ее губ, и мы оба погружаемся в нее. Она визжит, ее голос заглушает мой член.

Это непристойное зрелище — красивая женщина, принимающая в себя сразу два члена. Я не должен был этого делать. Я должен был смотреть, как Дрейк трахает ее, но теперь... когда я вижу ее привязанной к этой скамье, я думаю, не сделал ли я это подсознательно.

Ее рот подобен раю, язык высунут, губы раздвинуты, когда я трахаю ее горло. Когда она задыхается, я отстраняюсь, поглаживая ее подбородок. Ее рука по-прежнему уверенно лежит на моей ноге.

— Господи, Рыжая. Посмотри на себя, — бормочу я, глядя на то, как Дрейк жестко входит в нее сзади. — Ты выглядишь чертовски красивой, принимая наши члены, как грязная девчонка, которой ты и являешься.

— Она и есть наша грязная девчонка, — отвечает Дрейк, его голос напряжен от перенапряжения. И я смотрю на Изабель, когда он это говорит. Услышала ли она это? Что она наша, а не только моя. Потому что она наша, и я хочу, чтобы она была нашей.

Я мог бы оставаться здесь вечно, разделяя этот момент с двумя людьми, которых я люблю больше всего на свете. Дрейк смотрит на меня, его пальцы впиваются в ее мягкие бедра, заставляя ее кричать вокруг моего члена. Мы неутомимы и так синхронны, и есть что-то чертовски сюрреалистичное в том, чтобы находить свое удовольствие не в одном, а в двух других людях. И знать, что они тоже находят свое.

Может быть, это эйфория этого момента или то, что я нахожусь в отпуске и далеко от реальности, но я вдруг понимаю, что хочу, чтобы она была нашей. Его, как и моя.

Может быть, она всегда была нашей.

Его толчки набирают скорость, и я подстраиваюсь под его темп, намереваясь приурочить свое освобождение к его. И по тому, как закрываются его глаза и крепнет его хватка, я понимаю, что он уже близок к этому. Но я не успеваю.

С этой мыслью я теряю контроль над собой и выплескиваю все в ее горло, опустошая свой член на ее язык, а она смотрит на меня сверху. Слезы текут по ее щекам, она сглатывает, и я вытираю капли, стекающие по ее подбородку. Позади нее Дрейк продолжает медленно двигаться.

Оторвавшись от ее рта, я глажу ее по щеке, восхищаясь тем, что у меня самая потрясающая девушка на свете. И я хочу, чтобы у моего лучшего друга она тоже была.

Правило № 20: Нет ничего плохого в том, чтобы попробовать

Дрейк

Я внезапно понимаю, из-за чего вся эта суета. Наблюдение за тем, как Хантер кончает в рот Изабель, разжигает во мне огонь, как inferno в паху.

Я уже занимался сексом втроем. Черт, я занимался сексом вчетвером, а однажды... неловким сексом впятером, но дело в том, что ни один из этих случаев не был таким взрывным, как этот. С этими двумя все просто по-другому.

А видеть ее привязанной к этой скамейке — просто отвратительно. Я всегда знал, что у Изабель есть скрытая извращенная сторона, но я даже не представлял, что она настолько извращенная. Мне нравится, что она такая авантюристка. Это заставляет меня хотеть сделать с ней все, что я могу.

Погоди... тормози, блять. Я не должен привязываться или хотеть большего. Это просто отпуск, полный извращенного, дикого траха, а потом, когда мы вернемся в Брайар-Пойнт, все вернется к реальности.

Только я буду жить с ними.

Просто в коридоре. Воспоминания об этом моменте и всех остальных проносятся в моей голове. Как, черт возьми, я смогу вернуться к тому, как все было в тех условиях? Что помешает мне перегнуть ее через обеденный стол, за которым ест Хантер? Или забраться в их постель, чтобы вылизать ее киску, пока он спит, и заставить ее кричать достаточно громко, чтобы разбудить его? Искушение будет невыносимым.

Кстати говоря, Изабель громко хнычет, ее ноги начинают дрожать, и я понимаю, что буквально потерял себя, трахая ее. Я на грани кульминации, но еще не готов кончить. Теперь, когда я смирился с тем, что эта связь неизбежна, я хочу, чтобы каждый раз был последним.

Хантер вернулся в свое кресло в другом конце комнаты, поглаживая свой измученный член, наблюдая за нами. И меня осеняет идея.

Он хочет посмотреть, как я трахаю его жену... что ж, тогда, возможно, он хочет посмотреть поближе.

Когда я выхожу из Изабель, она испускает громкий, полный нужды крик. Но я быстро двигаюсь вперед, хватаю ключи из миски на комод и быстро расстегиваю ее путы. Как только ее руки и ноги освобождаются, она оказывается на мне, целует меня и обхватывает ногами. А я с таким же нетерпением обнимаю ее.

Мы всего лишь второй раз вместе, но я уже замечаю, как мы с Изабель подходим друг другу. Мы словно созданы друг для друга. Каждое ее движение я предвосхищаю. Каждое ее прикосновение, каждый поцелуй, каждый момент — идеальны.

Кто я такой, черт возьми?

Я негодяй, а не какой-нибудь затюканный и приставучий бойфренд. И я намерен доказать это, когда несу ее к ее мужу, который тут же поднимается, увидев, что я собираюсь положить ее к нему на колени.

— Держи ее, — говорю я, укладывая ее на него и раздвигая для меня колени. Затем я опускаюсь перед ней на колени, совмещаю свой член с ее теплой пиздой и смотрю вниз, на то место, куда я сейчас войду. Я задерживаюсь здесь, дразня ее, пока она извивается и ждет, но прежде чем войти в нее, я сплевываю, и моя слюна попадает на ее клитор. Пальцами я увлажняю ее складочки, и она еще сильнее вскрикивает и извивается. Боже, как мне нравится, как сильно она этого хочет.

Хантер берет ее запястья в одну руку и держит их над собой, когда она опускает голову ему на плечо. Перекинув ноги через его ноги, она снова полностью в нашей власти, с таким доверием поддаваясь нашим грязным желаниям. Я провожу рукой по ее груди, чтобы почувствовать, как бешено бьется ее сердце под моими прикосновениями.

Затем, заставив ее ждать достаточно долго, я вхожу в нее. Она вскрикивает, затем стонет, прижимаясь спиной к обнаженному телу Хантера. Мои бедра касаются внутренней стороны его бедер, но уже слишком поздно спрашивать, не слишком ли это для него. Если бы он испытывал дискомфорт от такого тесного контакта, он бы прекратил его. Я верю, что он достаточно контролирует себя, чтобы сказать мне, если это слишком.

Я наблюдаю за ее лицом, пока трахаю ее. Это плотское выражение и легкий блеск пота на ее покрасневшей коже так чертовски красивы.

Но я заставляю себя отвести взгляд от ее напряженного зрительного контакта, потому что стараюсь не привязываться, но где блуждают мои глаза? Прямо на лицо Хантера. Наверное, потому что он наблюдает за мной. И когда я протискиваюсь между его ног, опираясь на его бедра, я понимаю, насколько сильно это выглядит и ощущается, как будто я трахаю его. Неужели я делаю это специально?

Он не отворачивается. Он просто смотрит на меня, чертовски возбужденный тем, как я трахаю его жену у него на коленях. Все еще не отрывая взгляда от моего лица, он тянется вниз и поглаживает ее клитор. Она кричит и воет, подбадривая его, чтобы он довел ее до оргазма, который она так явно заслужила.

Внезапно я почувствовал себя смелым. Моя левая рука, лежащая сейчас на ее бедре, начинает дрейфовать. Мне приходится отворачиваться от него, но я делаю вид, что это от толчков моих толчков, и продвигаю свою руку внутрь, пока не обхватываю его бедро. И я жду.

Когда он не реагирует, я снова смотрю ему в лицо. Он тяжело дышит, его рот слегка приоткрыт, он облизывает нижнюю губу, зажав ее между зубами.

Это ощущение... как будто что-то сильное. Мне кажется? Я держу его за ногу, а он прикусывает губу, глядя на меня.

Затем... его пальцы двигаются. Они движутся от ее клитора вниз, пока я не чувствую легкое прикосновение его пальцев к моему члену. Он держит ее киску, исследует это место, где мы с ней связаны, и при этом... по сути, гладит мой член.

Черт, я сейчас кончу.

Его похотливый взгляд все еще не отрывается от моего лица, и это, блядь, уже слишком.

— Я уже почти кончила... не останавливайся, — зовет Изабель, и я чувствую волну стыда за то, что был так сосредоточен на нем, что почти не думал о ее удовольствии. Поэтому я продолжаю двигаться в том же ритме, что и раньше, и рука Хантера остается, два пальца по обе стороны от моего члена, когда Изабель наконец сжимается в его объятиях. С высоким стоном она содрогается в кульминации, которая выглядит так, будто ею овладели. Ее обнаженное потное тело сводит судорога, и желание наполнить ее нестерпимо.

Конечно, вместо того, чтобы наполнить ее, я наполняю презерватив, обнимающий мой член, но все равно это сокрушительно. Оргазм вырывает из моей груди протяжный хрип, и я крепче вцепляюсь в бедро Хантера.

Когда я наконец отстраняюсь от них, то не успеваю далеко уйти. Быстро стянув с себя использованный презерватив и выбросив его в мусорное ведро, я рухнул на кровать. Когда я смотрю на Хантера и Изабель, я наполовину ожидаю, что они будут настолько сосредоточены друг на друге, что я снова почувствую себя третьим лишним. Вместо этого я почти с радостью обнаружил, что они оба смотрят на меня.

Почти три часа ночи, когда я обнаружил, что стою один на кухне, сидя в мрачном молчании и имея в качестве компании только бутылку воды. Хантер и Изабель наконец-то слезли с кровати в моей комнате, и он отнес ее к себе, где, я уверен, побаловал ее уходом, и она быстро уснула. С тех пор я их не видел.

Но я не могу заснуть.

Кажется, что я проснулся в сумеречной зоне или что-то в этом роде, потому что я вдруг не узнал свою собственную жизнь. Я нисколько не жалею о том, что мы делаем, и думаю, что в этом-то и проблема. Секс потрясающий. Вся эта поездка была потрясающей. Но я не делаю ничего из того, что делала раньше.

Я просыпаюсь и думаю о них. Каждую секунду своего дня я думаю о них. Ночью... это они.

И не только Изабель.

Я чертов идиот — вот к чему все сводится. Я приглушил эту маленькую влюбленность в своего лучшего друга с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы понять, что Хантер мне очень нравится. Мне нравилась его компания, но мне также нравилось его тело. Его внимание. То, как морщатся его глаза, когда он улыбается, и темнота его глаз. Мне нравилось быть одной из единственных людей в мире, кто знает настоящего Хантера, кто видит татуировки и знает темные тайны его прошлого.

А потом моя тупая задница должна была пойти и согласиться трахнуть его жену. Я ни секунды не думал о том, что смогу разделить эти два чувства. Что я смогу сделать это, не позволяя своему глупому гребаному сердцу надеяться на успех.

Как сегодня, например. Я раздвинул его границы. Я поставил его в ситуацию, в которой он мог оказаться не в своей тарелке, потому что, видимо, мне нравится играть с огнем.

И он отыгрался, что совсем не помогло мне.

Я всегда был известен тем, что слишком много смотрел на вещи. Как бисексуал, я должен уметь читать людей очень, очень хорошо, потому что неправильная оценка чьего-то интереса может очень плохо для меня закончиться. Поэтому я всегда осторожен.

И то, что произошло сегодня вечером, показалось мне чертовски ясным знаком. Это был гигантский рекламный щит на автостраде. Подсвеченный. С мигающими огнями.

Он трогал мой член, черт возьми. Он смотрел на меня, покусывая губу, позволяя мне обхватить его ногу, пока он трогал мой член. Я правильно понимаю ситуацию?

Хантер... увлечен этим? Мной?

Нет. Это было просто в тот момент. Он, наверное, даже не заметил, как я коснулся его ноги, и он не специально трогал мой член, он просто держал киску своей жены.

Собирай свои надежды и мечты, Дрейк, ебанный идиот. Он все такой же натурал, и это

не изменится. Никто в этом не виноват... просто так сложилось.

В коридоре открывается дверь, и я замираю. Когда я слышу шаги, то по их тяжелой походке понимаю, что это Хантер, и сразу же напрягаюсь.

— Привет, — ворчливо говорит он, заметив меня, сидящего в темноте, как злодей, ожидающий нападения.

— Привет, — отвечаю я. — Не спится?

— Я немного задремал, но потом проснулся и понял, что мне нужна вода. А ты?

Я пожимаю плечами. — Просто наслаждаюсь тишиной.

— Все в порядке? — спрашивает он, скептически глядя на меня.

— Да, — быстро отвечаю я. — У тебя все в порядке?

Он кивает. — Все замечательно.

— А Изабель?

Он усмехается, делая глоток из бутылки с водой. "Она там храпит, наверное, все еще улыбается. Думаю, она сегодня веселилась больше всех".

— Ты проследил, чтобы она выпила что-нибудь перед тем, как заснуть, верно? Дал ей немного времени, чтобы расслабиться после всего?

Он поднял руку. — Я позаботился о ней, обещаю.

— Хорошо, — медленно киваю я, глядя вдаль, на городские огни через большое окно гостиной.

— Знаешь... может быть, в следующий раз ты сможешь присутствовать при последующем уходе. Если тебе от этого станет легче.

Я стараюсь не придавать этому большого значения. Он просто проявляет заботу. Я не очень люблю послеоперационный уход, но не могу отрицать, что забота об Изабель звучит приятно. — Конечно, — говорю я, пожимая плечами.

Он молча прислоняется к стойке рядом с тем местом, где я сижу на барном стуле. В одних обтягивающих боксерах, я стараюсь не отводить взгляд и не позволять ему переходить на темные узоры на его прессе и груди.

Он не хочет нарушать молчание, поэтому я делаю это первой.

— Если я переборщу, ты ведь скажешь мне, правда?

Он поворачивает голову в мою сторону. — Конечно.

— То есть... — Боже, как неудобно. — Между нами.

— О, — отвечает он, и я жду, когда же он наконец скажет, что сегодняшняя ночь была для него слишком тяжелой и что мне определенно не стоит больше подходить так близко во время секса. — Ты не переборщишь, Дрейк. Все в порядке.

Я заставляю себя сглотнуть. Это что, шутка для него? Ведь не может же он действительно это иметь в виду. В кои-то веки я хочу, чтобы он был честен и начал вести неловкие разговоры, чтобы мы не попали в ситуацию, из которой не сможем вернуться. Вместо этого он вынуждает меня.

— Нет... я определенно могу переборщить, Хантер. Ты — натурал, а я — нет. Если мы собираемся продолжать... делать то, что мы делаем, ты должен быть откровенен со мной.

Он поворачивается ко мне. — Ты имеешь в виду то, что произошло сегодня вечером? Дрейк, все было нормально. Меня это не беспокоило.

— Я не хочу, чтобы это просто не беспокоило тебя. С этого момента... я буду держать свои руки при себе, — отвечаю я, желая, чтобы этот болезненный разговор вообще не состоялся.

Между нами повисает молчание, прежде чем он наконец отвечает: — Но я тоже не держал руки при себе.

И у меня пересохло во рту. Он только что признал это. Он буквально признался, что специально прикасался к моему члену, и я не знаю, что делать дальше.

К моему удивлению, Хантер первым заполняет тишину. — Да, я натурал, но я знаю тебя всю жизнь, Дрейк. Прикосновения к тебе меня ни хрена не волнуют.

Я почему-то встаю. Я слишком встревожен этим разговором, и мне кажется неправильным сидеть. Он ведет себя слишком беспечно, и теперь я боюсь, что он слишком компенсирует это. Он дает мне то, что я хочу, потому что это я удовлетворяю его фантазии. И чем больше я думаю об этом, тем больше я не могу с этим смириться.

— В этом-то и проблема, Хант. Есть большая разница между тем, чтобы что-то нравилось, и тем, чтобы это не беспокоило. И я тоже знаю тебя всю свою долбаную жизнь, достаточно долго, чтобы понять, когда что-то не так — а с тобой точно что-то не так. Я думаю, что тебя это беспокоит больше, чем ты собираешься мне сказать, и я говорю тебе... ты не должен делать это за меня.

— Да ладно, Дрейк. Все это ради маленького прикосновения? Что с тобой не так?

— Сейчас это просто прикосновение, но что будет, когда это будет больше? Как я узнаю, что ты не против, если ты не хочешь...

— Господи. Вот, — пробормотал он, и тут я замолчал, потому что его руки оказались на моем лице, и он прижался своими мягкими губами к моим.

Хантер целует меня.

Мои руки свисают по бокам, потому что я не ожидал такого поворота событий и слишком ошеломлена, чтобы двигаться. Почему он целует меня?

Сначала это просто прижатые к губам губы, призванные доказать свою точку зрения. Ему вполне приятно прикасаться ко мне — я понимаю. Но секунды идут, а его рот все еще задерживается на моем.

Очень медленно он отстраняется, оставляя между нашими ртами достаточно пространства, чтобы он мог смотреть мне в глаза, но его губы остаются в дюйме от моих.

— Я просто хочу попробовать кое-что, — шепчет он, его дыхание касается моего лица, и тяжесть этих слов обрушивается на меня, как приливная волна. Потому что я знаю, что последует дальше.

Он снова целует меня. Но вместо прежнего неловкого короткого поцелуя его губы расходятся, и я чувствую, как его язык скользит по шву моего рта. Я без колебаний впускаю его в себя. В тот момент, когда наши языки сталкиваются, клянусь, вся квартира содрогается. Или, может быть, земля дрожит, или вселенная взрывается. Я не знаю, но происходит что-то космическое, потому что мы с моим лучшим другом теперь официально целуемся на кухне посреди ночи.

Его рука скользит по моему затылку, притягивая меня вниз на несколько сантиметров, и он углубляет наш поцелуй. Его язык проникает дальше в мой рот, ощущая одновременно грубость и мягкость моего языка, а когда он вылизывает его, его зубы прижимают мою нижнюю губу, прежде чем снова погрузиться внутрь.

Черт возьми. Он хотел что-то попробовать.

Мои руки все еще бесполезно болтаются по бокам, потому что я вдруг не знаю, что, черт возьми, с ними делать. Куда я обычно кладу руки, когда целуюсь с кем-то... или когда меня трахают в рот, что, видимо, сейчас и происходит?

Наконец, решив, что с ними делать, я касаюсь его боков, скольжу пальцами по его голой грудной клетке и по спине, обхватывая его тело, чтобы притянуть его ближе.

Я твердый, потому что, конечно, я чертовски твердый, но мне более чем интересно узнать, что он тоже.

Когда он, наконец, придвигается ближе, я получаю ответ. На моем бедре появился сертифицированный пух, и с каждой секундой он становится все менее пухлым и все более твердым.

Вот что он хотел узнать, когда делал это? Доволен ли он результатом или убит? Почему, черт возьми, я сейчас в таком состоянии? Может быть, потому, что это Хантер, единственный человек, которого я приучила свое тело игнорировать. Но теперь он целует меня, и все чувства, которые я так долго усыпляла, наконец-то начинают воскресать.

Поцелуй длится меньше минуты, но в нем, казалось, не существует времени. Казалось, что прошла целая вечность, и когда он отстраняется, я уже понимаю, что мне крышка.

Он отпускает мою голову, и мои руки падают с его спины, и мы снова погружаемся в тишину. Мне немного страшно от того, что он собирается сказать, и я, честно говоря, была бы просто счастлива, если бы он ответил просто: — Спасибо. Спокойной ночи.

Но он этого не делает. Вместо этого он смотрит на меня. Потом облизывает свои чертовы губы. Вот мудак.

— Итак... — говорю я с трещиной в голосе. — Это то, чего ты ожидал?

— Нет, — твердо отвечает он. — Мне очень жаль. Я не должен был этого делать. Ты не какая-то сексуальная лабораторная крыса, на которой я могу ставить эксперименты.

Эм... да, я такой. Да, черт возьми, я такой.

Я не говорю этого, потому что это было бы неубедительно, но я быстро качаю головой. — Не извиняйся. Все в порядке. Ты в порядке, Хантер. Это... эм... я...

— Да, — отвечает он со смехом. — Я тоже так думаю.

Мы оба неловко смеемся, но это не слишком помогает снять напряжение. Поэтому я пытаюсь найти что-нибудь успокаивающее. — Это была сумасшедшая неделя. Я бы не стал винить тебя за то, что ты немного растерялся. Не переживай, парень. Это я. Со мной ты никогда не волнуешься.

Надувшись, он улыбается. — Разве это не ты волновался?

О, черт, я волновался. — Ну... я больше не волнуюсь.

— Хорошо, — отвечает он, и его темные глаза не отрываются от моего лица. Может быть, это звучит пошло, но его глаза кажутся мне домом. Эти темные, как бездна, радужные оболочки были единственной константой в моей жизни, поэтому, когда Хантер говорит, что все в порядке, я знаю, что все в порядке.

Даже если мне кажется, что весь мой мир сошел с оси.

— Мне нужно поспать, — говорю я, делая шаг из кухни. Разлука кажется мне сейчас единственным правильным решением. Кроме того, я хочу что-то сделать с этим кирпичным валом в моих шортах, пока он не исчез. И я точно знаю, о чем я буду думать, когда буду это делать.

— Спокойной ночи, Дрейк, — бормочет он, глядя, как я ухожу.

— Спокойной ночи, Хантер, — отвечаю я.

Затем я несу звук его голоса до самой кровати, где через некоторое время засыпаю, постоянно слизывая его вкус со своих губ.

Правило № 21: Это не просто поцелуй

Хантер

Я поцеловал Дрейка.

Я поцеловал мужчину... моего лучшего друга — Дрейка.

Я все еще лежу в постели, перебирая в памяти события прошлой ночи, все события. Например, момент, когда я понял, что не хочу, чтобы это временное соглашение было таким уж временным. Потому что я хочу, чтобы Дрейк был с Изабель больше. Я хочу разделить ее.

В другом конце коридора Изабель принимает душ, а Дрейк сегодня рано утром сбежал в тренажерный зал, куда у него есть абонемент. А я остался здесь, наедине со своими мыслями.

Я действительно не хотел использовать свою лучшую подругу в качестве эксперимента, но нет никого другого, кого я был бы готов использовать, чтобы проверить, есть ли у меня вкус к мужчинам. Странно, но за всю свою жизнь я ни разу не испытывала влечения к другому мужчине. Я могу оценить привлекательное тело и красивое лицо, но видеть мужчину голым меня никогда не интересовало. Мысль о том, чтобы трахнуть его, тоже никогда не вызывала у меня аппетита.

Но этот поцелуй. Этот гребаный поцелуй.

Может быть, Дрейк прав. Эта неделя была сумасшедшей и более насыщенной сексом, чем даже наша повседневная жизнь в секс-клубе. Переизбыток секса просто довел меня до ручки. Вот и все.

Когда Изабель возвращается в комнату абсолютно голой и сушит волосы полотенцем, я издаю рык при виде этого зрелища. Он стирает все мысли в моей голове, как это обычно бывает при виде сисек и задницы. Видишь... совершенно прямо.

Когда она проходит мимо, я хватаю ее за запястье.

— Тащи сюда эту прекрасную задницу.

Я усаживаю ее к себе на колени, и она мило хихикает, когда я целую ее в шею.

— Не сегодня, мистер Скотт.

Я поднимаю голову и смотрю на нее. Черт, что за дата? Пятнадцатое... середина месяца. Черт побери.

— Вот черт, у тебя сегодня месячные начались, да?

— Ага, — отвечает она с гримасой.

— Как ты себя чувствуешь?

— Пока нормально, но я знаю, что через несколько часов я буду чувствовать себя как жевательная резинка на шоссе.

— Что тебе нужно? Хочешь, я принесу тебе чай, суп или что-нибудь еще?

Она прижимается к моим коленям. — Нет. Но ты не против, если я сегодня не пойду в клуб? Я думаю, что лучше проведу вечер с Netflix и пиццей.

— Конечно, детка.

Я снова целую ее шею, вдыхая знакомый запах ее клубничного шампуня. Секс во время месячных меня не беспокоит, но Изабель очень плохо себя чувствует в первый день своего

цикла. Так что на один день в месяц я становлюсь ее покорным слугой.

Ладно, давайте начистоту. Каждый день месяца я ее покорный слуга, но больше всего — с пятнадцатого по двадцатое число.

— О чем ты думал, когда я вошел? Ты выглядел так, будто у тебя много забот.

Я тяжело вздохнул. Я хочу, чтобы между мной и Изабель никогда не было никаких секретов. Если она будет злиться, что я поцеловал другую, я лучше приму ее гнев, чем буду скрывать от нее. Поэтому я просто даю ей волю.

— Я должен тебе кое-что сказать.

Она напрягается и смотрит на меня в ожидании. Поэтому я не теряю времени и просто говорю. — Я поцеловал Дрейка прошлой ночью.

Она вскакивает и смотрит на меня расширенными глазами. — Что? Когда?

— Около трех часов ночи, я думаю.

Я скорчил гримасу, ожидая ее реакции.

— Могу я спросить, почему?

— ...эксперимент, — медленно отвечаю я.

— И как прошел этот эксперимент?

Ее тон задерживается на каждом слове, как будто она осторожно произносит их. В ее голосе не гнев, а любопытство.

Моя голова падает назад, ударяясь об изголовье кровати. — Я не знаю. Честно говоря, не знаю.

— Ладно, вернемся назад. Что вы двое делали до поцелуя?

— Просто сидели на кухне и разговаривали. О том, что произошло вчера вечером. Он все переживал, что переборщил, когда трогал меня во время секса.

— Но ты тоже его трогал, — ответила она.

О, она это заметила? Я не был уверен. Все это было в тот момент.

Я ничего не отвечаю, просто пожимаю плечами.

— Значит, ты сказал ему, что все в порядке... что он прикасался к тебе во время секса?

— Да, сказал, но он мне не поверил. Поэтому я доказал это.

— Поцеловав его.

— Да.

Она ничего не говорит, только жуёт внутреннюю сторону губы, внимательно изучая меня.

— Ты не злишься?

Она качает головой. — Учítывая, что я делала с ним на этой неделе, это было бы немного лицемерно с моей стороны.

— Это было другое, Из.

— Я знаю... но, если честно, я даже рада, что ты это сделал.

— Рада? Почему?

— Потому что... — Ее слова затянулись, и я вижу, как она нервничает, пытаюсь выразить то, о чем думает.

— Просто скажи это, детка. Что бы ты ни думала.

— Я просто рада, что ты исследуешь эту... возможность.

— Ты имеешь в виду мужчин?

— Я имею в виду Дрейка.

Мои глаза на мгновение задерживаются на ее лице, пока я быстро сканирую свою

память в поисках любого случая, когда я проявлял интерес к своему лучшему другу, но ничего не нахожу.

— Мне кажется, что я что-то упускаю, — пробормотал я.

Она наклоняется и касается моей щеки. — Я была рядом с тобой десять лет, а вы вместе вдвое дольше, может быть, поэтому я вижу то, чего не видишь ты.

— Например?

Она улыбается. — Например, то, что Дрейк влюблен в тебя по уши.

— Что? — Я смеюсь. Потом смеюсь еще больше, потому что это просто смешно. — Изабель, то, что ему нравятся мужчины, не означает, что он хочет каждого мужчину.

Она наклоняет голову и бросает на меня суровый взгляд. — Хантер, я говорю серьезно. Если ты не замечаешь, то это, наверное, потому, что ты так долго был рядом с ним, что уже привык к этому. Но я вижу это. Я уверена, что все это видят.

— Мы просто друзья...

— Да, я знаю. Но ты все еще можешь быть влюблена в своего лучшего друга.

— Влюблен? — отвечаю я в шоке. — Мы ведь говорим об одном и том же Дрейке, верно? Он спит с большим количеством людей в год, чем дней в календаре. Он не заинтересован в том, чтобы быть привязанным к кому-то или соответствовать кому-то. Дрейк не влюбляется, Изабель. Ну же...

Она не пытается спорить со мной, но выражение ее лица говорит достаточно. Сжатая гримаса и мягкий взгляд означают, что она просто ждет, когда я услышу себя.

Погодите-ка... она права? Дрейк испытывает ко мне чувства? И поэтому он ни с кем больше не хочет встречаться?

Я испустил еще один долгий вздох.

— И я, блядь, поцеловал его! Боже мой... — простонал я.

— Да...

— Блядь.

— Вот почему я спросила... как прошел этот маленький эксперимент?

Она спрашивает, понравилось ли мне целоваться с ним. Буду ли я делать это снова.

Это все слишком. Предполагалось, что это просто извращенная фантазия, а теперь я думаю о том, чтобы попросить свою жену открыть наш брак моему лучшему другу, а затем думать о своем лучшем друге в сексуальном смысле, и я не знаю, какой путь сейчас выбрать.

— Хантер? — спрашивает она, когда я не отвечаю.

— Мне понравилось, — заикаюсь я. — Мне действительно чертовски понравилось, и я стал чертовски твердым, и я был немного разочарован, когда все закончилось.

Она сильно прикусывает нижнюю губу, пытаясь подавить улыбку.

— Это был всего лишь поцелуй, — добавляю я.

— Я знаю. Но, может быть...

О Боже. Мне не нравится ее озорное выражение лица. Неужели она не понимает, что для меня сейчас все это слишком?

— Может быть, когда ты будешь в клубе сегодня вечером... ты сможешь понять, что ты чувствуешь не только из-за поцелуя.

— Нет, — огрызаюсь я. — Нет. Я не могу даже думать об этом. К тому же... что, если он поймет это неправильно? Я не хочу причинять ему боль.

Она снова смотрит на меня, как будто у нее есть ответы на все вопросы, и, давайте будем честными, возможно, так оно и есть. Но я боюсь узнать, что это за ответы.

— Детка, я не уверен, что это неправильная мысль. И я не думаю, что ты тоже.

Я ничего не отвечаю, обдумывая эти слова в своей голове. В конце концов, она сползает с моих коленей, достает из чемодана самую удобную одежду, закручивает волосы в пучок и берет с приставного столика непристойный роман, чтобы взять его с собой в гостиную.

А мне тем временем нужно собираться в клуб. Где я, возможно, доберусь до второй базы со своим лучшим другом, а возможно, и нет.

Дрейк снова молчит, когда мы выходим из машины. Он не проронил ни слова за всю дорогу, и я знаю, что это из-за того, что произошло вчера вечером. Но даже когда между нами напряженные отношения, он обычно болтун. Думаю, это просто другой вид напряжения.

Клуб, в котором мы сегодня гастролируем, называется Pitch, и нет, это не секс-клуб с бейсбольной тематикой. Название связано с освещением. Большая часть клуба погружена в крошечную тьму.

Я встречаюсь с человеком по имени Марио, который является совладельцем клуба. Как и мы, этим клубом владеет команда людей, и из всех клубов, которые мы посетим на этой неделе, именно этот вызывает у меня наибольшее волнение. Когда мы заходим внутрь, я замечаю, что фойе очень похоже на Salacious. Черные шторы и небольшое пространство, где одна женщина стоит наготове, чтобы поприветствовать нас.

— Добро пожаловать в Pitch. Вы члены клуба?

Я поправляю галстук, подходя к ее подиуму. — У меня встреча с Марио в десять.

— Хантер, — раздается глубокий голос, и сквозь черный занавес появляется высокий красивый мужчина. — Я видел тебя по камерам.

— Марио, — отвечаю я, пожимая ему руку. В отличие от некоторых более строгих клубов, в которых мы бывали, здесь он дружелюбен и немного непринужден, что позволяет мне немного успокоить нервы.

— Это, должно быть, ваш... партнер? — спрашивает он, протягивая руку в сторону Дрейка.

— Дрейк Нилсон — мой друг. Он возглавляет строительный отдел в Salacious и гастролирует со мной по клубам.

— Очень приятно познакомиться с тобой, Дрейк, — говорит Марио, улыбаясь ему яркими белыми зубами, и я чувствую, как мои зубы сжимаются от этого взгляда.

— Приятно познакомиться, — отвечает Дрейк с чуть меньшим энтузиазмом, чем обычно. Дрейк всегда любил общаться с людьми, поэтому я могу сказать, что сегодня с ним что-то не так.

— Пойдемте со мной, и я проведу для вас экскурсию.

Я бросаю осторожный взгляд на Дрейка, прежде чем мы следуем за Марио в клуб. Выражение его лица в ответ не поддается прочтению и, на мой вкус, слишком холодно.

Pitch разделен на четыре основные зоны: главный этаж с баром, несколькими столиками и достаточным освещением, чтобы видеть, с кем ты разговариваешь, а затем у нас есть три темные комнаты.

Первая комната, в которую мы входим, явно та самая, о которой он только что говорил, и снова... она напоминает мне Salacious. Здесь нет ни сцены, ни танцпола, и он не такой большой, как наш главный зал, но внезапное напоминание о нашем клубе вызывает у меня

прилив неожиданной тоски по дому.

Вместо множества дверей в основной зал здесь всего три. Каждая охраняется сотрудником, и хотя музыка играет здесь, я могу сказать, что там она играет еще громче.

Марио подводит нас к дверям. Не открывая их, он жестом показывает на каждую.

— Первая комната — для тех, кто идентифицирует себя как женщина, вторая — для тех, кто идентифицирует себя как мужчина, а третья — для... всех.

— И там абсолютно темно? — спросил Дрейк, с любопытством глядя на двери.

— Достаточно светло, чтобы ты мог найти дорогу, но достаточно темно, чтобы ты мог рассчитывать на анонимность. Когда ты там, это раскрепощает. Ты можешь прикоснуться к кому угодно, быть прикоснувшимся к кому угодно или просто греться в атмосфере.

Мы с Дрейком просто смотрим на дверь перед нами, ту самую, в центре которой изображены два мужчины, и мое сердце начинает колотиться при мысли о том, что может содержать такая комната.

Заметив нашу нерешительность, Марио добавляет: — Удивительно, как много ты можешь увидеть в темноте, о себе, я имею в виду.

Я заставляю себя сглотнуть.

Марио нарушает тишину, снова начиная идти, увлекая нас за собой.

— Теперь, вероятно, вы задаетесь вопросом о безопасности. Все члены клуба обязаны использовать средства защиты, каждый месяц показывать отрицательный тест и проходить строгую проверку. В каждой комнате есть вышибалы, оснащенные очками ночного видения, чтобы убедиться, что все происходит по обоюдному согласию, а также аварийная сигнализация, которая находится почти везде под рукой. Не говоря уже о том, что в нашем баре нет алкоголя. Мы очень серьезно относимся к безопасности.

— Я вижу, — отвечаю я, но, честно говоря, я слушал лишь отчасти. Я все еще с тоской смотрю на комнаты. У меня вдруг пропало настроение обсуждать работу.

Правило № 22: Удивительно, как много можно увидеть в темноте

Дрейк

— Почему бы нам не отправиться в мой офис, чтобы обсудить цифры, — говорит Марио Хантеру, и я тут же останавливаюсь на месте.

— Э-э, думаю, я просто подожду в баре. Цифры на самом деле не моя тема.

В выражении лица Хантера есть намек на панику, и мне это нравится. Мне нравится, что он не хочет упускать меня из виду здесь.

— Не стесняйтесь осмотреться. Получите полный опыт Pitch, — говорит Марио многозначительно изогнув бровь.

Выражение паники и беспокойства Хантера только усиливается.

— Звучит отлично. Встретимся здесь через час, — говорю я, машу Хантеру, когда мы расходимся, он — в офис, а я — в бар. Конечно, на самом деле я не пойду в бар. Зачем мне тратить время на то, чтобы сидеть в одиночестве и пить Dr. Pepper, когда я могу наблюдать за этими трах-фестивалями позади меня?

Я не собираюсь никого трогать. Может, я и не самый лучший парень, но я никогда не сделаю ничего, что могло бы навредить Изабель или Хантеру.

Мне просто чертовски любопытно, чтобы упустить такую возможность. Но когда я направляюсь к комнатам, передо мной внезапно оказываются три двери — ну, технически две, поскольку одна из них предназначена только для женщин. Не знаю, что заставляет меня направиться к двери, предназначенной только для мужчин, но, возможно, это обещание, что мужской секс, по моему опыту, обычно более восторженный. Скорее всего, время будет лучше, даже если я буду держать свои руки и член при себе. Здесь мне будет сложнее держать эти вещи при себе, так как мужчины тоже не столь изощренны, но я с ними справлюсь.

Как только я прохожу через дверь, я иду по длинному коридору, пока в конце его не встречаю охранника. За ним дверь, а справа дверь с надписью "Раздевалка".

— Первый раз? — спрашивает он.

— Это так очевидно?

Он улыбается, затем жестом указывает на дверь слева от себя. — Не стесняйся пользоваться раздевалкой, прежде чем войти. В темной комнате ты можешь носить все, что хочешь, но презервативы обязательны, и я буду их проверять.

Мои брови поднимаются, и я киваю. — Да, сэр.

Полагаю, это означает, что сначала я зайду в раздевалку... а там, раз уж мне придется заходить туда в костюме, я еще и напрягусь. Это не должно быть слишком сложно. Даже сквозь громкую музыку я слышу все, что происходит в другой комнате. Все звучит именно так, как и есть. Много трахающихся людей.

На стойке стоят миски с презервативами, по тускло освещенному помещению передвигаются мужчины, некоторые голые, некоторые одетые. Я беру резинку и направляюсь к занавешенной кабинке, чтобы подготовиться. Некоторые парни не

стесняются напрягаться в открытую. Я готов на все, но дрочить на публике я предпочитаю более сексуальные сценарии.

Расстегнув джинсы, я обнаруживаю, что мой мужчина уже в полуобморочном состоянии. Он как будто знает, что мы в секс-клубе, и реагирует на это так же, как собака на подъезд к собачьему парку. Готов поиграть.

Извини, приятель. Мы просто пришли посмотреть.

Достаточно напомнить о том дерьме, которое произошло прошлой ночью, чтобы мой член стал достаточно твердым, чтобы надеть презерватив. Изабель прикована наручниками к скамейке. Хантер кончает ей в горло. Выражение его лица в момент кульминации. То, как напряглись его мышцы пресса, а его татуировки практически покрылись рябью от оргазма.

Ладно, мне пора остановиться, а то я взорвусь раньше времени и упущу свой шанс испытать темную секс-пещеру.

Я уже решил, что войду в комнату полностью одетым. Это поможет поставить барьер между мной и теми, кто не так понял. И вот, не снимая джинсов, я вывожу свой надежно укрытый член к вышибале, чтобы показать ему, что я готов играть... хотя на самом деле я готов делать абсолютно все.

Как по мне, так презерватив — пустая трата времени.

Вышибала одобрительно кивает на мой член и кокетливо подмигивает мне, после чего открывает дверь, чтобы пропустить меня внутрь.

— Развлекайся, — бормочет он, прежде чем я исчезаю в темноте.

Как и следует из названия, здесь чертовски темно. Проходя внутрь, я слежу за зелеными светящимися в темноте маркерами на полу, которые ведут меня через комнату, чтобы не опрокинуть людей или мебель.

Я слышу стоны в стороне и на мгновение замираю, пытаюсь разглядеть, кто или что издавало этот звук, но ни черта не могу разобрать. На полу еще больше светящихся в темноте маркеров и несколько на стенах с восклицательными знаками, расставленными в разных местах. Это, наверное, те самые аварийные кнопки, о которых нам говорил Марио. И когда я замечаю, что зеленая точка движется, я понимаю, что это на вышибале.

Когда кто-то дотрагивается до моей руки, я вздрагиваю.

— Извини, — пробормотал мужчина, проходя мимо меня. Это такое жуткое чувство — знать, что любой здесь может дотронуться до меня. Я могу буквально трахнуть кого-нибудь здесь и никогда не узнать, как он выглядит и как его зовут. Это чертовски странно, если подумать. Но также... странно освобождает.

Здесь неважно, как ты выглядишь. Неважно, знаете ли вы их или даже если они вам не нравятся. Все дело в химии и чувствах.

Впервые с тех пор, как я вошел сюда, я действительно сожалею о том, что не могу ничего сделать, потому что это звучит чертовски весело. Играть на поле, не зная, с кем ты вообще играешь. Или играл ли ты с ними раньше. Черт возьми, я уверен, что это был бы отличный способ встречаться. Никаких суждений или предвзятых мнений. Просто две души находят друг друга.

Это почти романтично, если подумать.

Однако ворчание справа от меня звучит не очень романтично. Оставив их позади, я продолжаю идти по зеленым меткам. По обе стороны от себя я слышу еще секс, и когда мои глаза начинают адаптироваться, я отхожу от тропинки и нахожу пустое место, чтобы побыть одному и понаблюдать — насколько это возможно, когда я ни черта не вижу.

Я чувствую, что за мной кто-то наблюдает. Разобрать что-либо слишком сложно, но в нескольких футах от меня точно стоит какая-то фигура, и у меня возникает ощущение, что она смотрит на меня — если это вообще возможно. Взглянув на потолок, я замечаю красное мигание камеры наблюдения на каждом углу, и это обнадеживает. Здесь действительно стараются обеспечить безопасность.

Я услышал приближающиеся шаги и почувствовал, как маленькие ладошки перебирают мои бицепсы.

— О, привет, — говорит мягкий голос, лаская мышцы через футболку. Он звучит молодо, и он определенно намного меньше меня.

— Подвинься, парень, — говорю я, мягко надавливая на его руку, пытаюсь подвести его к более готовому к этому человеку в комнате.

— Я отсосу у тебя, — сладко говорит он, все еще касаясь моей руки.

— Это мило, но нет, спасибо.

— Ты кого-то ждешь? Я люблю вечеринки.

Видите? Никогда не утончаюсь.

— Спокойной ночи, — отвечаю я, надеюсь, что он просто поймет намек и уйдет. Его пальцы задерживаются, проводя линию по моему животу, пока он уходит, и я оставляю его наедине с собой. Если все, что ему нужно, — это легкое прикосновение, то пусть себе идет.

Но его пальцы исчезают лишь на мгновение, прежде чем я оказываюсь в засаде, устроенной кем-то гораздо более крупным и сильным. Я в панике вскидываю руки, когда крепкая рука обхватывает меня сзади за шею и отворачивает от молодого парня, толкая дальше в комнату. Я спотыкаюсь в темноте, боясь на кого-то или на что-то налететь. Оглянувшись на направляющего меня мужчину, я уловил едва заметные очертания чего-то на его лице и понял, что на нем очки ночного видения, которые носят вышибалы.

У меня какие-то неприятности?

Я собираюсь возразить, но вдруг меня ударяют о твердую стену, и очки быстрым движением слетают с его лица. Я знаю это, потому что слышу, как они падают на пол. Я по-прежнему не вижу ни его, ни чего-либо еще, но времени на попытки нет, потому что его рот внезапно оказывается на моем. Обхватив одной рукой мою шею, он крепко целует меня. Нежная щетина на его губах царапает мои, а когда он вытаскивает язык из моего рта, то обглаживает мою нижнюю губу.

— Мой, — мрачно бормочет он, и мой член возбуждается в ответ.

Хантер.

Я целовался с ним всего один раз, но я уже знаю это движение. Я запомнил тот первый поцелуй. Каждый игривый взмах его языка я знаю наизусть. Я ощупываю его грудь, провожу руками по лацканам пиджака, до хлопчатобумажной нижней рубашки и ловко завязанного на макушке галстука. Он пахнет им, чувствует его и пробует его на вкус, но, черт возьми, здесь так темно, и это мешает мне думать. Он действительно здесь? Неужели Хантер даже сделал бы это? Прошлая ночь была экспериментом, и с тех пор мы не говорили об этом, так что я еще не совсем уверен, что он мысленно здесь.

Боже, я хочу верить, что это он. И мне нужно знать. Поэтому я осторожно отстраняюсь.

— Хантер? — спрашиваю я.

— Заткнись, мать твою, — огрызается он, и теперь я знаю. Это он.

Я думаю.

Его рот снова захватывает мой. Выпустив стон, он кусает и обглаживает весь мой рот в

похотливой ярости. Я пьянею от этого поцелуя, меня словно уносит сильный прилив, и я бессильна против него. Его тело прижато к моему, и я не могу прижаться к нему, поэтому мой разум перегружен и разрывается, не зная, на чем сосредоточиться — на ощущении его рта или на ощущении его твердого тела под кончиками пальцев. Вскоре мой мозг уже ни на чем не фокусируется, просто утопая в ощущениях. Без зрения я — лишь груда плоти и костей и всепоглощающая потребность.

Кажется, что мы так долго целовались. Другой мужчина, более спокойно относящийся к гей-сексу, возможно, уже перешел бы к нему, но Хантер все еще так не уверен. Рука, лежащая на моей шее, скользит вперед, обхватывая меня за горло, и он снова прижимает меня к стене.

Наши губы расходятся, и хотя я не вижу его, а он не видит меня, кажется, что мы смотрим друг на друга. Затем я чувствую, как другая его рука скользит по моей груди, по животу и, наконец, забирается в мои все еще расстегнутые брюки. Когда его рука обхватывает мой член, я вздрагиваю и издаю хрип.

Хантер держит мой член.

Это всего лишь рука, но по какой-то причине эта рука ощущается лучше, чем все остальные. Его теплая, яростная хватка молнией проносится по позвоночнику, и я двигаю бедрами, чтобы насадиться еще больше.

Темнота придает всему происходящему еще большую остроту. Я ничего не вижу, только чувствую, и от этого ощущения от его поглаживаний становятся еще более сильными. Отчаянно желая показать ему, как это приятно, я тянусь к его члену, но обнаруживаю, что его брюки все еще застегнуты наглухо. Тогда я обеими руками расстегиваю его ремень, затем пуговицу и молнию. Все это время он двигает бедрами навстречу мне, ища моего прикосновения.

Когда я расстегнул его брюки, я запустил руку в его боксеры, выгаскивая оттуда стальной жар.

На нем нет презерватива.

Боже, лучше бы это был Хантер, а не какой-нибудь озабоченный вышибала, поймавший меня в слабый момент.

— Да, блядь, — рычит он, когда я глажу его член, и мне сразу становится легче от звука его голоса. Я бы узнал этот голос где угодно. Его пальцы вокруг моего горла сжимаются, пока мы работаем друг с другом, но мне нужно больше. Насколько я знаю, это может быть единственное время и место, где Хантеру удобно это исследовать, так что я не собираюсь тратить его на рукоблудие.

Похоже, мой лучший друг читает мои мысли, потому что я чувствую, как он берет мое горло, и понимаю, что он пытается опустить меня вниз.

— Отсоси мне, — говорит он, низко и властно, и я с готовностью опускаюсь перед ним на колени. Не знаю, почему я смотрю вверх, но я смотрю. Даже если бы я видел его лицо, он не дал бы мне ни единого шанса. Положив руку мне на затылок, он подносит свой член к моему рту, и я открываю его, позволяя ему скользить по моему языку.

Я позволяю ему войти глубоко. Достаточно глубоко, чтобы почувствовать, как мое горло сжимается вокруг него.

— О, блядь, — кричит он.

Он сильно погружается в мой рот и делает несколько толчков, после чего я беру основание его члена в руку и начинаю работать сама. Покрыв его член слюной, я сильно

посасываю головку, а затем снова заглатываю его. Его хватка на моих волосах усиливается.

— Боже... Дрейк. — Он стонет, и звук моего имени на его губах побуждает меня к действию. Это так естественно, как будто мы должны были делать это все время. Он бессвязно бормочет, стонет и едва дышит, пока я продолжаю двигать ртом вокруг него.

— Надо кончить, — ворчит он, и я снова посасываю головку, готовый к этому. Мои руки крепко сжимают его за задницу, втягивая его глубже, надеюсь, что он это чувствует, надеюсь, что он знает, что это мой способ сказать, что я хочу тебя. Ты мне нужен. К руке, лежащей на затылке, присоединяется другая, и обе они опускаются к моей шее, когда Хантер обвивается вокруг меня. Это интимно и чертовски сексуально, и я чувствую, как с моего члена стекает сперма в презерватив, надетый на него. Мне отчаянно хочется прикоснуться к себе, но я не хочу отпускать его.

Через мгновение он вздрагивает и вскрикивает, когда теплые соленые капли попадают мне на язык. Когда он выпустил все, я сглотнул, снова облизал его член, не желая, чтобы этот момент закончился.

Но он заканчивается, как и все хорошее. Потому что мгновение спустя Хантер застегивает штаны и отстраняется. Я не вижу, как он уходит. Вернее, я ни черта не вижу, но когда я тянусь к нему, он уже уходит.

Некоторое время я стою на коленях в темноте. Я подумываю о том, чтобы подрочить, но от опустошения, вызванного тем, что меня так безлично использовали и выбросили, мой член сдувается.

И все время, пока я сижу, я пытаюсь поставить себя на место Хантера. Это был его первый сексуальный контакт с человеком того же пола. Это должно было быть очень сильно. Может быть, немного страшно. Ему явно понравилось, и я уверен, что он сейчас где-то вдалеке и сомневается во всем.

Но этот ублюдок оставил меня на полу. На чертовом полу. И я не могу представить себе сценарий, при котором я бы так с ним поступил.

Я не заталкивал его член в свое горло. Даже наоборот.

Через некоторое время я решаю, что мою вечеринку жалости к себе лучше провести где-нибудь с алкоголем. Поэтому я поднимаю свою грустную задницу с пола, нахожу выход, выбрасываю неиспользованный презерватив и пишу Хантеру.

Я иду в бар. Потом закажу машину до квартиры.

Я прохожу через главную комнату, уставившись в телефон, когда слышу, как он окликает меня по имени.

— Дрейк, — кричит он, становясь на моем пути. — Куда ты идешь?

— Ты получил мое сообщение?

Я окидываю взглядом его костюм, вспоминая, как он ощущался в моих руках, лацканы, рубашку, галстук... ремень. Я мог бы поспорить с ним прямо сейчас, но не хочу. Я злюсь, но у меня скорее настроение поразмыслить над этим, чем ругаться.

— Я пойду с тобой, — отвечает он, и я впервые смотрю на его лицо. Его выражение хаотично и неуверенно, но я надеюсь, что он читает эмоции в моем лице. Ты бросил меня на чертовом полу.

— Встретимся в квартире, — отвечаю я и, не говоря больше ни слова, ухожу.

Он не идет за мной, не звонит и не спорит. Он просто отпускает меня.

На соседней улице от клуба есть бар, и он идеально подходит для того, что мне нужно. У меня миссия — быстро напиться, поэтому я ни с кем не разговариваю, не флиртую, не общаюсь. Я просто пью. Проходит примерно три часа, прежде чем я напиваюсь до беспамятства. Мне все еще грустно, но мой опьяненный мозг уже не в состоянии сформировать самоуничижительные мысли, сопровождающие все это уныние.

Правило № 23: К черту правила

Изабель

Я уже наполовину уснула на диване, когда услышала звук, похожий на то, как медведь гризли входит в квартиру. Пьяный медведь гризли.

— Дрейк? — шепчу я, когда он теряет равновесие и натывается на дверную коробку своей комнаты. Он издал стон, распластавшись на полу.

— Иди спать, — бормочет он.

— Ну же. Вставай.

Моя крошечная фигура ничто против его огромной пьяной фигуры. Но в конце концов ему удается встать на ноги и, шаркая, добраться до кровати, где он приземляется на матрас. Я наблюдаю, как он пытается снять ботинки, но у него явно ничего не получается, и я отдергиваю руку, чтобы помочь ему.

— Прекрати. Не будь со мной милой, — говорит он с суровым выражением лица.

— Я буду с тобой так мила, как захочу.

Я снимаю один из его ботинок и бросаю его на твердый пол. Затем я работаю над другим. На мгновение мне кажется, что он заснул, но когда я снимаю второй ботинок и смотрю на его лицо, я вижу, что он смотрит на меня в ответ.

— Где ты был?

— Мне нужно было напиться.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что... твой муж — мудака.

Вот черт. Отчаяние грызет мое нутро, пока я расстегиваю штаны Дрейка. Когда Хантер пришел домой, он ничего не сказал, но я поняла, что что-то случилось. Обычно он так откровенен со мной, и после утреннего разговора я с нетерпением ждала его отчета. Очевидно, что все, что произошло в клубе между ним и Дрейком, закончилось не очень хорошо.

— Поднимайся, — говорю я ему, стягивая джинсы с бедер. Стянув их с каждой ноги, я бросаю джинсы на пол и перелезаю через его тело, чтобы помочь ему снять рубашку. Его руки скользят по моим бедрам, но я бросаю на него взгляд. — Никаких смешных идей, мистер. Ты знаешь правила. К тому же... у меня месячные, и ни одно живое существо не должно приближаться к этому.

Я жестом показываю на свой судорожно болящий живот.

— Я тебя успокою, — говорит он дразнящим тоном, а я только качаю головой.

— Я думаю, ты хочешь заняться со мной сексом, чтобы отомстить Хантеру за то, что он сделал.

— Я бы никогда так с тобой не поступил, — ворчит он. Он тянет меня вниз, пока я не оказываюсь в его объятиях, и мое сердце немного болит, когда я прижимаюсь к его груди. Я так давно хотела этого, но теперь боюсь, что все, что мы делаем, переходит черту, из-за которой нам всем будет больно. Но это знакомство между нами слишком чистое и хорошее, чтобы его игнорировать.

— Расскажи мне, что произошло в клубе, — говорю я.

Он стонет. — Я не могу.

— Почему?

— Потому что ты будешь злиться на меня. И на него.

— Он уже рассказал мне о поцелуе, Дрейк. И я разрешила ему делать в клубе все, что он захочет — с тобой, конечно.

Из-за алкоголя его реакция задерживается, но в конце концов он поднимает голову и смотрит на меня. — Правда?

Я киваю.

— У вас, ребята, самый странный брак.

— Я знаю... — отвечаю я.

— Что он сказал о поцелуе? — спрашивает он.

— Ничего особенного. Но ему понравилось. И он просто очень смущен.

— Да, ну... я, блин, тоже.

— Так расскажи мне, что произошло.

Когда он, наконец, соглашается поговорить со мной, он переключается на бок и притягивает меня ближе. Это интимно и заставляет меня желать большего. Как и подобает Дрейку, его руки никогда не задерживаются на одном месте. Он постоянно гладит меня по спине, по бедру, по щеке. Он не отдыхает, никогда.

— Я сосал его член.

Мне нравится, как откровенен и бесстыден Дрейк. Но я на мгновение замолкаю, потому что мне нужно сначала изучить свою собственную реакцию. Сначала... это шок. Может быть, ревность. А потом я представляю себе это. Дрейк и Хантер в клубе вместе... рот Дрейка на члене Хантера. Я ничего не могу поделать с тем, что чувствую от этого образа — горячая, возбужденная и очень, очень возбужденная.

— Изабель..., — говорит он, оценивая мою реакцию.

— Мне нужна минутка. К этому так трудно привыкнуть.

Через несколько минут, когда я дала этой новой информации осмыслить себя, чтобы понять, что я чувствую, я коснулась груди Дрейка.

— Хорошо... — отвечаю я. — Что произошло после минета?

— Он едва успел убрать свой член, как бросил меня там. На гребаном полу.

Черт возьми, Хантер. Мой эмоционально неуравновешенный муж иногда может быть самым ласковым и нежным, а иногда... он такой взбалмошный и иррациональный, что я схожу с ума.

— Прости меня, — шепчу я.

Наклонив голову, я смотрю на Дрейка. В этот момент я понимаю, что мы с Хантером — всего лишь вспышка на радаре любовной жизни Дрейка. Скоро он вернется к своим прежним делам, будет жить так свободно, как ему хочется, и делать это в основном в одиночестве.

Его глаза находят мои, и он касается моей щеки, нежно поглаживая ее, а затем притягивает мое лицо к себе для нежного поцелуя. Он играет с моим сердцем, заставляя меня думать, что я могу иметь то, чего, как я знаю, я не могу. Например, он.

После мягкого прикосновения наших губ он отстраняется и целует кончик моего носа. — Не извиняйся, Из. Это не твоя вина.

— Я знаю, но я не хочу, чтобы ты с ним ссорился. Он должен извиниться, но я также

думаю, что ты должен помнить... Отец Хантера был жестоким фанатиком, который вбил в голову Хантера некоторые неприятные вещи. Конечно, теперь он знает, что все это ерунда, но эти жестокие голоса все еще там. Он просто должен их преодолеть, и он это сделает.

Вдруг он поднимает голову и смотрит на меня, словно удивляясь чему-то. — Как ты не злишься, Изабель? Твой муж получил минет от другого — и не говори, что это нормально, потому что мы с тобой занимались сексом, потому что он был рядом, и ты знаешь, что это совсем другое.

Я смотрю на него, подыскивая слова, чтобы описать свои чувства. Я немного ревную, но не потому, что он мне изменил, а потому, что я в этом не участвовала.

Наконец, я выдавила из себя ответ, который, я надеюсь, имеет смысл. — Для меня это не измена, Дрейк. Не тогда, когда это ты.

— В этом нет никакого смысла, — пробормотал он, его пьянство проглядывает сквозь пальцы.

— Все это не имеет никакого смысла... но также и то, что ты с нами сейчас, имеет для меня больше смысла, чем то, как мы были раньше.

— Что? — Его лицо искажается, как будто попытка обдумать это понятие причиняет ему боль. Я немного смеюсь, притягивая его к себе для поцелуя.

— Неважно. Я к тому, что... если бы это был кто-то другой, кроме тебя, я бы сошел с ума от злости и ревности.

Он снова берет мои губы, смещая свой вес, так что он оказывается наполовину сверху, а наполовину рядом со мной.

— Я знаю, как ты можешь вернуть его за это, — шепчет он мне в губы. Его рука тянется к моим трусикам, но я быстро хватаю его за запястье.

— Просто поцелуй меня, — говорю я, положив его большую руку на мою поясницу. И он целует меня. Он целует меня так долго, что я думаю, что он начинает трезветь. Мы не торопимся друг с другом, как подростки, впервые занимающиеся сексом, мы лежим, исследуя это новое между нами.

Когда он массирует мне спину и прижимается губами к моим губам, я невольно задумываюсь, а всем ли девушкам, с которыми он общается, он уделяет столько внимания и страсти. Я хочу быть для Дрейка кем-то особенным. Я не хочу быть просто очередной девушкой, с которой он связался.

Его толстая эрекция, прижатая к моему бедру, вызывает вспышку жара в моем животе каждый раз, когда он насаживается на меня. И хотя я обещала, что мы будем только целоваться, я больше не могу этого выносить. Это похоже на пытку — делать это с ним, особенно после того, что Хантер сделал с ним сегодня ночью.

Поэтому я глажу его толстый бугор через шорты, и он издает тяжелый стон мне в шею. Он не просит меня об этом, но я знаю, что он хочет, чтобы я прикоснулась к нему, поэтому я проникаю под резинку и обхватываю рукой его гладкий, твердый как камень член. Он такой твердый, что кажется, будто это должно быть больно.

— Разве это не против правил? — шепчет он.

— К черту правила, — отвечаю я и начинаю гладить его.

Он снова громко стонет, и я почти надеюсь, что он разбудит Хантера. Пусть он увидит нас такими. Пусть увидит, как я закончу то, что он начал.

Бедра Дрейка подрагивают и подрагивают, и я знаю, что это не займет у него много времени.

— Залезай на меня, — шепчу я, перекатывая его так, чтобы он оказался между моих ног. Я быстро поднимаю рубашку, обнажая свои груди, и продолжаю работать с его членом, двигаясь все быстрее и быстрее, читая его выражение лица, пока не вижу, что он вот-вот кончит. И я направляю головку на свою грудь, позволяя ему накрыть меня ею.

— О, Изабель, — хрипит он, наблюдая, как сперма окрашивает мою грудь. Затем он на мгновение замирает, глядя на беспорядок, который он устроил. Протянув руку, он массирует одну сторону, как бы втирая ее в мою кожу.

— Мне это нравится, — шепчет он. — Видеть, как ты покрываешься моей спермой.

Когда он наклоняется ко мне и осыпает мой рот долгими поцелуями, у меня в животе порхают бабочки. — Ты действительно самая лучшая. Ты знаешь это?

Я ничего не отвечаю, только натянуто улыбаюсь и целую его в ответ.

Он тянется к приставному столику, чтобы взять горсть салфеток, и не спеша вытирает меня. Когда он закончил, то рухнул рядом со мной, откинул одеяло и укрыл нас обоих. Я прижимаюсь к его груди, и мы лежим так некоторое время. И только когда я думаю, что он уснул, он начинает говорить.

— Хантер не помнит то зеленое платье, а я помню. И ты смотрела на меня.

— Я смотрела на тебя?

— Да, ты первая посмотрела на меня, — отвечает он осторожно, как будто это трудно признать.

Я помню это, но никогда не говорила об этом Хантеру. Когда он спрашивает, я говорю ему, что не помню, как он стоял и смотрел на меня, но я помню часть того дня. Я помню Дрейка. Но Дрейк никогда не преследовал меня. Он даже почти не смотрел на меня, когда Хантер заговорил со мной.

При воспоминании об этом у меня на глаза навернулись слезы. Но следующие слова из уст Дрейка режут меня как нож.

— Я думал, что ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, но я бы никогда не пошел за тобой. Не из-за Хантера, а потому что мне не нравились такие девушки, как ты.

— Такие девушки, как я? — спросила я, сохраняя ровный голос.

— Слишком хороши для меня. Слишком умные, красивые и милые.

— Дрейк, — говорю я, глядя на него со слезами на ресницах.

— Я рад, что он поступил так. Я горжусь им за то, что он поступил с тобой правильно.

Я верю его словам, но вижу боль в его глазах, когда он шепчет их. И я не знаю, что ответить. Я хочу сказать ему, что люблю его — что я всегда любила его, так же сильно, как Хантера, и точно так же, но я не уверена, что это признание поможет сейчас.

— Я знаю, ты думаешь, что я просто шлюха, которая никогда не хочет остепениться, но я всегда хотел иметь такую жену, как ты, Изабель. А недавно я понял, что мне нужна только ты.

Еще одна слеза скатывается по моему лицу и падает на его руку. Я теряю дар речи, глядя ему в глаза. Понятно, что слов не осталось, поэтому он целует меня в лоб и закрывает глаза, быстро погружаясь в сон, а я лежу и впитываю в себя его пьяные признания, запечатлевая их в памяти, где они останутся навсегда.

Правило № 24: Просыпайся

Хантер

Мои сны искажены и беспокойны. Сначала я ищу его в темноте, но мои руки находят не тех людей. Под моими пальцами чужая плоть, а я хочу найти лишь того, кого мое тело знает наизусть. Каждый раз, когда мне кажется, что я нашел его, он ускользает.

А когда в кромешной тьме комнаты мне удастся взять его в руки, я чувствую, как веревка прижимается к его коже, но она слишком туго обмотана вокруг него. Она мешает ему двигаться и дышать, и я начинаю паниковать, пытаюсь найти конец веревки, чтобы развязать его. Он шепчет мое имя, зовет меня.

Хантер, ты ли это?

Хантер, вытащи меня из этой штуки.

Хантер, помоги мне.

Но я не могу ему помочь. Как бы я ни старался, я бесполезен. Единственное, что меня сдерживает, — это моя собственная глупая гордость и страх. Почему я не был более внимателен на этих семинарах? Почему я постоянно ускользал по своим делам? Я должен был быть там.

Теперь Изабель развязывает его, и уже не так темно. Она распутывает его узлы, как будто это самая простая вещь. *Почему я не мог этого сделать?* Она смотрит на меня с мягким нетерпением на лице — не со злостью, потому что понимает, что это не моя вина. Но как долго она будет облегчать мне задачу? Как долго она будет позволять мне лажать, прежде чем ей надоест?

Когда она развязывает Дрейка, он идет к ней. Они прижимаются друг к другу, пока я смотрю, но это уже не то, что было раньше, когда наблюдение за ними возбуждало меня. Теперь я просто чувствую себя одинокой.

Кто-то отталкивает меня от них. Это мудака из клуба в Остине, и он бьет кулаком по моему лицу. Он продолжает бить меня до тех пор, пока не перестает быть тем человеком — теперь он мой отец.

И я знаю, почему он меня бьет. Он знает. Он узнал, что мы с Дрейком делали в темной комнате того клуба, и ухмылка на его лице полна отвращения и ненависти. А я тону в его разочаровании. Я все равно никогда ему не нравилась, и, возможно, именно поэтому. Может быть, он всегда это знал.

Его удары сопровождаются словами, похожими на оружие — пидор, педик, киска. Я просто позволяю ему бить меня. Я не сопротивляюсь и не пытаюсь его остановить. Как и слова, я позволяю ему поносить меня тем, что должно причинить мне боль, — его кулаками и оскорблениями.

Но когда он вбивает меня в землю, пока я не остаюсь лишь куском разорванной плоти на полу, я понимаю, что ничего не чувствую. Удары не причиняют боли. И имена тоже.

Они проходят сквозь меня, как будто меня бьет призрак. Потому что он и есть призрак. Даже за пределами могилы этот печальный старик, который много лет назад спился до смерти, пытается причинить мне боль. Но он не может, больше не может.

И вот так он исчез. Я лежу на полу в богато украшенной комнате в Новом Орлеане, где все изменилось, и в моем видении появляются их лица. Они призывают меня встать. Они обнажены, и я тоже, но я слишком парализован тем, что сделал со мной отец, и не могу пошевелиться. Даже если на моем лице нет ни капли крови, я лежу так, словно истекаю кровью.

Вставай, детка. Иди к нам в постель.

Ее голос звучит так реально, что я удивленно распахиваю глаза. Подняв голову с подушки, я оглядываюсь в поисках ее, но комната пуста. И моя кровать тоже. Схватив с тумбочки телефон, я проверяю время: 8:22 утра.

Встав с кровати, чтобы найти ее, я обнаруживаю, что гостиная и кухня пусты. И когда я понимаю, где она, я замираю. Что я найду, если пойду в его комнату, и как я к этому отнесусь?

У меня нет ни малейшего права злиться, если я найду их голыми, это уж точно. Я играл с их эмоциями, заставлял их быть вместе ради собственного удовольствия, открыла ящик Пандоры. Так что мне лучше быть готовым к тому, что из него выйдет.

Когда я дохожу до его двери, я нерешительно заглядываю внутрь. Дыхание вырывается с резким выдохом. Они спят в нижнем белье, их тела спутаны. Ее голова лежит на его руке, а ее нога задрапирована на его ногу, так же, как она иногда спит со мной. Для парня, который почти никогда не разрешает женщинам ночевать у себя, он выглядит вполне довольным этой.

Увидеть Дрейка — это как снова получить удар по лицу. Вчера вечером я вел себя с ним как мудака. Я полностью осознаю это. И я также знаю, что быть мудаком вообще — отстой, но быть мудаком по отношению к своему лучшему другу, который доверяет тебе, что ты не будешь мудаком, — это низкий уровень. Я должен принести ему самые большие извинения, а потом мне нужно будет разобраться, что, собственно, со мной не так.

Тот минет в клубе был лучшим минетом в моей жизни — прости, Изабель. Хотя я уверен, что она меня поймет. Когда его рот был на мне, а в голове не было ни единой мысли, кроме как о том, что это наконец-то произойдет, это было эйфорично. Темная комната была именно такой, какой я ее себе представлял. Освобождающей, ободряющей, сексуальной. Впервые в жизни я мог держать его в своих руках, и мне не нужно было думать о том, что это значит и что будет дальше.

Дрейк был идеален. Мы были идеальны.

Но где-то на склоне моего оргазма раздался голос отца, напомнивший мне, что со мной что-то не так. После этого я не знала, как смотреть в глаза Дрейку. Я испугался, что он захочет, чтобы я ответил ему взаимностью, и запаниковал. Я подумал, что он решит, что я просто играю роль — анонимный секс без обязательств, но даже я понимал, что это было неправдоподобно. Я оставил его стоять на коленях на полу, как гребаный трус, которым я и являюсь.

И я не виню его за то, что он бросил меня после этого. Я бы тоже бросил. Он предпочел напиться в баре. Я напился текилы, оставшейся с предыдущей ночи. Я избегал свою жену, врал о Дрейке и напился до чертиков.

Я не знаю, что влечет меня в его постель, но я понимаю, что у меня есть выбор. Я могу играть в бедняжку и вернуться в постель в одиночестве, дуясь и ворча. Или я могу сделать шаг в правильном направлении, поджав хвост.

Или я могу сделать шаг в правильном направлении с хвостом между ног.

Заползая в постель за Изабель, прижимая ее к себе, я ненадолго задумываюсь о том, как, черт возьми, мы вернемся к нормальной жизни после этой недели. Предполагалось, что это временно, но то, как эти двое сейчас обнимаются, доказывает, что даже они знают, что ничего временного в этом нет. Мы открыли дверь, и она не закрывается так легко, как мы думали.

И, честно говоря, я не уверен, что хочу этого.

Я присоединяюсь к ним под одеялом и смотрю на Дрейка. Его волосы разметались по лицу, и я осторожно протягиваю руку и расчесываю их в сторону, мягко завивая их вокруг его уха. Мое прикосновение пробуждает его, и он моргает, открывая глаза. Когда он видит меня, выражение его лица напрягается, а затем он снова закрывает их, как будто возвращение ко сну — это его способ дать мне отпор.

— Дрейк, — шепчу я. Он не открывает глаза, но я знаю, что он меня слышит. — Прости меня. Я был мудаком, и у меня нет оправдания тому, как я с тобой обращался.

Он выжидает несколько долгих секунд, прежде чем ответить. — Тогда почему ты так поступил?

— Потому что у меня в голове полный пиздец. Я просто запаниковал. Прости меня.

Наконец, он открывает глаза и смотрит на меня. — Тебе никогда не нравилось, что я был с парнями.

Он загоняет меня в угол разговора, к которому я не готов, но готов я или нет, мне нужно во всем признаться.

— Это никогда не было связано с тем, что я осуждал тебя, — говорю я, не готов пока дать ему больше, чем это.

— И что теперь? — спрашивает он, в его голосе все еще слышится нетерпение.

— Завтра мы возвращаемся домой. Я не знаю, что будет, когда мы вернемся в Брайар-Пойнт. Это зависит от тебя и Из.

— Чего ты хочешь?

Вся эта поездка была посвящена тому, чего я хочу. Но раз он спрашивает, значит, я ему скажу. — Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Я заставляю себя сглотнуть. Мне чертовски неудобно говорить об этом вслух, но я все испорчу, если не попытаюсь выразить свои мысли. — И я хочу получить второй шанс.

Его глаза снова находят мои, а стиснутая челюсть расслабляется. Но как только жесткий взгляд исчезает, он возвращается.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — шепчет он.

Все во мне рушится, и я снова чувствую себя куском изломанной плоти на полу, как во сне. Дрейк смотрит на меня, прижимая Изабель к себе. — Но я согласен. Я тоже не хочу, чтобы все закончилось.

Я знаю, что он говорит об Изабель, и, возможно, мне следует почувствовать себя территориальной собственностью, вернуть ее в свои объятия и напомнить ему, кому она принадлежит, но я сам навлек на себя это. К тому же я не теряю надежды, что если он все еще хочет ее, то есть шанс, что и я ему тоже нужен.

Правило № 25: Иногда приходится выбирать долгий путь домой

Изабель

Между Нэшвиллом и Брайар-Пойнтом две тысячи миль. И пока что все до единой — неловкие и спокойные. После первого дня езды мы остановились на ночь в гостинице, но Дрейк настоял на том, чтобы у него была своя комната.

На второй день нашего долгого путешествия я почувствовала колебания в нашем движении. Мы стали чаще останавливаться. Больше объездов, и мне кажется, что Хантер ехал медленнее, чем обычно. То, что должно было занять два двенадцатичасовых дня, быстро превратилось в три.

Никто не хочет возвращаться в реальность. Никто не хочет, чтобы эта фантазия закончилась, но мы также не решаемся говорить об этом или прикасаться друг к другу.

К утру третьего дня месячных нет, я начинаю чувствовать себя как дикая кошка в течке и не могу больше терпеть ни секунды этого невыносимого напряжения. Мы останавливаемся на заправке в северной Аризоне, и пока я жду у насоса, а ребята сидят внутри, я вижу впереди дорожный знак, который заставляет меня остановиться.

Лос-Анджелес, 318 миль.

Лас-Вегас, 107 миль.

Я никогда не была в Вегасе. Эта мысль закрадывается в мою голову, но я все время от нее отмахиваюсь. В какой-то момент мы должны вернуться домой. Мы не можем продолжать избегать реальности. Сколько бы мы ни ехали, сколько бы остановок ни делали, надвигающаяся реальность будет ждать нас, что бы мы ни делали.

— Ты за рулем? — спрашивает Дрейк, возвращаясь с заправки и протягивая мне мой энергетический напиток.

— Да, — отвечаю я, с нетерпением запрыгивая на водительское сиденье. Хантер возвращается через минуту и застаёт нас с Дрейком на переднем сиденье. Пожав плечами, он забирается на заднее сиденье.

— Спасибо, детка. Мы всего в четырех часах езды.

— Угу, — бормочу я.

Но эта идея все еще живет в моем сознании, а как только у меня появляется идея, ее невозможно выкинуть, пока я просто не сделаю это. И вот, когда мы снова выезжаем на шоссе, я оказываюсь перед развилкой дорог — в буквальном смысле слова.

На запад... или на север?

Воспоминания о ночи, проведенной в наручниках на скамейке, поворачивают руль машины. Это чувство, что мы только поцарапали поверхность чего-то. И я слишком боюсь, что, вернувшись домой, мы больше никогда не пройдем по этой дороге. Поэтому я выкладываю все свои фишки на стол.

— Эй, Рыжая... куда это ты собралась? — спрашивает Хантер с заднего сиденья, заметив, что я свернула не туда.

— Я еду в Вегас, — отвечаю я, пожимая плечами.

— Но мы живем не в Вегасе, — отвечает он.

— Я это знаю. — Я бросаю взгляд на Дрейка, который молчит и в задумчивости пожевывает нижнюю губу. — Но с квартирой Дрейка у нас все решено. Нам не нужно возвращаться на работу до пятницы. И я просто еще не готов вернуться домой.

В машине появилась едва уловимая тяжесть. Потому что все знают, к чему именно я не готов вернуться. Через несколько минут езды по направлению к Городу грехов Дрейк наконец садится в машину.

— Я поищу отель, — говорит он, доставая свой телефон.

Я тихонько пританцовываю от волнения на своем сиденье. И я надеюсь, что на этот раз он действительно найдет *один* номер.

Дрейк подыскал нам отель на улице на две ночи. Это двухместный номер с двумя кроватями, и он просто идеален. После заселения я прыгаю в душ, чтобы привести себя в порядок, и отправляю парней в бар, когда они оденутся. Я — женщина на задании.

Я взяла с собой в поездку длинное черное платье на случай, если нам предстоит официальное мероприятие. Оно благополучно висит в сумке для одежды в номере отеля. И после того как я завиваю волосы, наношу макияж, который почти не использовался всю неделю — за исключением самого необходимого: туши для ресниц и блеска для губ, — я набрасываю на себя гладкую черную ткань. Она обнимает мою грудь, а низкий вырез позволяет продемонстрировать едва заметное декольте.

Нарядившись и подготовившись, я направляюсь к лифту с едва заметным нервным импульсом под кожей. Я прижимаю муфту к телу, и когда лифт пиликает на этаже казино, двери открываются, чтобы показать Хантера и Дрейка, ожидающих в своих черных костюмах. Мои люди.

Они всегда были моими мужчинами, не так ли? Может, я и замужем за Хантером, но Дрейк чаще присутствует рядом, чем нет, и за последнюю неделю мы с ним переступили черту, которую давно хотели перейти. Так должно было быть всегда. То, что начиналось как извращенная фантазия, показало нам, что мы действительно значим друг для друга. Я люблю их обоих, и они оба любят меня.

Теперь им просто нужно понять, что они значат друг для друга. И я должна помочь им в этом.

Я замечаю, как Дрейк беззвучно произносит слова: — Святое дерьмо.

Хантер благодарно улыбается мне, а у меня в животе порхают бабочки.

Когда я подхожу к ним, мой муж обхватывает меня за талию и притягивает к себе, чтобы поцеловать в щеку. — У меня возникает желание отвезти тебя обратно в тот номер.

— Я не против, — отвечает Дрейк. Его глаза блуждают по моему телу, а затем с голодом переходят на мое лицо.

— Мальчики, мы в Городе Грехов. Давайте сначала посмотрим, какие неприятности мы сможем найти.

— Думаю, мы их нашли, — говорит Дрейк Хантеру, пока я веду их через зал казино.

Мы идем по оживленной полосе, а они идут позади меня, как часовые, и хмурятся на всех, кто осмеливается подойти ко мне слишком близко или долго смотреть на меня. Это почти комично, но в то же время ясно, что мне нужно влить в них немного алкоголя, срочно. Им нужно расслабиться.

Когда я вижу вывеску ночного клуба на крыше, я беру их за руки и веду к указателям, которые ведут нас к специальному лифту. Когда мы доходим до дверей, один из вышибал окидывает меня оценивающим взглядом, а Хантер делает шаг вперед, втискивая меня между собой и Дрейком. Когда мы входим в клуб, он сразу же ведет нас к бару.

Дрейк не отстает от меня, и я чувствую, как его рука касается моей талии, как будто он тоже хочет показать мне свою привязанность на публике. Забавно, что всего несколько дней назад мы стеснялись даже поцеловаться, а теперь едва можем оторваться друг от друга.

После двух рюмок они оба выглядят гораздо более расслабленными. В клубе не слишком много народу, но на танцполе масса тел, двигающихся в такт тяжелой музыке.

— Я хочу танцевать, — объявляю я, хватаю их обоих за руки и тащу в толпу. Я чувствую их колебания, и я не совсем планировала это, но я не могла просто взять одного и бросить другого. Любой из них был бы заживо растерзан этими женщинами, если бы я оставила их без присмотра, а сегодня я чувствую себя такой же собственницей, как и они.

Я тяну их вглубь толпы, алкоголь уже начал делать меня более бесстрашным. Когда я начинаю танцевать, я обхватываю Хантера за шею и прижимаюсь к нему всем телом в такт. Он смотрит мне в глаза, пока мы танцуем, и я чувствую легкое прикосновение тела Дрейка к моему. Оторвав одну руку от мужа, я тянусь к мужчине, стоящему позади меня, и притягиваю его ближе, пока не оказываюсь поглощенной их телами.

Мы танцуем так долго, что я теряю счет времени. Я чувствую только их прикосновения и музыку, пока не теряюсь в их ощущениях. Хантер притягивает меня к себе для жаркого поцелуя, его рука обхватывает мою поясницу, когда он прижимается ко мне. Я чувствую, как он напряжен, и притягиваюсь еще ближе. Предвкушение того, что должно произойти, переполняет меня.

Когда я отстраняюсь от его поцелуя, я чувствую присутствие Дрейка позади себя. Повернув голову, я нахожу его губы рядом. Он целует меня так же, горячо и жадно, прижимаясь своим возбуждением к моей спине.

Они так крепко сжимают меня между собой, что я едва могу дышать.

На танцполе я чувствую, что не одна пара глаз внимательно разглядывает нас. Я уверена, что они думают обо мне весьма прискорбные вещи, но мне все равно. Возможно, общение с девушками из клуба, такими как Мия и Иден, окончательно выбило меня из колеи. Возможно, более старую версию меня смущало бы то, что незнакомые люди называли меня шлюхой или потаскухой, но меня это не волнует. На самом деле, мне это нравится. Мне нравится, что люди знают, что оба эти мужчины — мои. Что мне не пришлось выбирать — и им тоже.

— Давай убираться отсюда.

Хантер рычит мне в ухо, а затем его глаза находят глаза Дрейка, и они смотрят друг на друга в течение долгого, тяжелого момента.

Внезапно меня уносят, и я не знаю, что делать.

Вдруг меня уводят, и я даже не сопротивляюсь. Я хочу того же, что и они. Прогулка до отеля проходит как в тумане, пока мы не оказываемся в лифте отеля, направляющемся в наш номер. И я больше не хочу ждать.

Как только дверь лифта закрывается, я оказываюсь в объятиях Дрейка. Притянув его лицо к себе, я прижимаю к его губам, и он рычит в ответ, его руки опускаются к моей заднице и сильно сжимают ее, когда он грубо притягивает мое тело к своему.

Хантер наваливается на меня сзади, захватывает в горсть мои волосы и отрывает меня

от поцелуя Дрейка, впиваясь в мои губы своим. Боль пронзает меня, когда он хватается за голову, но это только усиливает удовольствие. Как только лифт останавливается, он мрачно бормочет мне в губы: — Давай проясним одну вещь. Я не заинтересован в том, чтобы смотреть сегодня вечером.

Мои глаза расширяются, когда я смотрю на него. Значит ли это, что... он хочет, чтобы я была сама по себе? Эта мысль приводит меня в ужас. Не то чтобы я не любила своего мужа и не хотела быть с ним, но мое сердце так привязалось к мысли о том, что они оба будут рядом.

Затем, когда двери открываются, он смотрит на Дрейка и говорит: — Поехали.

И меня охватывает облегчение, когда он тащит меня из лифта к входной двери. Хантер достает ключ-карту, и Дрейк оказывается у меня за спиной, целуя мою шею и плечо. Мы втроем входим в нашу комнату, переплетая руки, тела и рты.

Я прижимаюсь ртом к рту Хантера, пока Дрейк срывает с себя рубашку и начинает расстегивать брюки. Я быстро расстегиваю все пуговицы Хантера, пока он начинает расстегивать свои штаны. Как только они остаются в одних боксерах, оба тянутся к подолу моего платья.

Во всей этой суматохе я чувствую, как хлопает шов.

— Молния! Молния! — кричу я, указывая на спину. Возможно, это было мое платье для траха, но я слишком люблю его, чтобы позволить нашей страсти разрушить его. Медленно Дрейк расстегивает молнию сзади, стоя на коленях и позволяя своим губам встретиться с каждым позвонком моего позвоночника.

И вот я уже стою в одних черных трусиках и кружевном лифчике. Дрейк все еще осыпает мою нижнюю половину нежными поцелуями, в то время как Хантер сосредоточен исключительно на моем рте. Я тянусь к боксерам Хантера, отчаянно желая заполучить его возбуждение в свои руки. Он издает глубокий и гравийный звук одобрения, когда я глажу его. Позади меня Дрейк пробирается вверх по моему телу, и я тянусь к нему другой рукой.

Когда моя рука обхватывает его член, я вспоминаю, насколько это ненормально; я все время возвращаюсь к тому, что это совершенно естественно и нормально, и к тому, что это неправильно во всех отношениях.

Дрейк кладет руку мне на шею и направляет мой рот к своему, впиваясь в него грубым поцелуем. Их пальцы блуждают по моему телу, пока я не перестаю понимать, чьи они. Пока я возвращаюсь к поцелую Дрейка, с меня снимают лифчик, а потом кто-то щиплет тугой бутончик моего соска, посылая взрыв возбуждения в самое сердце.

Они нужны мне.

Держа каждый из их членов в руках, я опускаюсь на колени между ними. По очереди спускаю с них боксеры и продолжаю поглаживать их внушительные члены. Глядя на их голодные лица, я первым подношу Хантера к своему рту. Не отрывая другой руки от Дрейка, я вылизываю мокрый круг вокруг головки члена мужа и заглатываю его до тех пор, пока он не достигает задней стенки моего горла и я не начинаю задыхаться. Оставляя его ствол влажным, я перехожу к Дрейку и делаю то же самое.

Их грязные стоны наполняют гостиничный номер, пока я двигаюсь между ними взад-вперед, дразня их и заставляя желать большего. Затем, снова подняв голову, я притягиваю их члены друг к другу, и слышу, как один из них задыхается, когда они скользят друг по другу, слизывая мою слюну.

Я знаю, что Дрейк все еще злится на Хантера, и не хочу заставлять его делать то, чего

он не хочет, но я также знаю, что сейчас это хрупкий баланс, и одного маленького движения может быть достаточно, чтобы эти двое переступили через край и преодолели свои сдерживающие чувства.

По-видимому, одного прикосновения к их членам оказалось достаточно, потому что, когда я оглянулась, рука Дрейка лежала на бедре Хантера. Этого достаточно, чтобы бабочки в моем животе запорхали.

Я снова притягиваю их обоих к своему рту, прижимая головки их членов к своему языку и стараясь впихнуть в них как можно больше. Их стоны становятся громче, и я чувствую чьи-то руки на моих волосах.

— Черт возьми, Рыжая. Ты так охуенно выглядишь, принимая наши члены, — говорит Хантер низким, хриплым рыком.

— Ей нравятся два члена. Не так ли, детка? — спрашивает Дрейк.

— Ей нужны два члена, — отвечает мой муж.

Я киваю, снова посасывая каждого из них. Я не могу насытиться их удовольствием. Но когда я замечаю, что рука Дрейка отстраняется от Хантера, я делаю все возможное, чтобы снова свести их вместе. Освободив губы от их членов, я снова смазываю их, чтобы они были идеально скользкими, и направляю их члены вверх, снова сдвигая их вместе. Я обхватываю их обоих руками, так что они оказываются так близко, практически грудь к груди, почти не оставляя места для меня.

Медленно их взгляды переходят с меня друг на друга, и я задерживаю дыхание в предвкушении.

Я продолжаю поглаживания, замечая неровные движения их грудей. Тянутся мгновения, я жду.

Наконец, Хантер делает первый шаг. Может быть, это его способ показать, что он сожалеет, но я знала, что Дрейк никогда не сделает этого. Ему нужен был Хантер, чтобы сделать это за него.

Хантер хватается за шею и сжимает их рты. Дрейк зажмуривает глаза, держась за затылок Хантера. Я выпускаю неконтролируемое хныканье, наблюдая за их поцелуем. Это так горячо, как будто они не могут насытиться друг другом. Мое тело горит от желания, просто наблюдая за этим поцелуем.

Когда они наконец расходятся, их груди вздымаются, и я поднимаюсь на ноги, желая поцеловать губы, которые только что слились воедино. Я тянусь к губам Хантера и провожу языком по его губам, желая сказать ему, как сильно я его люблю и как это было невероятно сексуально. Мой муж только что поцеловал кого-то другого, а я наблюдала за этим... и это было потрясающе. Все это похоже на сон.

Отстранившись от рта Хантера, я перехожу к рту Дрейка, зажав его нижнюю губу между зубами. Обхватив руками мои бедра, он легко притягивает меня к себе, и я обхватываю его ногами.

— Думаю, она готова к нам, — говорит Хантер, когда Дрейк несет меня на кровать.

— Я готова, — жалобно кричу я. Дрейк опускает меня на матрас и проводит руками по моему телу, быстрым движением стягивая с меня нижнее белье. Затем он кладет руки на мои бедра, широко раздвигая их, наклоняется и осыпает мой клитор теплыми поцелуями, сначала одними губами, а затем и языком.

Я вскрикиваю, зарываясь пальцами в его длинные волосы и прижимая его к себе. Он целует меня еще три раза, затем поднимается и оставляет меня одну корчиться на кровати.

Когда я поднимаю взгляд, то вижу, что он роется в своей сумке, и предполагаю, что он вернется с презервативом, что он и делает. Но у него есть и кое-что еще.

Когда он возвращается, на его красивом лице появляется коварное выражение.

— Хочешь знать, что самое приятное в том, чтобы быть лучшим другом своего мужа? Я знаю все, что он когда-либо делал с тобой. Все.

Дрейк переползает обратно по моему телу, зацепляет руку под моим коленом и тянет его вверх, обнажая все мои части тела. Затем он проводит пальцем линию по задней поверхности моего бедра, прямо к моей заднице. Я напрягаюсь, когда он начинает растирать круги по тугой дырочке. Он наклоняет свое лицо вплотную, прижимаясь губами к моему уху. — Я знаю, что он трахал тебя здесь. Я знаю все о том, как ты умоляла его, как ты намочила постель, потому что так сильно кончила, как ты использовала игрушку на себе, пока он трахал твою задницу.

Я задыхаюсь, поворачиваясь к Хантеру, который лениво наблюдает за нами, поглаживая себя и ожидая. Я не очень удивлена, что он рассказал Дрейку обо всем, что у нас было. Я просто немного удивлена тем, как подробно он все рассказал. Мне почти льстит, что они так много об этом говорят.

— И поэтому именно я буду трахать тебя здесь сегодня вечером.

Вдруг палец Дрейка проникает в мою тугую дырочку, и я задыхаюсь еще громче, наклоняясь к нему бедрами, давая ему еще больший доступ к этой грязной, запретной части меня. Он приподнимается, откупоривает бутылочку со смазкой и капает ее на палец, зажатый внутри меня. Затем он начинает готовить меня, легко проникая внутрь и выходя наружу, и я едва могу выдержать это. Это изысканная пытка.

Хватаясь за простыни на кровати, я сжимаю их в кулаки, а он проникает все глубже и глубже, доводя меня до агонии. Он добавляет еще один палец, и я стону и извиваюсь, как кошка в течке.

— О Боже, Дрейк, пожалуйста. Трахни меня.

— Что ты думаешь, Хант? — спрашивает он, глядя на меня сверху вниз, как хищник, готовый сожрать свою жертву. — Как ты думаешь, она готова ко мне?

— Я уже говорил тебе, что ей нравится грубость. Она всегда готова, — отвечает он хриплым тоном. Он прислонился к комоду и наблюдает за нами, неторопливо поглаживая свой член.

Я хнычу, когда Дрейк вынимает из меня свои пальцы. Пока он надевает на себя презерватив, Хантер подходит ближе и забирается на кровать рядом со мной. Быстрым движением он переворачивает меня на спину и выжимает воздух из моих легких. Его язык переплетается с моим, и я чувствую, как Дрейк оседает на меня всем своим весом.

— Я хочу обнять тебя, пока он будет трахать тебя снова, — пробормотал Хантер мне в рот. Мгновение спустя я чувствую, как головка члена Дрейка упирается в мой задний проход. Он слизистый — должно быть, смазывал, пока Хантер целовал меня до оцепенения.

Я прижимаюсь лбом к плечу мужа, пока Дрейк вводит свой член в тугое кольцо мышц. Это такое необычное ощущение, ни с чем не сравнимое. Мне нравится, что это совсем другое ощущение, что это неправильно и запрещено. Это заставляет эту обычно скромную и вежливую девушку чувствовать себя чувственной, сексуальной лисицей, и мне это нравится.

— Еще, — гортанно произношу я, пытаюсь перевести дыхание.

Дрейк рычит в ответ.

— Малыш, я вошел до конца.

Он выходит, затем снова входит, заполняя меня так сильно, что стенки моей киски пульсируют.

— Черт возьми, — хрипло произносит Дрейк. — Хантер, ты был прав. Ее задница так хорошо принимает член.

— Это моя девочка, — шепчет Хантер мне на ухо.

Его руки проносятся по всему моему телу: по спине, груди, бедрам и, наконец, по клитору, наматывая яростные круги и сводя меня с ума. Мои ноги начинают дрожать, когда Дрейк набирает скорость, и я чувствую себя настолько переполненной ощущениями, что вот-вот взорвусь.

И я взрываюсь. Моя кульминация накатывает на меня, как грузовик. Ослепленная ощущениями, я вскрикиваю, уткнувшись в шею Хантера.

— Ты такая мокрая для меня, Рыжая. Я так хочу оказаться внутри тебя. Ты готова?

Я все еще перевожу дыхание, пот покрывает мое тело и заставляет волосы прилипнуть к лицу, когда я приподнимаюсь и целую Хантера, нуждаясь в знакомом вкусе его губ, в ощущении его рта напротив моего.

— Да, — шепчу я, и Дрейк на мгновение прекращает свои толчки.

Немного сдвинувшись, я чувствую Хантера рядом, и он оказался прав. Я скользкая, потому что он легко входит в меня. Когда они оба погружены в меня до самого основания, никто не двигается, пока я приспособливаюсь и смакую это ощущение всепоглощающей полноты. Это интенсивно и невероятно, не только сексуально, но и эмоционально. Они оба требуют меня, используют меня, любят меня, и слезы наворачиваются на глаза, когда Дрейк наваливается на меня, целуя мою спину и ласково вытирая волосы с моего лица.

— Я чувствую его внутри тебя, — шепчет Хантер, глядя мне в глаза. Он берет мою руку в свою, переплетая наши пальцы. Другая рука ложится мне на спину, и я чувствую, как его пальцы сжимают пальцы Дрейка.

И мы остаемся так на мгновение, втроем, как одно целое.

— Покачай бедрами, Рыжая.

Я смотрю в глаза мужу и начинаю раскачивать бедра, сначала медленно, а потом все быстрее, и ощущения невероятные.

— О, черт, — со стоном произносит Дрейк.

— Боже, как же тебе хорошо, — отвечает Хантер, и я не знаю, обращается ли он ко мне или к своему другу, потому что в данный момент я не уверена, где кончается один из нас и начинается другой. Мы слились воедино, превратившись в комок тепла, удовольствия и плотских криков вождления.

Теперь я бьюсь бедрами, откидываюсь назад, насаживаясь на их члены. На этот раз мой оргазм наступает медленно, как приближающаяся гроза, и длится дольше, чем когда-либо, пока не становится частью меня. Я уже не трахаю их, а танцую с этим оргазмом, мое тело доживает до кульминации.

— Да, да, да, — кричит один из них, и я понимаю, что чувствую, как пульсирует и содрогается во мне один член. А может быть, и оба.

Я опускаюсь на грудь Хантера, ожидая, когда прекратится покалывание в моем теле. Кто-то снова расчесывает мои волосы, и, когда он целует меня в щеку, я понимаю, что Дрейк, должно быть, вышел из меня.

Приподнявшись, я смотрю на Хантера, который с улыбкой нежно гладит меня по щеке. Затем я поворачиваюсь и вижу Дрейка, лежащего рядом с ним. — Ты просто потрясающая,

Изабель.

Я улыбаюсь в ответ и падаю в узкое пространство между их телами. Я обнимаю его в этой привычной позе, а Дрейк сворачивается калачиком, чтобы прижаться ко мне. С измученной и довольной ухмылкой я отвечаю: — Нет. Мы чертовски удивительны.

Правило № 26: Если твое сердце не может забыть их, пусть твой член сделает это за тебя

Дрейк

Когда я просыпаюсь, я уже не нахожусь снаружи этого маленького сэндвича. Вместо этого я — маленький кусочек мяса, зажатый между двумя красивыми кусками очень голого и сексуального хлеба. Изабель, должно быть, встала где-то посреди ночи и залезла обратно, подталкивая меня к своему мужу.

Сделала ли она это из соображений удобства или потому, что думала, что, прижав нас друг к другу, заставит Хантера избавиться от всех его бисексуальных заморочек или меня — от моих упрямых заморочек против отношений, но она откусила немного больше, чем могла прожевать.

Я имею в виду... Я не злюсь на теплое мускулистое тело, прижавшееся к моей спине. И я определенно не злюсь на то, что она полностью принадлежит мне, что она свернулась в моих объятиях, как мой личный плюшевый мишка, но меня немного раздражает то, как сильно я не ненавижу это.

Я никогда не сплю с теми, кого трахаю. Но эти двое — другие, и я начинаю забывать, почему. Они другие, потому что они мои друзья... да, именно так. Они отличаются тем, что это два самых важных человека в моей жизни. Моя семья. Единственные два человека, которых я люблю... подождите, черт.

Хантер встает, и очевидно, что он не понимает, что я между ними, когда он вытягивает свое обнаженное тело и закидывает руку мне на талию. Почувствовав мой рост, а не маленький рост Изабель, он напрягается. О Боже, как неловко. Его... член упирается в мою задницу. Его утренняя древесина еще не пробилась, потому что он еще мягкий, и я не знаю, хорошо это или нет.

Может быть, мы с Хантером и играем с этой странной новой динамикой наших отношений, но мы определенно еще не на стадии... потришь своим твердым членом о мою задницу.

Он поднимает голову и смотрит на меня полуоткрытым глазом. Я оглядываюсь через плечо, и, поскольку это двуспальная кровать, а не королевская, мне не так уж много места, чтобы дать ему.

— Доброе утро, — бормочу я.

— Доброе утро, — ворчит он. Затем, как и ожидалось, он быстро скатывается с кровати. Мне становится интересно, действительно ли он был готов проснуться, или заставить себя встать с кровати стоило того, чтобы не быть прижатым ко мне голым.

Мне удалось мельком увидеть его, когда он бежал в ванную, и я не могу точно сказать, была ли это утренняя древесина или последствия нашего расположения во сне, из-за которых у него внезапно появился стояк, которого не было еще минуту назад.

— Который час? — пробормотала Изабель, едва шевелясь у меня на груди.

— Здесь время не имеет значения. Мы в Вегасе, детка.

— Завтрак... — стонет она.

Я улыбаюсь ей, вспоминая, сколько сил она потратила прошлой ночью. Я никогда не видел ее такой — дикой и жадной. Я действительно имел в виду то, что сказал... Изабель — самая лучшая. Я ненавижу себя за то, как я отношусь к ней, жене моего лучшего друга, но с ней все легко и весело. Когда я с ней, у меня нет ни единой жалобы, а секс всегда не от мира сего. Может, я и не любитель заводить отношения, но, клянусь, если бы у меня был шанс завести отношения с этой женщиной, я был бы идиотом, если бы упустил его.

Через тридцать минут нам троим удастся дотащить свои усталые задницы до буфета. Мы едим, смеемся, разговариваем, и все кажется таким нормальным... что даже странно. Как будто мы снова просто мы, но не те, что были раньше, потому что теперь... мы трахаемся.

После завтрака Изабель тащит нас по городу, заглядывая в каждый отель, в каждую достопримечательность, в каждый дурацкий туристический магазин, и я не могу, блядь, удержаться, но я счастлив.

Она носит на шее длинный пластиковый стаканчик, наполненный зеленой "Маргаритой", когда мы прогуливаемся по Венецианскому музею. Я ловлю себя на том, что тянусь к ней, держу ее за руку, а она позволяет мне прижаться к ней под мышкой. Я бросаю взгляд в сторону Хантера, но когда он замечает, что мы обнимаемся и она заставляет меня сделать глоток ее огромного напитка, он улыбается. Эта часть определенно не входила в его планы. Он просто хотел посмотреть, как мы трахаемся... так когда же это переросло в такое? Когда мы стали частью отношений? И что я чувствую по этому поводу?

То есть, я не испытываю ненависти. Изабель так хорошо устроилась под моей рукой, ее голова даже не достает до моего плеча. С другими людьми я никогда не испытывал чувства альфа, но когда Изабель прижимается ко мне, во мне просыпается что-то первобытное, и это приятно. Я представляю, как защищаю ее, как укладываю какого-нибудь придурка, посмевшегося прикоснуться к ней, как в том случае в Остине. Я хочу быть парнем, ответственным за ее безопасность.

— Мы должны поехать в настоящую Венецию. Наверняка там еще красивее, — говорит она, пока мы стоим в очереди на прогулку в гондоле.

— Наверняка там много народу и туристов, — отвечает Хантер. — Но если ты хочешь пойти, Рыжая. Мы можем поехать.

Затем она смотрит на меня. — Ты с нами?

Я не могу удержаться. Я наклоняюсь и прижимаюсь губами к ее виску. — Я в деле.

Если честно, я всегда был не против отдохнуть с ними. Было довольно трудно уговорить их поехать в медовый месяц без меня, и это было до того, как Хантер заработал большие деньги, так что это была всего лишь небольшая поездка на пляж, но в каждую другую поездку они тащили меня с собой.

Когда мы подошли к началу очереди, я начал отстраняться. — Вы двое идите.

Изабель смотрит на меня в шоке.

— Хорошая попытка, здоровяк. Трое — это компания.

О да, она уже пьяна. Она немного коверкает слова, и это очаровательно.

— Вообще-то, поговорка гласит: — Двое — компания, трое — толпа.

Она насмехается. — Это глупая поговорка.

И она не отпускает мою руку. Она каким-то образом затаскивает нас обоих в гондолу, и ни гондольщик, ни толпа вокруг нас не замечают, что она держит нас обоих за руки, трет нам обоим ноги, а к концу поездки она прижимается губами к губам каждого из нас.

Я вижу, что Хантер немного напрягся, но мне все равно. Мне это нравится. Я впервые почувствовал, что я не третий лишний, что я действительно часть их отношений. Это не плохо.

Весь день на самом деле чертовски хорош, но в воздухе витает неуверенность, потому что завтра мы действительно уезжаем домой. Завтра фантазиям придет конец. Отпуск закончится, и эта наша версия отпуска втроем закончится вместе с поездкой.

Может быть, поэтому сегодня все по-другому.

После ужина маргарита Изабель выветрилась, и мы вместе пошли к нашему номеру. Я даже не знаю, сколько сейчас времени — три часа ночи, наверное.

В лифте настроение гораздо более мрачное, чем вчера вечером. На этот раз мы не целуемся. Она берет нас за руки и притягивает к себе, а потом медленно тащит в комнату.

Вместо дикого траха, которым мы занимались прошлой ночью, сегодня мы занимаемся тем, что, скорее всего, можно назвать не трахом, а любовью. Прижавшись друг к другу на одной кровати, Изабель кончает сначала мне в рот, а потом Хантеру в руки. Затем она садится на мой член, пока он смотрит, а потом падает в его объятия и позволяет ему чувственно взять ее сзади, пока я покрываю ее лицо поцелуями. Наше удовольствие сливается в одно, и мы переживаем каждый оргазм вместе, как будто он принадлежит нам всем. Это медленно и чувственно, с ощущением законченности и предчувствия.

Потому что это конец. Это последний раз, когда у нас все будет вот так. И мы все это знаем.

— Вот и все, — говорю я, опуская последнюю коробку в контейнер для хранения и задвигая дверь отсека. Удручает то, как быстро нам удалось собрать мои вещи в квартире. Потребовалось меньше дня, чтобы погрузить диван, кровать и несколько случайных коробок в грузовик и перевезти их сюда. Теперь у меня не осталось ничего, кроме чемодана и комнаты для гостей в доме моего лучшего друга.

Мы вернулись домой вчера утром, и с тех пор все понеслось как в вихре. Единственное спасение ситуации с выселением в том, что она отвлекла нас от того, насколько все это странно. Вчера мы были так заняты восстановлением после долгой поездки, что я даже не стал беспокоиться о том, как мы будем спать, и о неловкости. Я завалился спать в гостевой комнате. Они тихо спали в своей кровати, и все.

Все вернулось на круги своя.

Я должен быть счастлив. Это то, чего я хотел. Но когда я проснулся утром один... я не чувствовала себя счастливой.

— Я еду в клуб, — говорит Хантер, когда мы снова садимся в его машину. — У нас встреча в семь, но я могу подбросить тебя до дома, если ты не хочешь ехать.

— Ты уже придумал, что предложишь? — спрашиваю я. Хантер всю неделю был занят тем, что крутил колесики, и я знаю, что он пытается придумать, как поразить своих партнеров новыми идеями, которые он почерпнул из этой поездки.

— Демонстрация шибари, конечно. Я подумываю о том, чтобы пригласить девушку Силла из Нового Орлеана. Она мне понравилась.

— Мне она тоже понравилась, — отвечаю я, вспоминая глубокий разговор, который мы вели в клубе той ночью, и то, как мне было приятно довериться ей, ведь она всегда оставалась посторонним человеком. Теперь я судорожно пытаюсь вспомнить, как много я рассказал этой женщине, прежде чем она появится на пороге моего дома, вооруженная

моими секретами.

— Мне определенно понравилась Pitch, — добавляет он, и я сглатываю волнение, которое пытается закрасться в душу при этих словах. Я ничего не отвечаю на это, потому что, какого черта я вообще должна говорить? Ему понравилось. Мне понравилось. Это не секреты. Эта темная комната была просто охренительной — как и все, что мы в ней делали. Вплоть до того момента, когда он бросил меня там.

— Я уверен, что им понравятся любые твои идеи, — говорю я наконец.

— Спасибо, — бормочет он. — Значит ли это, что ты придешь?

Решение о том, приходить или не приходить на заседания совета директоров, обычно не вызывает у меня особых вопросов. Все сводится к тому, насколько сильно я хочу потрепать нервы Эмерсону Гранту в тот день — ведь ясно, что он не самый большой мой поклонник. Мы с ним просто слишком разные. Он — помешанный на контроле, не любящий делиться, а я... ну, совсем наоборот. Теперь, если я посмею хоть дыхнуть в сторону его девушки, я рискую потерять контракт с компанией. А возможно, и голову.

Но теперь... решение о том, чтобы присоединиться к заседаниям совета директоров, стало более сложным. Понятно, что никто из других владельцев не знает о том, что произошло между Хантером, Изабель и мной, но что, если они могут догадаться? Вдруг они почувствуют, что я уже не тот дамский угодник, каким был две недели назад? Не думаю, что сейчас я готов к близкому общению со знакомыми людьми.

— Может быть, — отвечаю я. — Мне действительно нужно потратить время на поиски нового места.

— Не надо торопиться, Дрейк. Я серьезно. Тебе не нужно спешить покидать наш дом. Тебе всегда здесь рады.

В том, как он это произносит, есть что-то тяжелое. Как будто он пытается передать, как сильно он не хочет, чтобы я уходил.

Я просто хочу, чтобы время прошло быстрее, чтобы мы все смогли преодолеть эту неловкость. Может быть, мне нужно просто трахнуть кого-нибудь другого. Это помогло бы выкинуть их из головы. Просто я уже так долго с ними, что они буквально затрахали меня до потери сознания. Я могу найти девушку в клубе, которая поможет мне выбросить Изабель из головы.

Но эта мысль быстро отпадает. Мне не нужна другая женщина. Мне нужна эта миниатюрная, веснушчатая, огненно-рыжая девушка с грязными боками и милой улыбкой. Черт.

Я знал, что это плохая идея. Но я никогда бы не подумал, что так быстро привяжусь к ней. Конечно, я никогда не хочу связывать себя обязательствами с женщиной, но первую, которую я захочу, я иметь не смогу.

Может быть, тогда я найду себе парня в клубе... Не-а. Почему-то эта мысль кажется мне еще хуже.

— Дрейк? — спрашивает Хантер, вырывая меня из глубоких раздумий. — Клуб или дом?

Мы сидим на перекрестке, и я должен быстро решить, что мне делать. Я знаю, чего хочу, и знаю, что могу иметь, и, к сожалению, это не одно и то же.

— Клуб, — бормочу я без всякого энтузиазма.

Мы приехали в Salacious за час до начала встречи, поэтому первым делом отправляемся в бар. Хорошо, что мы вернулись. После стольких клубов я чувствую такое облегчение, когда снова оказываюсь в нашем. Боже, как хорошо быть дома.

— Привет, ребята. С возвращением, — приветствует нас бармен Гео, широко улыбаясь.

— Спасибо, — отвечаем мы с Хантером в унисон. Он заказывает кислый виски, а я — пиво. Мы пьем их в молчании. Я смотрю, как Хантер достает свой телефон, отвечая на сообщение от Изабель, и вздрагиваю от внезапно нахлынувшей на меня зависти.

Мне действительно нужно поскорее забыть об этом, потому что это дерьмо отстой. Пока он пишет смс, я оглядываю главный зал. Еще рано, поэтому здесь тихо, только несколько завсегдатаев задерживаются. Новички не появятся, пока не будет много народу и им не придется прятаться среди других тел. Это значит, что я либо уже переспал с этими людьми, либо они меня не интересуют по тем или иным причинам.

Я киваю в сторону Ронана Кейда, грязного богатого серебристого лиса, сидящего за барной стойкой вместе с Иден. Они ведут непринужденную беседу, не похожую на флирт, но я уверен, что эти двое либо трахались столько раз, что им даже не нужно больше пытаться, либо никогда не трахались и действительно просто друзья. Фраза, которая сейчас вызывает у меня легкий смех.

Хантер и я — просто друзья.

Изабель и я — просто друзья.

И посмотрите, как хорошо это сработало.

Черт возьми, мозг, перестань думать о них. Двигайся, блядь, дальше.

Главный этаж разочаровывает, поэтому я поворачиваю обратно к бару. В этот момент мой взгляд встречается со знакомой парой зеленых глаз, и я замечаю, что они смотрят на меня с неким блеском, и я знаю, что это значит.

Я приостанавливаюсь и смотрю на Гео, который быстро переключает внимание, как только я поймал его на том, что он рассматривает меня. Пока он помогает другому посетителю бара, я провожаю его взглядом. Гео привлекателен, очень привлекателен, и я не знаю, почему я не замечал этого раньше. Он стройный, с атлетической фигурой и загорелыми бицепсами, которые на ощупь кажутся гладкими. Наверняка он занимается серфингом или бегом, и при виде того, как он потеет на улице, у меня в паху возникает легкое возбуждение. Ничего особенного, но это потенциал.

Внезапно я начинаю быстрее пить свое пиво, надеясь, что он подойдет, чтобы налить его. Наконец, он подходит, и я могу поклясться, что теперь он улыбается мне по-другому.

— Хочешь еще? — спрашивает он, беря пустую бутылку у меня перед носом.

Я наклоняюсь вперед, опираясь предплечьями на барную стойку, и улыбаюсь ему. Подмигнув, я отвечаю: — Да, пожалуйста.

Я снова чувствую себя самим собой.

Гео прикусывает губу в ответ. Затем он поворачивается к ларю со льдом, чтобы взять мое пиво. Прежде чем он возвращается, я чувствую, что Хантер внезапно обратил на меня внимание. Он с пристальным выражением лица наблюдает за тем, как я беру у Гео холодную бутылку и подношу ее к губам, не сводя с него взгляда.

— Ну, как прошла твоя поездка? — спрашивает Гео, облокотившись на барную стойку.

— Долго, — отвечаю я и, клянусь, замечаю, как на периферии у Хантера сжимается челюсть.

— Видел какие-нибудь хорошие клубы?

— Ничего такого хорошего, как этот, но мы видели несколько интересных мест.

— Да? — спросил Гео, кокетливо приподняв бровь. — Вы должны как-нибудь поделиться со мной некоторыми историями. Я заинтригован.

Стакан Хантера с грохотом ударяется о барную стойку, и я удивляюсь, что его стакан не разбился.

— У нас встреча. Пойдем, — рявкает он, вставая со своего места.

И я почти встаю. Я почти следую за ним, потому что я всегда так делала. Он ведет, я следую за ним. Он говорит "прыгай", а я говорю "как высоко". Вернее... он говорит "трахни мою жену", а я говорю "да, сэр". Но именно это и привело меня в эту ситуацию. И теперь в моем сердце полный бардак. В моей голове полный бардак. Я уже не тот человек, каким был до этой поездки, и я не могу рисковать потерять их дружбу еще больше, чем мы уже потеряли. Поэтому я больше не могу просто следовать за Хантером.

Ради его же блага я остаюсь на этом барном стуле и с трудом сглатываю. — Мне не нужно идти на встречу. Если у тебя есть ко мне вопросы по строительству, мы встретимся после. Но ты иди. А я останусь здесь.

Я поднимаю глаза, чтобы встретиться с его глазами, и интенсивность его выражения буквально ранит. Это удар в самое нутро. Потому что я снова провожу эту линию на песке. И, клянусь, кажется, что он хочет что-то сказать, но, как и подобает Хантеру, он сглатывает.

— Ладно, — бормочет он. Затем он зловеще смотрит на Гео, а потом снова на меня. — Только помни, что в нашем клубе действует ограничение на две выпивки.

— Ага, — отвечаю я, стараясь, чтобы эти слова не ранили так, как он хочет.

И с этими словами он поворачивается и уходит. Я узнаю злость в его походке, но не закликаюсь на этом. Повернувшись к Гео, я улыбаюсь. Мне нужно вернуться к себе, и есть только один способ сделать это.

Если мое сердце не может забыть Хантера и Изабель, то это сделает мой член.

Правило № 27: Разберись в своей истории

Хантер

Я пришел на встречу рано, а я ненавижу приходить рано. Даже Эмерсон еще не пришел, а он всегда первым входит в комнату.

Я опускаюсь в кресло с хмурым лицом и смотрю на деревянную поверхность стола для совещаний. Я размышляю, как упрямый мудак, которым я и являюсь. Я злюсь на Дрейка за то, что он бросил меня, явно флиртуя, и я активно злюсь на него за то, что, я почти уверен, он собирается сделать с барменом.

Да что с ним такое? От нашей поездки он сразу переходит к попыткам трахнуть кого-то еще. Как он мог так поступить с Изабель? Почему он не может хоть на секунду оставить свой член в штанах?

На этой неделе мне стало ясно, что нас троих что-то связывает. А он этого не замечал? Нет. Для него это был просто трах, а мы ничего не значили. А ведь я хотела, чтобы эти отношения были втроем. Я даже подумывала о том, чтобы ввести его в свой брак на длительный срок, но, конечно, он этого не хочет. Для этого нужно не совать свой член в первого встречного.

— Что с тобой?

Гарретт, один из моих совладельцев, говорит, нахмутив брови, когда входит в комнату. Он не из тех друзей, которым можно довериться. Гарретт прекрасно умеет посмеяться и хорошо провести время, но если бы я вывалил на него все подробности последних двух недель, его голова взорвалась бы от попыток воспринять все всерьез. Я заставляю свою грудь сделать глубокий вдох, глядя на него.

— Я в порядке, — лгу я.

Гарретт смеется. — Конечно. Судя по тому, что ты сердито хмуришься, ты либо не очень рада возвращению, либо вообще не получила удовольствия от поездки.

— Нет. Поездка была замечательной, и я счастлив вернуться.

Одна правда и одна ложь. Поездка была замечательной, и я бы хотел, чтобы она никогда не заканчивалась.

— Ты ведь не потерял Дрейка в секс-клубах?

— Он здесь. В баре, — бормочу я.

— Держу пари, он хорошо провел время. Я наполовину ожидал, что он вообще не вернется.

Я ничего не отвечаю. Минуту спустя начинают входить остальные члены команды. Эмерсон и Чарли, она идет впереди него, его рука нежно прижимается к ее спине. Мэгги, как обычно, что-то печатает на своем телефоне.

Они все приветствуют меня, улыбаются и спрашивают о моей поездке, и я стараюсь улыбаться как можно естественнее. Потом, конечно, они все спрашивают о Дрейке, и мне становится все труднее удерживать фальшивую улыбку.

— Хорошо, Хантер. Расскажи нам все. Я уверен, что у тебя много мыслей и идей.

Эмерсон откидывается в кресле и задумчиво смотрит на меня в ожидании. У меня

действительно много мыслей и куча идей, но некий огромный белокурый засранец не хочет вылезать из моего мозга и давать мне думать.

— Да... — Я заикаюсь: — У меня еще не было возможности подготовить презентацию. Вчера нам пришлось выселить Дрейка из его квартиры, но я могу что-нибудь придумать...

— Все в порядке, — говорит Эмерсон с кривой улыбкой. — Нам не нужна презентация, Хантер. Просто расскажи нам о своей поездке.

Я тяжело вздохнул. Думай, Хантер. Думай. Но четких мыслей нет, только образы и воспоминания, и ничего, чем я мог бы с ними поделиться. Как в тот момент, когда я впервые увидел, как Дрейк связывает мою жену... во время...

— Демонстрации шибари, — промурлыкал я, внезапно используя воспоминания о них как музу. — Мы видели несколько потрясающих демонстраций, которые я бы с удовольствием привез сюда. — Я выпрямляюсь в кресле. — Раз в месяц пусть члены клуба учатся делать это сами.

— Отлично. Это будет хорошо сочетаться с другими нашими демонстрациями излома. Что-нибудь еще?

Именно во Дворце огня владелец напомнил мне, что мы, возможно, делаем недостаточно для того, чтобы наши члены, особенно женщины, не привлекали к себе внимания. — Мы должны делать больше для защиты частной жизни наших членов, особенно женщин, которые не чувствуют себя комфортно, просто гуляя по нашему клубу. Может быть, раз в месяц устраивать вечер-маскарад?

Несколько человек за столом заинтересовано переглядываются. Эмерсон кивает, когда я иду дальше.

Я перебираю в памяти воспоминания о поездке... останавливаюсь на том моменте, когда я увидел, как Дрейк и Изабель впервые целуются, и что я чувствовал после этого, когда украл ее, потому что в тот момент она должна была быть у меня.

— Быстрые номера, — говорю я. — Мы были в клубе, и у них были кабинки, которые не нужно было арендовать, но можно было использовать... для быстрого секса.

При воспоминании о той ночи уголок моего рта начинает подергиваться ухмылкой. Я замечаю, как Чарли, девушка Эмерсона, прикусывает губу, краснеет и быстро набирает на своем ноутбуке то, что я говорю.

— Быстрые номера... Мне это нравится, — отвечает Эмерсон. — А Дрейк?

Я поднимаю голову и смотрю на него.

— Нет, я был с Изабель, — быстро говорю я, чтобы поправить его, мои щеки внезапно начинают гореть.

Эмерсон улыбается. — Я имею в виду... может ли Дрейк построить нам что-то подобное?

Черт меня побери. Не могу поверить, что только что подумала, будто он спрашивает, трахалась ли я с Дрейком в комнате быстрого доступа. Сейчас я борюсь с желанием выбежать из этой комнаты, как трус.

— О, — отвечаю я, прочищая горло и чувствуя на себе взгляды всех присутствующих в комнате. — Да, легко.

— Отлично, — говорит он, и мне может показаться, но я могу поклясться, что он смотрит на меня с большим вниманием, чем обычно. Я ерзаю на своем месте. — Что-нибудь еще?

Следующий вопрос дается легко, но я уже не так радуюсь и горжусь воспоминаниями,

когда говорю: — Темные комнаты.

— Темные комнаты? — спрашивает Гаррет.

— Да. Кромешная тьма. Полностью анонимные. Там любой может делать все, что захочет... с кем захочет.

Клянусь, они все могут читать мои мысли, когда я вспоминаю ту ночь. Она повторяется в моей голове.

Владелец клуба предложил мне посмотреть комнату в очках, и в следующий момент я увидела Дрейка, стоящего там с расстегнутыми джинсами, и ребенка, который едва ли достаточно взрослый, чтобы пить, трогаящего его за грудь. За все годы наблюдения за тем, как Дрейк флиртует с мужчинами, целует их и ложится с ними в постель, я наконец-то сорвалась.

— Интересно... — ответил Эмерсон.

— И где же тут веселье? — добавляет Гарретт со смехом. Будучи вуайеристом, он, конечно, ненавидит эту идею.

— И это безопасно? — спрашивает Мэгги.

— Очень. Во всех комнатах были камеры, вышибалы со специальными очками, чтобы видеть в темноте, и презервативы были обязательны. Я чувствовал себя там в полной безопасности. На самом деле это было очень раскрепощающе.

— Ты пользовался ими? — спросил кто-то, и я даже не поняла, кто это был. Я слишком погрузился в воспоминания, и, наверное, не должен был упускать эту последнюю деталь.

— Эм... да. Я ходил туда. Мы с Дрейком оба.

Господи, почему я все еще говорю?

Стол коллективно кивает, и мне хотелось бы знать, о чем они думают. Могут ли они подозревать, что на самом деле произошло во время нашей поездки? Конечно, не все. Не о том, что я предложил Дрейку и Изабель переспать, потому что меня возбуждала одна только мысль об этом. Или о том, как Дрейк опустил на меня в темном клубе. Или мы втроем трахались в Вегасе, как животные. Или влюбленность в мою лучшую подругу. Этого они точно не ожидали.

— Звучит заманчиво, — говорит Эмерсон после долгого, неловкого молчания. — Темные комнаты, возможно, будет немного сложнее создать в условиях ограниченного пространства. Если только Дрейк не захочет построить еще один уровень в клубе. Где он вообще?

Гарретт отвечает прежде, чем я успеваю ответить. — Хантер, должно быть, всю неделю был настоящим занудой, потому что Дрейк сейчас там, прижимается к Гео и, наверное, мочит свой член, пока мы разговариваем.

Моя челюсть сжимается. Я не виню Гаррета, потому что мы постоянно так шутим. Это то, чем мы занимаемся, но сейчас это действует мне на нервы как никогда раньше.

— Ты встретишься с ним в какой-то момент и получишь смету на ремонт? — спрашивает Эмерсон, его лицо приобретает серьезное выражение.

— Конечно, — отвечаю я.

— Если у него есть какие-то идеи по поводу темных комнат, я с удовольствием их выслушаю.

— Я передам ему, — говорю я.

Затем Эмерсон просто кивает, и я не могу отделаться от ощущения, что он смотрит на меня не просто так. Как будто он читает все по моим глазам, и от этого мне чертовски

неловко. Поэтому я отвожу взгляд и пишу себе пару заметок в блокноте.

Остаток встречи проходит без происшествий. Когда все готово, я быстро ухожу, чтобы избежать ненужных светских бесед и назойливых вопросов. Мне не терпится найти Дрейка. Что, если его нет в баре? Что, если он снял комнату с кем-то?

Я сжимаю кулаки при этой мысли, направляясь к главному залу. Ради Изабель, это было бы просто ужасно.

Когда я распахиваю дверь из коридора для персонала в главный зал, я сначала не вижу его. Затем мой взгляд проходит мимо бара, и я вижу его, сидящего на том же месте, но теперь он склонился над поверхностью, смеясь с Гео, который теперь снова склонился в своем пространстве.

Я бросаюсь к бару, быстро напоминая себе, что нужно сохранять спокойствие. Но, честно говоря, какого черта он делает?

— Пошли, — говорю я, и мои слова больше похожи на рык, чем на то, что сказал бы нормальный, цивилизованный человек. Гео встает и медленно отходит от Дрейка. Хороший выбор, парень.

Дрейк смотрит на меня с тревогой. — Все в порядке?

— Могу я поговорить с тобой? — спрашиваю я, чувствуя, как закипает гнев.

— Конечно, — отвечает он, встает и идет за мной в укромный уголок.

— Что с тобой? — спрашивает он.

— Со мной? — Мои глаза расширяются. — Что с тобой не так? Гео думает, что ты хочешь отвезти его домой и трахнуть, и, честно говоря, я тоже так думаю.

Он пожимает плечами, отводя взгляд. — И что с того, что это так? И вдруг у тебя возникла проблема с тем, что я встречаюсь с парнями?

— Это не имеет никакого отношения к тому, что он парень, — огрызаюсь я, прежде чем быстро вернуть его обратно. — А как же Изабель?

Я наблюдаю за тем, как Дрейк приводит себя в порядок, прежде чем ответить. — Я думал, что все, что произошло во время нашей поездки, было просто забавой. Теперь мы вернулись домой. Верно?

Когда его глаза снова встречаются с моими, я замираю. Он спрашивает меня об этом? Все так и было, но если я действительно скажу, что все было не так, то он действительно передумает и поедет со мной домой? Этого ли я хочу?

Дрейк никогда не остепенится, по крайней мере, надолго. Если я затяну с этим, то в конечном итоге пострадает Изабель, а я не могу допустить, чтобы это случилось с ней. Если он собирается действовать именно так, то лучше прекратить отношения сейчас.

— Хорошо, — холодно отвечаю я.

— Хантер, я не могу вечно быть третьим лишним в твоем браке. Эта поездка была веселой, но чем скорее мы вернемся к прежним отношениям, тем лучше.

Мое сердце словно свинцовый шар в груди. — И что же ты собираешься делать, Дрейк? Просто вернешься к траханью случайных незнакомцев? Ты действительно хочешь делать это вечно? Как твоя мама.

В его глазах горит огонь, когда он смотрит на меня. Это было слишком резко, и если бы я мог взять свои слова обратно, я бы это сделал. — И все это время я избегал сравнивать тебя с твоим отцом..., — отвечает он.

Мы вовсе не собираемся возвращаться к тому, что было раньше. Сейчас мы движемся в противоположном направлении, и я чувствую себя беспомощной, чтобы остановить это.

— Мне жаль, — говорю я, как будто этого достаточно, чтобы исправить ущерб от цунами оскорблений.

— Все в порядке, — отвечает он со вздохом. — К твоему сведению... я не собираюсь трахаться со случайными незнакомцами. Я тут подумал... может, мне пора встречаться по-настоящему. Узнать кого-то получше и попытаться сделать так, чтобы это было надолго.

Почему я ненавижу эту идею еще больше?

— Тогда не трахайся с ним, — говорю я, глядя прямо в знакомые голубые радужки.

— Хорошо, — отвечает он, но это не убедительно.

— Я серьезно, Дрейк. Если ты хочешь иметь настоящие отношения, то не трахай его сразу. Посмотрим, сможешь ли ты вообще это сделать.

Он ничего не отвечает, и я ухожу, чувствуя себя мудаком после оскорблений в адрес лучшего друга, как будто это и вполтину не так плохо, как то, что он делает со мной — лжет мне. Потому что, что бы он ни говорил о том, что не будет спать с Гео, я знаю его слишком хорошо, и не верю ему ни на секунду.

Правило № 28: Если ты любишь кого-то, отпусти его. (Легче сказать, чем сделать.)

Изабель

Я понимаю, что что-то не так, когда мой муж входит в парадную дверь — один. Он хмурится и не произносит ни слова, поднимаясь по лестнице в нашу спальню.

Возвращение домой из этой поездки было похоже на самое настоящее испытание, которое мы не выдержали. Прошло чуть больше двадцати четырех часов, как мы вернулись назад, а мы уже разваливаемся на части. И я догадываюсь, почему.

Я поднимаюсь за Хантером по лестнице и вижу, что он снимает костюм в гардеробной, вешает пиджак на вешалку и сердито срывает галстук.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Ничего, — пробормотал он.

Я сглатываю нахлынувшие эмоции, услышав, как он расстроен. Он не произносит ни слова, срывая с себя рубашку, сворачивая ее в клубок и бросая в корзину для белья. Когда он начинает застегивать пуговицу на брюках, он наконец смотрит на меня, и я замечаю, как внутри него прорывается плотина.

— Я думал, что в конце концов он вернется. Я думал, что он просто возьмет время, но нет. Он уже в клубе. Он, наверное, уже голый с барменом, и я, честно говоря, не знаю, почему меня это волнует. Он хочет жить именно так. Это его дело. Мне просто жаль, что твои эмоции оказались вовлечены... и я сделал это. Я навлек на себя все это. Я не должен был просить тебя об этом...

Честно говоря, я боялась этого больше, чем ожидала, но у меня было предчувствие, что мы не сможем удержать его надолго. Я имею в виду, на что мы рассчитывали? Привлечь его в наш брак навсегда? Это несправедливо по отношению ко всем, и в первую очередь к нему.

И мой муж это знает, но я боюсь, что он втянул себя в это еще больше, чем я. И я почти умираю от того, что чувствую, когда Дрейка нет рядом. Знать, что кто-то еще получает его улыбку и прикосновения.

— Ты сказала ему о своих чувствах? — спрашиваю я.

Хантер замирает. — Что? Что я устал от того, что он — тридцатичетырехлетняя мужская шлюха? Вообще-то... да, вроде как говорил.

Я поморщилась. — Нет, Хантер. Я не это имела в виду.

Он поворачивается ко мне спиной, расстегивая брюки, вытаскивая ремень и вешая его на крючок. Проходит много времени, прежде чем он отвечает. — Что ты имеешь в виду, Изабель?

Теперь у меня действительно жжет горло. — Ты сказал Дрейку о своих чувствах к нему?

Он поворачивает голову в мою сторону. — Я знаю, о чем ты думаешь, Из, но все не так. Да, мы немного подурачились, но больше ничего не было. Мы просто друзья.

Я прикусываю губу, борясь с подступающими слезами. Я не могу говорить, но он продолжает за меня: — Кроме того, я не должен этого делать. Он должен знать... мы особенные. Я думал, что мы будем значить больше. Но он не смог продержаться и одного

гребаного дня.

— Для чего, Хантер? Он был здесь всю свою взрослую жизнь. Ты приютил его, защитил, дал ему дом и семью. Черт, Хантер, ты отдал ему свою жену.

При этих словах у него раздуваются ноздри, и он быстро отводит взгляд. Но я возвращаю его внимание обратно. — Ты проклинаешь его за то, что он никогда не остепенится и будет распущенным, но ты держишь его в удушающем захвате, привязанным к тебе всю его жизнь. У него не было возможности расти.

Он сердито хмыкнул. — Что ты хочешь сказать? Я должен просто отпустить его?

— А какой у нас выбор?

Этот вопрос застыл в воздухе между нами, даже когда он выскочил из шкафа и пошел в душ. Какой у нас выбор? Никакого. Мы с Хантером выбрали друг друга, и все это время мы держали Дрейка на коротком поводке.

И хотя каникулы были веселыми, мы сделали худшее из возможного. Мы дали ему попробовать то, чего он не может иметь. На короткий миг он превратил третьего лишнего в центр внимания, и я знаю, что идея создания полноценных отношений между всеми нами тремя приходила в голову каждому, но пока эти двое не преодолеют то, что заставляет их оставаться на прежних позициях, этого никогда не произойдет. Хантер должен быть тем, кто первым заговорит об этом, а это самое маловероятное из всех возможных вариантов.

Уже за полночь я слышу, как открывается входная дверь. Хантер крепко спит рядом со мной, ворочаясь каждые несколько минут. Поэтому я легко встаю с кровати, не издавая ни звука. Спустившись по лестнице, я замечаю, что на кухне горит свет. На мне только трусы и одна из футболок Хантера, мы уже перестали быть скромниками.

Я наполовину ожидаю, что Дрейк снова будет пьян, как в прошлый раз, когда я застала его пробирающимся в дом слишком поздно, но на этот раз он не такой. Я вижу трезвость в его глазах в тот момент, когда наши взгляды встречаются. Он не просто трезв — он мрачен. И мне кажется, я знаю, почему.

— Я тебя разбудил? — спрашивает он.

Я качаю головой.

В комнате воцаряется неловкая тишина. Наконец, он произносит слова, которые я отчаянно хотел услышать.

— Я не спал с ним.

Слава Богу.

— Почему? — Я вцепилась в кухонный остров между нами, как будто это единственное, что меня удерживает.

— Я не знаю...

— То, что произошло между нами, было просто интрижкой, Дрейк. Сумасшедший отпуск, но теперь все кончено, — отвечаю я, следя за выражением его лица в поисках признаков того, что он согласен.

Он нахмуривает брови, делая шаг ко мне. — Ты действительно так думаешь? Ты считаешь, что это ничего не значило?

— А ты?

Мы смотрим друг на друга в течение долгого напряженного момента, прежде чем он насмехается и сердито проводит руками по волосам. — Я думаю, что мы оба находимся во

власти того, кто наверху. Я думаю, что то, чего он хочет, и то, что он готов признать, что хочет, — это две разные вещи, и пока он не поймет это, мы оба застрянем вот так.

Я смаргиваю надвигающиеся слезы, потому что в глубине души знаю, что то, чего он хочет, никогда не произойдет. И если Хантер не сможет смириться с этим, то Дрейк никогда не будет счастлив. А если у Дрейка не будет Хантера, то и у меня не будет Дрейка.

Ужас вонзился в мое сердце, как нож.

Отбросив боль, я бесшумно передвигаюсь по острову, открываю шкафчик рядом с Дрейком, чтобы достать стакан для воды. Когда я закрываю дверцу, я чувствую, что он стоит ближе. Когда я пытаюсь обойти его, чтобы добраться до холодильника, он преграждает мне путь.

Нож вонзается чуть глубже.

— Дрейк, — шепчу я, не в силах смотреть ему в глаза. Его рука касается моей талии, когда он подходит ближе, дыша мне в шею.

— Я никогда в жизни не был так зависим от другого человека, Изабель. Но я не могу перестать думать о тебе.

Его губы касаются моей шеи, и я закрываю глаза от нахлынувшего на меня стыда. Я не двигаюсь, но и не останавливаю его.

— Я все еще чувствую тебя в своих руках. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я слышу звуки, которые ты издавала, когда я трахал тебя. Я знаю твой вкус и твой запах. Я знаю, что должен жить дальше, но не знаю, смогу ли.

В его голосе боль и искренность. Настолько искренний, что мое сердце раскалывается на две части.

Мне хочется упасть в его огромные объятия и почувствовать тот особый комфорт, который я ощущаю только в объятиях Дрейка. И на мгновение мне это почти удается. Не знаю, будет ли это слабостью или храбростью, но я не могу сказать ни того, ни другого.

Повернув голову, я смотрю ему в глаза, наши рты так близко, что я чувствую его дыхание. — Мы не можем. Больше не можем.

Боль, вспыхнувшая в его глазах, хуже, чем нож, который сейчас торчит в моей груди. Вместо того чтобы поцеловать мои губы, он прижимается лбом к моему, и мы остаемся так на мгновение, вдыхая друг друга так сильно, как только можем, выражая простыми прикосновениями все то, что не можем выразить больше.

Наконец, я отстраняюсь, и он позволяет мне это сделать. Когда я выхожу из кухни, чувствуя, что мое тело тяжелее и медленнее, чем когда я спускалась сюда, он произносит мое имя, и я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему.

— Ты ведь знаешь, что всегда была моей девушкой, правда?

Я сдерживаю свои эмоции. Успокоившись, я киваю.

— И несмотря ни на что, ты всегда будешь моей девочкой.

Слезы застилают мне глаза, и я заставляю себя улыбнуться. — Спокойной ночи, Дрейк.

— Спокойной ночи, Изабель.

Наверху я забираюсь в постель рядом с Хантером, но засыпаю спиной к нему, чего я почти никогда не делаю, но сейчас я злюсь на него. Он так поступил с нами, играл с нашими сердцами, словно они были его игрушками, а теперь он разрывает нас на части. И если он не будет осторожен, то разрушит не только свою дружбу.

Правило № 29: Любовь делает тебя идиотом

Дрейк

У МЕНЯ СВИДАНИЕ. Мое первое, если быть честным. То есть, я и раньше встречался другими людьми, но всегда с намерением потрахаться. А в этот вечер я сижу в ресторане с барменом Гео с намерением узнать его поближе.

Это мучительно.

Не с Гео — он замечательный. Он веселый, добродушный и любит делать мне комплименты. Я могу представить себе, как мы проводим время вместе, напиваемся, смотрим кино, просыпаемся рядом друг с другом. То есть... возможность есть, но волнение? Не совсем.

— Итак... ты обещал рассказать несколько историй из своей поездки. Я хочу услышать все об этих других клубах, — говорит он с кокетливой улыбкой, потягивая свою "Маргариту".

— Эх... — Я почесываю затылок. — Я не очень хочу говорить о своей поездке, если вы не против.

Он сразу же извиняется. — Конечно, все в порядке. Мне очень жаль.

— Не извиняйся. Это сложно, вот и все.

— Из-за Хантера... или из-за Изабель?

— Э-э-э...

— Прости. Боже, как я был любопытен, — отвечает он со смехом. — Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. Я всегда сую нос в рот, когда выпью.

На этот раз я смеюсь, и это помогает снять напряжение. — Все в порядке, правда. Не если отвечать на твой вопрос просто... да.

— О.

— Да...

— Ну что ж, — говорит он, поднимая свой бокал в мою сторону. Я поднимаю свой бокал и прикладываюсь к его бокалу. — За отскоки и новые начинания.

Я снова смеюсь, поднося бокал к губам. Он изучает меня в течение минуты, ковыряясь в своем ужине. — Могу я задать тебе личный вопрос?

— Конечно, — отвечаю я. Мы ведь для этого и собрались, не так ли?

— Ты когда-нибудь встречался с женщиной?

— Гм... Гео... Я никогда раньше не встречался с человеком.

— Черт, — отвечает он с усмешкой. У него действительно милая улыбка, но я не чувствую той сильной химии, которой жажду. Это нормально для свиданий? Я имею в виду... если мы совместимы и ладим друг с другом, то физическая химия придет. Разве нет?

То есть, я представляю себя с ним, его губы, обхватывающие мой член, или его колени, прижатые к груди, пока я погружаюсь в него. Но это все, что может представить мой мозг. Он всегда возвращается к сексу. Влечение к Гео есть... но желание звонить ему и видеть его после этого? Не очень.

— Да, я просто никогда не считал себя подходящим для парня. И у меня всегда был

лучший друг, с которым мы вместе проводили праздники, дни рождения или каникулы, так что я никогда не нуждался в ком-то еще.

Он кивает, и мне начинает казаться, что я слишком много говорю о Хантере.

— Но если тебе интересно, могу ли я представить себя остепенившейся с мужчиной... — Я пожимаю плечами. — Да. Не вижу причин для этого.

— Ты бы не скучал по киске?

Я чуть не поперхнулся пивом от его прямооты. Вытирая лицо, я задумался. А я бы скучал?

— Хм...

После нескольких минут раздумий он улыбается. — Я расцениваю это как "да".

— Если тебя это утешит, то я думаю, что мне будет так же не хватать члена, если я остепенюсь с женщиной.

— Это должно было меня успокоить? — спросил он со смехом, и теперь мы оба хихикаем так сильно, что наши лица покраснели.

— Извини. Это неловко, — говорю я, когда наш смех утихает.

— Нет, у тебя все отлично.

— Значит ли это, что у меня будет второе свидание? — спрашиваю я с выражением надежды.

Он барабанит пальцами по своему стакану, размышляя об этом. — Я не знаю, нужно ли тебе второе свидание, Дрейк.

Мои плечи опускаются, когда он отстраняется от меня. Черт. Я уже начинаю смиряться со своей участью состариться и умереть в одиночестве, когда он протягивает руку через стол и касается моей руки. Когда его глаза поднимаются к моему лицу, в его выражении есть что-то знойное и манящее. И впервые я чувствую ту искру химии, которую так хотел. Внезапно я думаю о том, чтобы забрать его домой и перегнуть через спинку дивана, чтобы трахать его до тех пор, пока он не закричит.

— И что же мне нужно? — спрашиваю я низким шёпотом.

— Я думаю, тебе нужен хороший трах, чтобы выкинуть из головы все, что произошло во время твоей поездки.

— И ты... можешь мне в этом помочь?

Он наклонился, зажав нижнюю губу между зубами. — Абсолютно, блядь, безусловно.

Идеально. Да, я собираюсь перепихнуться сегодня. Это то, что мне нужно.

Я улыбаюсь, откидываясь назад, но что-то кислое и неправильное поселяется во мне. Я не хотел, чтобы это был секс на одну ночь. Я хотел, чтобы это было настоящее свидание, но, возможно, Хантер был прав. Я похож на свою мать.

— О-о, — говорит Гео. — Что это за взгляд?

Я заставляю себя криво улыбнуться. — Не думаю, что я когда-либо раньше отказывалась от секса.

— Зачем начинать сейчас? — игриво спрашивает он.

— Потому что я чертов идиот.

Он легко смеется и кивает. — Любовь делает это с тобой.

Я попрощался с Гео больше часа назад. Я даже не смог поцеловать его, как он наверняка хотел. Теперь я сижу в своей машине перед домом Изабель и Хантера и размышляю, стоит

ли мне туда заходить. Сейчас только девять. Они все еще будут на ногах, но я не знаю, смогу ли я встретиться с ними лицом к лицу.

Нам почти не приходилось сосуществовать в этом доме с тех пор, как мы несколько дней назад вернулись из поездки. И я не очень-то жду первого раза, когда это произойдет. Пока что, по прошествии всего трех дней, отношения между нами не встали на свои места, как это должно было произойти. Я не знаю, потому ли это, что нам нужно больше времени вместе или больше времени врозь, но это напряжение станет для меня смертью. Я просто хочу вернуть своих друзей.

Набравшись храбрости, я выхожу из машины и подхожу к входной двери с запасным ключом. Когда я вхожу в дом, то чувствую аромат чего-то сладкого, наполняющий пространство. Откуда-то из колонок доносится музыка, и я останавливаюсь на пороге, наблюдая, как Изабель пересекает ярко освещенную кухню в одной лишь футболке и фартуке. Она вынимает из духовки сковороду с кексами и покачивает бедрами в такт песне Сэма Кука.

Я оглядываю комнату в поисках Хантера и, не увидев его, почти разворачиваюсь и выхожу из дома. Только не сегодня. Сегодня я не смогу справиться с этим искушением.

Но она видит меня первой, и убегать уже поздно.

— Эй! — зовет она. — Я пеку кексы...

Голос у нее приятный, и по игривости я понимаю, что она пьяна.

— Правда? — спрашиваю я, закрывая входную дверь и проходя в большую кухню.

— Да. У меня есть ванильный и клубничный. — Она опускает палец в тесто и протягивает его мне. — Попробуй.

Мой рот складывается в кривую ухмылку, когда я подхожу ближе. Не сводя с нее глаз, я закрываю рот вокруг ее пальца и слизываю с него сладкую смесь. Она хнычет, когда я это делаю.

Отпустив ее палец, я спрашиваю: — Где Хантер?

— Наверху, — отвечает она, выражение ее лица становится мрачным.

— Все в порядке?

Она с опаской смотрит на лестницу. Затем низким шепотом отвечает: — Мы не очень много общались последние пару дней.

— Мне жаль.

Она в ответ пожимает плечами. Затем она возвращается к работе над кексами, выкладывая их на решетку для охлаждения.

— Что ты пьешь? — спрашиваю я с улыбкой. Ее лицо искажается в замешательстве, когда она смотрит на меня.

— Пьешь? — Через мгновение ее осеняет, и она хихикает. — О, нет. Я не пью. Я приняла съедобное. Это помогает мне расслабиться.

— Ах... — отвечаю я. И тут же сглатываю внезапно поднявшуюся волну вины. Мне неприятно, что ей приходится принимать что-то, чтобы расслабиться. Ненавижу, что я являюсь частью причины, по которой она не может расслабиться в первую очередь.

— Хочешь? — спросила она. — Они не очень сильные. Я просто легкая.

Она снова хихикает, и я широко улыбаюсь, наблюдая за тем, как она смеется про себя.

— Нет, спасибо. Я в порядке.

— Хорошо, — отвечает она, снова мило пожимая плечами.

Сидя на барной стойке, я наблюдаю за тем, как она печет. Каждый шаг захватывает

меня. Ее проворные пальцы отмеряют ингредиенты, засыпают их в миксер, вытирают муку с носа. Это все то, о чем я мечтаю, чтобы было свидание с Гео. Если бы это свидание было хотя бы в половину таким же приятным, как наблюдение за тем, как Изабель печет, я бы сейчас был занят тем, что трахал бы ему мозги. Но по его вине между нами не было ничего, даже близко похожего на это.

Услышав за спиной шаги, я напряглась. Хантер входит в комнату и встает рядом со мной, наблюдая за Изабель.

— Она под кайфом, не так ли?

Я смеюсь. — Ага.

— Она печет, только когда под кайфом.

— Я не под кайфом, — возражает она, краснея. — Я час назад съела одну конфетку с сахарной ватой. Ну и дела.

Затем она включает миксер слишком высоко, и мука вылетает из чаши, покрывая ее лицо. Она раздражается хохотом, не в силах даже дышать, и это настолько заразительно, что теперь смеюсь и я. И когда я смотрю на Хантера, он тоже ухмыляется от уха до уха, его плечи трясутся от собственного веселья.

— Рыжая, ты просто беспорядок.

Наконец, она перестает смеяться и упирается руками в стойку. Глядя на Хантера слегка блестящим взглядом и злобно ухмыляясь, она достает миску и бросает в мужа горсть муки.

Он застывает на месте, белый порошок покрывает его черную рубашку на пуговицах, и мы с нетерпением ждем его реакции. Наконец, его язык высовывается между губ и слизывает горький привкус с лица. — О, ты плохая маленькая девочка. Тебе лучше бежать.

Я с улыбкой наблюдаю за тем, как Изабель вскрикивает и, сияя, бросается бежать со своей стороны кухни. Он огибает остров, чтобы догнать ее, но даже обкуренная, она слишком быстра. Они оба покрыты ингредиентами для выпечки и смеются, бегая кругами вокруг острова, оба смеются и улыбаются.

Это то, чего мне не хватало. Это определенно то, что мы бы сделали до того, как вся эта троица все усложнила. Выдавайте желаемое за действительное, но мне кажется, что мы наконец-то можем двигаться дальше и вернуться к тому, что было раньше.

— Спаси меня, Дрейк! — кричит Изабель, приседая позади меня.

— Встань за мной.

Я смеюсь, но прежде чем я успеваю встать и заслонить ее от угрозы Хантера, держащего бутылку с шоколадным сиропом, на меня обрушивается горсть ванильной глазури.

Изабель визжит от смеха, вытирая ее со всех сторон, от подбородка до волос. Не знаю, как я умудрился не заметить, что она схватила это, когда бегала вокруг прилавка. Я сижу в шоке, и когда она пытается убежать, я хватаю ее за талию и тащу к себе.

— Я собирался тебе помочь, — говорю я зловещим тоном. — Но теперь тебе конец.

Прижав ее к себе, я завел обе ее руки за спину и крепко прижал к себе.

— Возьми ее, — говорю я Хантеру, который злобно улыбается, обливая ее шоколадом. Она смеется и борется с моей хваткой, пока он выливает шоколад ей на голову и лицо.

— Держи, Дрейк. Я приготовил тебе мороженое. Попробуй. — Хантер произносит эти слова игривым тоном. Минуту назад я думал, что все наконец-то стало нормально, но ничего не могу с собой поделать. Это определенно не нормально. От ее ерзанья и борьбы с моим телом мой член дергается в штанах, и я действительно хочу попробовать. Поэтому я притягиваю ее ближе и вылизываю длинную линию по бокам ее лица, и, когда я это делаю,

она замедляет свои попытки.

— Ммм... она приятная на вкус, — шепчу я ей на ухо.

— Сними с нее рубашку, — приказывает Хантер, и я снимаю. Отпустив ее руки, я обнимаю ее за талию, развязываю фартук и стягиваю рубашку через голову. Я держу ее как пленницу, хотя прекрасно понимаю, что никуда она теперь не денется. Ее улыбка исчезает, а на ее месте появляется похотливое выражение лица, направленное на мужа.

В одних трусиках она стоит и ждет, пока Хантер капают шоколадным соусом на каждый из ее сосков. Она издает сладостный стон, и он тут же берет в рот правый, а я — левый. Ее крики становятся все громче, она тянется вверх, чтобы удержать наши головы, слизывая шоколад со своих грудей.

Когда Хантер отрывает рот, он смотрит на нее, размазывая соус по животу и наблюдая, как он стекает на пояс ее розовых хлопковых трусов.

Я так хочу быть той, кто слижет этот шоколад, но не меньше я хочу смотреть, как он это делает. Мы поступаем безрассудно и делаем именно то, чего, как мы знаем, делать сейчас не следует. Любой из нас мог бы легко прервать эту маленькую сексуальную борьбу за еду, но мы этого не делаем, потому что, как сказал Гео, любовь делает тебя чертовым идиотом.

— Давай, — говорю я, обхватывая ее за талию и прижимая к себе. Хантер опускается на колени и целует ее живот, покрывая рот шоколадом, пока наконец не добирается до трусиков. Стянув их вниз, он без колебаний впивается теплым, влажным поцелуем ей между ног.

Она стонет и извивается в моих руках, пока он сосет ее клитор, и мой член пульсирует, когда я наблюдаю за ними. Я не могу оторваться от ее рта, слизываю сладкий вкус с ее шеи и нахожу ее рот, чтобы поглотить эти звуки удовольствия.

Он смотрит на нас сверху, трахая ее языком, мой член течет, когда он вводит в нее палец. Теперь она дрожит, ерзает и бьется об меня, приближая свой оргазм.

— Я собираюсь... собираюсь... — хнычет она, задыхаясь. Я щиплю покрытый шоколадом бутончик ее соска, целую ее шею, и ее тело обмякает в моих объятиях.

— Да, да, да, — стонет она.

Когда ее мышцы наконец становятся мягкими и она расслабляется, прижимаясь ко мне, я думаю, что все кончено. Но она бросает на Хантера хитрый взгляд, берет с прилавка банку со взбитыми сливками и смотрит на него.

— Моя очередь, — злобно говорит она, и он отвечает ей выражением "я осмелюсь".

Я с любопытством наблюдаю, как она поворачивается ко мне. Зажав нижнюю губу между зубами, она капают точечку крема мне на шею. Я чувствую, как он просачивается в воротник моей рубашки, пока смотрю на нее. Затем она смотрит на Хантера, ее брови поднимаются, и она отходит в сторону.

Я замираю, глядя на нее расширенными глазами. Потом меня осеняет, что она делает.

Мы играем в эту игру.

Мы молчим, ожидая, пока он примет решение. Это очень важно для него. Давление, заставляющее наконец признаться в том, чего он хочет, независимо от того, готов ли он к этому на самом деле или нет. И, возможно, он больше не хочет этого. Может быть, то, что случилось в Нэшвилле, было одноразовым, и он решил, что ему не нравится быть с мужчинами.

Проблема в том, что Хантер не отступает. Он слишком горд, слишком упрям, и, как и в том пари, которое мы заключили в Остине, он никогда не проигрывает.

Мое сердце учащенно забилося, когда он сократил расстояние между нами и бросил на меня последний взгляд, прежде чем впиться губами в мою шею. У меня даже не осталось мозговых клеток, чтобы попытаться отговорить его от этого или убедиться, что он действительно этого хочет, потому что его губы на моей шее чувствуют себя слишком чертовски хорошо. Мурашки пробегают по каждому сантиметру моего тела, когда он посасывает нежную плоть, на которую Изабель нанесла сладкий крем. Я чувствую, как мои руки тянутся к нему, когда он лижет и покусывает мою шею, а мой член подрагивает в боксерах.

Когда Хантер отстраняется, мне кажется, что мои ноги могут подкоситься. Он смотрит на меня голодным взглядом, но прежде чем он снова движется ко мне, Изабель подходит ближе.

— Ты в полном дерьме, Дрейк, — говорит она сладким тоном. — Давай снимем это.

Внезапно она стягивает с меня рубашку и выливает крем мне на грудь.

Я издаю хрип, а Хантер быстро слизывает его, целуя мои грудные мышцы и спускаясь вниз по прессу. Он стоит на ногах, пожирая каждый сантиметр моей груди и живота, и мне кажется, что я умираю. Мне уже не кажется, что он осмеливается это делать. Такое ощущение, что он сам этого хочет.

— Черт возьми, — бормочу я, когда его язык проводит линию над верхней частью моих джинсов. Изабель наблюдает за этим, ее губы разошлись, она делает длинные, тяжелые вдохи, явно возбужденная тем, что ее муж лижет другого мужчину.

Когда Хантер поднимается на ноги, он поворачивается, чтобы поцеловать ее, крепко и страстно, и это дает мне возможность перевести дыхание. Я должен уйти. Мы вступаем на опасную территорию, но я с таким же успехом могу опьянеть от его прикосновений, потому что теперь нам уже не выправить ситуацию.

Пока Изабель целует мужа, он начинает раздеваться сам, расстегивая пуговицы на рубашке, пропитанной мукой, и брюках, пропитанных шоколадом. И когда ее плотский взгляд встречается с моим, я принимаю это как сигнал к тому, чтобы сделать то же самое.

Я даже не замечаю, как снимаю боксеры, потому что слишком сосредоточен на этом моменте. Мы снова втроем голые вместе. Я тянусь к ней, но она отталкивает мою руку. Оторвавшись от поцелуя Хантера, она смотрит мне в лицо. С яростным мужеством, которого я никогда раньше не видел у Изабель, она подносит баллончик с кремом к моему твердому, торчащему члену и проводит длинную линию мягкого белого крема от основания до кончика.

И я ожидаю, что она слижет его. Но она смотрит на него, и я замираю.

Она не может быть серьезной. Он не готов к этому.

— Изабель... — говорю я, но ее глаза не отрываются от его лица.

Он едва-едва колеблется. Я полагала, что он будет сопротивляться, и не знаю, стоит ли он на коленях передо мной, потому что она, по сути, осмелилась, или потому что он действительно этого хочет, но от вида Хантера, стоящего на коленях перед моим твердым членом и жадно смотрящего на него, у меня кружится голова.

Затем он поднимает на меня глаза, и я чувствую себя привязанным к нему так сильно, как никогда раньше. Это мы. Те самые мы, которыми мы всегда были. Те, кем мы всегда должны были быть, и в этот единственный прекрасный момент он не заиклен на своей голове и не слышит презрительного голоса отца. Есть только я и он.

Когда он проводит языком по головке моего члена, я вдыхаю сквозь зубы. Мое тело

пылает, когда я наблюдаю, как он слизывает крем, сначала немного неуклюже, но после первого вкуса его охватывает жажда. Затем он открывает рот и втягивает меня в себя, плотно обхватывая меня губами и проникая как можно глубже.

Мне приходится сопротивляться желанию кончить. Это слишком много, слишком чертовски много. Он упрямо пытается вогнать меня глубже с каждым ударом моего члена в его горло. Когда он наконец задыхается, я хватаю его за волосы, чтобы оттащить. Я еще не готов кончить, но если он не прекратит это делать, я точно взорвусь.

— Блядь, — говорю я с протяжным стоном.

Я слышу, как банка со сливками падает на пол, а Изабель прыгает в мои объятия и целует мое лицо, а затем притягивает мои губы к своим. Затем Хантер встает и присоединяется к нашему поцелую, поглощая ее рот, а затем и мой, пока мы не превращаемся в клубок языков, губ и жара.

Тело Хантера прижимается к моему, и когда я чувствую, как Изабель сжимает наши члены вместе, поглаживая их как одно целое, я рычу ей в рот.

— Я хочу, чтобы вы оба были во мне, — сладко пробормотала она мне в губы. — Вот так.

Ее смелые зеленые глаза смотрят на меня, и я замираю.

Черт возьми... эта женщина. Из историй, рассказанных мне Хантером, я знал, что она более странная, чем ее милая, застенчивая личность, в которую все верят, но это? Этого я не ожидал.

Она гладит нас вместе, и жар от его члена напротив моего так интенсивен и манящ, что как я могу отказаться? Мы с Хантером смотрим друг на друга, но мы оба настолько потеряны для вожделения момента, что бесполезно протестовать против чего-либо.

Отпустив наши члены, она обхватывает руками мою шею, и я притягиваю ее к себе, ее ноги обвивают мою талию. Хантер сжимает ее между нами, пока я не чувствую, как он обхватывает рукой наши члены. Она напрягается в моих объятиях, и на мгновение я начинаю бояться, что у нас ничего не получится. Я не хочу причинять ей боль, и в тот момент, когда ее влажная пизда касается головки моего члена, я отстраняю ее.

— Подожди, — заикаюсь я. — Презерватив.

Ее плечи отходят от ушей, она улыбается и прислоняется лбом к моему виску. — Дрейк, я доверяю тебе.

Затем она притягивает свои губы к моим.

— Мы оба доверяем, — добавляет Хантер. — У тебя никогда не было положительного результата теста, а она принимает таблетки.

Его пальцы касаются моего бедра, чуть ниже ног Изабель, и у меня мурашки бегут по коже от его прикосновения.

— Она такая мокрая и готова для нас, — говорит он, и она хнычет, когда он проводит пальцами по ее складочкам. Затем он снова сжимает наши члены, и я опускаю ее тело вниз, пока не почувствую, насколько она мокрая.

Она извивается и задыхается, когда мы медленно вводим в нее члены, чтобы ее тело могло принять наши размеры. Но как только мы вводим в нее всего несколько сантиметров, Изабель издает задыхающийся крик удовольствия.

— Расскажи мне, каково это, детка, — шепчет Хантер ей в щеку.

— Так туго, так... наполнено.

Ее руки сжимают мою шею, а я медленно начинаю насаживать ее на наши члены. Она

мурлычет мне в ухо.

— Да. Еще.

— Я не хочу делать тебе больно, — отвечаю я, мой голос напряжен от общего ощущения. Я чувствую их обоих так близко, что мы практически одно целое.

— Ты не сделаешь. Я обещаю. Просто трахни меня.

Ее сексуальной мольбы достаточно, чтобы свести меня с ума. Держа ее под коленями, я сильнее прижимаю ее к себе, позволяя звукам ее криков направлять меня. Хантер хрипит с каждым толчком, его губы так близко к моим, что я чувствую его дыхание на своем лице.

И именно тогда, когда я меньше всего этого ожидал, он наклоняет голову вперед, чтобы поцеловать меня, еще один грубый, плотский поцелуй.

— О Боже, да, — кричит Изабель. — Больше. Сильнее.

Мне приходится отстраниться от рта Хантера, чтобы еще сильнее насадить ее на наши члены, и она издает гортанный крик, когда я это делаю.

— Я сейчас кончу, блядь, — бормочет Хантер, едва сдерживаясь.

— Я тоже, — хриплю я.

— Пожалуйста, не останавливайся, — умоляет она. — Это так хорошо.

Это нелегко, но мы сдерживаем свои оргазмы достаточно долго, чтобы почувствовать, как она спазмирует и дрожит в наших объятиях.

Но когда я чувствую, как член Хантера начинает дергаться внутри нее, я теряю контроль. Он слишком горячий и грязный. Вскоре мы оба заполняем ее, и она замирает в моих объятиях.

Я хочу, чтобы этот момент длился вечно: мы втроем в тесных объятиях, между нами вздымается миниатюрное тело Изабель. Неважно, что мое лицо начинает чесаться, где глазурь покрылась коркой, или что Изабель вся в шоколаде, или что на кухне царит катастрофа. Я никогда не чувствую себя таким цельным, как с ними.

Мы втроем задыхаемся, когда Хантер и я выходим из нее. Он забирает ее у меня, не позволяя ее ногам коснуться пола, и несет ее в кровать к лестнице. Как только я думаю, что снова останусь позади, он поворачивается ко мне.

— Пойдем с нами в душ, — говорит он, и я ненавижу свое дурацкое гребаное сердце за то, как оно учащенно бьется при этих словах.

— Иду, — отвечаю я, следуя вплотную за ним. Потому что именно так я и поступаю.

Я всегда так делаю.

Правило № 30: Если это звучит как приглашение, то, скорее всего, так оно и есть

Хантер

На этой неделе мы закрыли Salacious на две ночи для проведения ремонтных работ. Одним из таких ремонтов является *добавление комнат для быстрого секса*, как их назвал Гарретт. По одной с каждой стороны клуба, ближе к задней части, так что они не бросаются в глаза, но достаточно незаметны. Конечно, в целях бюрократии и соблюдения городских норм они официально классифицируются как кабинки для переодевания... как гардеробная.

На самом же деле они представляют собой достаточное пространство для небольшого действия, без необходимости резервировать комнату или менять постельное белье. Честно говоря, умная идея для повышения посещаемости.

Другая реконструкция — превращение двух задних комнат в сменную мастерскую, и Дрейк упорно сопротивляется этому. Может быть, потому, что мы даем ему всего два дня на работу, в то время как он боролся с Эмерсоном за большее время. Может быть, потому, что упоминание о мастерских навеивает слишком много напряженных воспоминаний.

В последнее время настроение Дрейка стало немного раздражительным, и я не могу отделаться от ощущения, что это отчасти и моя вина. Поэтому, когда однажды вечером он не вернулся домой... то есть в дом, я решил навестить его. Изабель ведет занятия в студии, а я ненавижу оставаться дома одна.

Когда я появляюсь в клубе, уже семь часов. Все грузовики уже уехали, и внутри все тихо. На мгновение я начинаю беспокоиться, что его здесь нет. Может быть, у него другое свидание.

После нашего маленького рандеву на кухне на прошлой неделе я решила, что он завязал со свиданиями на некоторое время. Насколько я знаю, с Гео у него ничего не вышло.

Если он сможет просто не встречаться с другими людьми, остаться в доме со мной и Изабель, и нам не придется определять это или делать что-то официальное, это будет идеально. Все будет просто и легко.

Да, конечно.

Даже я понимаю, насколько это несправедливо и маловероятно.

Я просто не ожидал, что все это окажется настолько сложным. Все запуталось, и это только вопрос времени, когда наше хлипкое маленькое соглашение распадется. Что касается того, что произошло на прошлой неделе с Дрейком, то сейчас я не могу этого осознать.

Когда я вхожу в клуб со стороны служебного входа, я слышу музыку, доносящуюся откуда-то из глубины зала. Это тяжелый рок, и он разносится по пустому клубу. Я осторожно иду по коридору в сторону двух задних комнат, где идет основной ремонт.

Дойдя до двери, я останавливаюсь, кровь приливает к лицу, заставляя меня краснеть, и я смотрю на него с разинутым ртом. Дрейк без рубашки, весь в поту, он раскладывает на полу доски, подбивая каждый кусок. Он совершенно не замечает моего присутствия, и я продолжаю следить за ним, пробегая глазами по мускулам на его спине и плечах с каждым установленным куском дерева.

Всегда ли он меня так привлекал или это происходит только сейчас, когда я наконец-то позволил себе действовать? Я всегда знал, что Дрейк хорош собой. Он привлекает внимание всех девушек, в каждом баре, куда мы заходим. Я не намного ниже его ростом и не считаю себя намного уродливее, но у меня нет этих длинных светлых локонов или очаровательных голубых глаз.

Что действительно завершает его привлекательность, так это то, как он флиртует, ярко улыбается и уделяет собеседнику все свое внимание, как будто это единственный человек в мире, который существует. Я наблюдаю, как он ночь за ночью творит свою магию, и это сводит с ума.

И до прошлой недели я никогда не чувствовал, что это очарование направлено на меня. Пока мы не оказались лицом к лицу, обнаженные и возбужденные.

Внезапно я вспомнила вкус его шеи, когда целовала его. И то, как этот пресс ощущался на моем языке. Мой член зашевелился в штанах. Потом я вспомнил, как я обхватил его губами, как он впился в мое горло и как сильно я хотел его удовольствия.

Мой собственный член сейчас не просто возбужден — он пульсирует и пытается уговорить меня пройти через всю комнату, чтобы попробовать еще раз.

Так что да, думаю, это ответ на мой вопрос. Дрейк меня определенно чертовски привлекает.

Приспособившись, чтобы не демонстрировать стояк, я пересекаю комнату и попадаю в поле его зрения; на мгновение он выглядит испуганным, когда смотрит на меня.

— Эй! — кричит он, доставая из кармана телефон, чтобы убавить звук. Как только звук становится достаточно низким, чтобы мы могли слышать друг друга, он опускается на колени и ждет, пока я объясню, почему я здесь.

Почему я здесь?

— Что-то случилось? — спрашивает он.

— Нет. Просто ты не вернулся в дом... вот я и решил тебя проведать.

— О, да, мне просто нужно сегодня уложить пол, чтобы завтра мы могли закончить, — отвечает он.

— У вас много работы. Могу я помочь?

Его брови взлетают вверх. — Тебе не нужно этого делать.

Я расстегиваю рубашку и снимаю ее с себя, избегая его взгляда. — Ты думаешь, что я слишком мягкий, не так ли? — спрашиваю я с ухмылкой.

— Когда ты в последний раз поднимал молоток, мистер Бизнес? — Теперь он ухмыляется, и сверкание белых зубов заставляет мою кровь биться быстрее. Вот оно, гребаное волшебство.

— Не беспокойся обо мне.

— Хорошо, вот, — отвечает он. — Помоги мне уложить эти доски.

Он бросает мне длинный кусок дерева — двойной смысл не упущен, — и я опускаюсь рядом с ним на колени. Вместе мы быстро справляемся с настилом нового деревянного пола. Он делает надрезы, а я продолжаю фиксировать каждую доску на месте, работая в комфортной тишине. Это занимает еще несколько часов, и к концу работы мы оба вспотели.

После того, как пол закончен, мы с ним оба прижимаемся к полу, прихлебывая воду, которую я взял в баре.

— А где Изабель? — спрашивает он.

— Она сегодня преподавала. Но я уверен, что она уже дома.

Он кивает. Молчание между нами стало неловким при упоминании о ней. Мы ведь не говорим о том, как интенсивно мы занимались сексом втроем на кухне, или о том, как я делал ему минет перед этим. Я все жду, когда он затронет эту тему и захочет поговорить об этом, но он не делает этого.

Это как взрывчатка. Мы не трогаем ее, не говорим о ней и даже не смотрим на нее, потому что, как только мы это сделаем, она нас всех уничтожит. Вместо этого... мы продолжаем разжигать пламя.

Он встает и смотрит на меня с суровым выражением лица. — Я собираюсь принять здесь душ, прежде чем отправиться домой.

Затем он задерживается на мгновение, как будто ожидая моего ответа.

— Хорошо, — заикаюсь я, мой голос звучит слабо, как будто я пытаюсь казаться нормальным. Затем он бросает на меня быстрый оценивающий взгляд и исчезает из комнаты.

Внезапно я начинаю нервничать.

Я слишком долго сижу на полу, снова и снова проигрывая тот последний момент. Мой разум, как теннисный корт, скачет туда-сюда между разумом и желанием.

Действительно ли ему нужен душ? Или это было приглашение?

Нет. Не все, что он говорит мне, является приглашением. Сколько раз за всю нашу дружбу он принимал душ, который ничего не значил? Тысячи? Это то же самое.

Но это не то же самое. Он определенно оставляет мяч в моем распоряжении.

И даже если он действительно хотел, чтобы это было приглашением, готов ли я к этому?

Хочу ли я, чтобы это было приглашением? Да.

Хочу ли я принять его? Да.

Но что, если я приду туда, и все это будет слишком, слишком рано, и я сойду с ума? Как это отразится на нем?

Но, может быть, это не слишком. Это просто мой укоренившийся страх. И чем дольше я сижу здесь и снова и снова проигрываю в голове это решение, тем меньше у меня шансов все выяснить.

Если я ошибаюсь, и это был не его способ попросить меня прийти и раздеться с ним, тогда я смогу все переиграть, и не случится ничего неловкого. Но есть только один способ узнать наверняка.

В спешке я спрыгиваю и практически бегу в мужскую раздевалку. К моему облегчению, вода еще не закончилась, когда мои ботинки застучали по кафельному полу. Здесь чертовски душно, и я торопливо сбрасываю с себя брюки, ботинки и носки.

Снимая боксеры, я чувствую нервную дрожь в руках. Я не могу поверить, что делаю это. Не могу поверить, что это происходит. Что, если я ошибаюсь? Что, если я не готов?

Это мой лучший друг, а значит, это безопасно. Нет никого, с кем мне было бы удобнее все выяснить.

Глубоко вздохнув, я отключаю свой мозг и вхожу в большую душевую. Он стоит лицом к стене, вода струится по его спине, и я на мгновение замираю, глядя на его идеальное, длинное тело, изваянное за долгое время мускулами и ручным трудом. Секунду я жду, не заговорит ли он, но что-то подсказывает мне, что он выжидательно смотрит на меня.

Так что... ничего не выйдет.

Мой член торчит прямо наружу, твердый, возбужденный и такой же нервный, как и я сам. Держа его в руке, я подхожу к нему ближе, ожидая момента, когда он спросит, что я

делаю, или скажет, что не хочет, чтобы я к нему прикасался.

Но этого не происходит. Я подхожу к его высокой фигуре и протягиваю руку, чтобы провести ею по его влажной коже. Он шипит, когда я скольжу пальцами по его плечу и шее. Когда я ослабляю хватку на его горле и притягиваю его твердое тело к своему, вставляя между нами свой твердый член, он улыбается.

— Почему ты так долго?

И я смутно понимаю, что он мог иметь в виду сегодняшнюю ночь, только что в душе, а мог иметь в виду всю нашу дружбу.

В тот момент, когда Дрейк оказывается в моей власти, мой мозг замолкает, и тело берет верх. Упираясь членом в его спину, я обхватываю одной рукой его горло, а другой перебираюсь вперед, чтобы обхватить его внушительную длину.

Мы стонем в унисон, когда наши члены получают взаимное внимание, которого они так жаждут. Дрейк упирается руками в стену, а я прижимаюсь к нему. Хотел бы я знать, что именно в его теле так чертовски приятно. Я испытал лишь вершину айсберга, но с каждым прикосновением жажда большего становится еще более невыносимой.

— Что ты со мной делаешь? — спрашиваю я, исследуя губами его шею и плечо.

Внезапно он поворачивается и притягивает меня к себе, так что наши груди соприкасаются, и наваливается своим ртом на мой. Его поцелуй теплый и жестокий, и мы упираемся в стену. Я сильно прижимаюсь к нему. Мне кажется, что невозможно удовлетворить эту потребность, как будто я не могу насытиться его кожей на своей. Мне отчаянно нужно больше.

Наши поцелуи не прекращаются, мы прижимаемся друг к другу, и все это происходит так быстро. Его вкус, его запах, его прикосновения — это калейдоскоп блаженства — он и я вместе, и это сводит меня с ума.

Схватив его за шею, я рычу в пространство между нами. — Ты сводишь меня с ума.

— Тогда сходи с ума, — отвечает он низким, задыхающимся шепотом, его голос похож на смелость.

Я просовываю руку под его ногу, приподнимаю ее, чтобы прижаться еще ближе, и наши члены трутся друг о друга в изысканном ощущении палящего жара и нежного трения.

Это мой лучший друг, мой лучший друг, мать его, и я хочу выебать ему мозги прямо сейчас.

— Я сейчас кончу, — прохрипел я, глядя на него. — Потом я отвезу тебя домой и буду трахать, пока моя жена смотрит.

Он испускает дрожащий вздох, за которым следует протяжный стон, когда он заполняет расстояние между нашими телами своей спермой. Я захватываю его губы между своими и тоже разряжаюсь.

Мы падаем вниз по склону на поезде без тормозов. Мы ничего не можем сделать, чтобы остановить это, кроме как разбиться внизу. И я знаю, что в конце концов именно это и произойдет.

Правило № 31: Если ты даешь им возможность насладиться моментом, это не значит, что ты должен его упускать

Изабель

Звук закрывающейся внизу входной двери выводит меня из состояния сна, и роман, который я читала, падает на пол. Я открываю глаза и достаю телефон, чтобы проверить время. Уже поздно, значит, это должен быть Хантер или Дрейк... или оба. По лестнице доносятся приглушенные голоса и ворчание. Сначала я паникую, думая, что это потасовка. Особенно когда слышу, как тело врезается в стену.

Потом слышу низкий рык мужа: — Тащи свою задницу наверх.

В животе у меня потеплело, а бедра сжались. Мне знаком этот тон, и я знаю, что он означает, когда говорит таким тоном. Сглотнув, я поднимаюсь с кровати и выглядываю через дверь.

От увиденного я чуть не задохнулась. Они сцепились губами, Дрейк впечатывает Хантера в стену на полпути к лестнице. Начинается борьба, и тут Хантер берет себя в руки. Перевернув Дрейка, он опрокидывает его на ступеньки, и Дрейк издает болезненный стон.

— Иди в гостевую комнату... сейчас же, — рычит Хантер. — Подготовься ко встрече со мной.

Затем он отпихивает Дрейка, и они оба продолжают подниматься по лестнице. Не знаю почему, но что-то во всем этом меня не устраивает, и я не думаю, что хочу этого. В молчаливом порыве я бегу обратно к своей кровати и прижимаюсь к подушке, закрывая глаза и притворяясь спящей, как раз в тот момент, когда Хантер входит в комнату.

Его шаги замирают на пороге, и он на мгновение замирает. Пожалуйста, не будите меня, — тихо молю я. Просто побудь с ним наедине.

Странно, как сильно я хочу, чтобы мой муж спал с кем-то еще без меня. Но мысль о том, что они с Дрейком вместе, привлекает меня гораздо больше, чем мысль о том, чтобы участвовать в этом. Не каждый раз, конечно, но сейчас... Я чувствую, что это может стать той соломинкой, которая сломает спину верблюду. Это может стать моментом, когда все изменится. Хантер, наконец, примет это в себе, а вместе с этим примет Дрейка в наши отношения — туда, где ему самое место.

Когда Хантер приближается ко мне, я заставляю себя смотреть на него как на спящего. Глаза закрыты. Дыхание ровное. Лицо расслаблено.

Пожалуйста, не будите меня. Пожалуйста, не будите меня.

Он наклоняется и прижимается губами к моему лбу.

— Я люблю тебя, — шепчет он. Затем он выключает прикроватную лампу и тихо исчезает из комнаты.

Сердце колотится в груди. Я жду несколько мгновений, прежде чем открыть глаза. В комнате темно, Хантера нет. Внизу по коридору я слышу еще несколько приглушенных голосов, но не могу разобрать, о чем они говорят.

Как можно тише я встаю с кровати и крадусь по коридору в сторону гостевой комнаты. Остановившись за дверью, я прислушиваюсь.

— Ты мне нужен, — тихо пробормотал Хантер.

— Что потом, Хант?

— Что значит "что потом"? С каких пор тебя волнует то, что происходит после секса?

Дрейк вздыхает. — С тех пор, как я начал трахать твою жену. С тех пор, как ты поцеловал меня в темном клубе. Внезапно это, блядь, стало иметь чертовски большое значение.

На некоторое время становится тихо, и я закрываю глаза, желая, чтобы они прошли через это. Чтобы они наконец поговорили об этом. Пережить то, что удерживает нас от жизни, которую мы действительно заслуживаем — вместе. И часть меня очень хочет ворваться туда и сказать им, что именно они должны сделать, чтобы преодолеть это, но я не могу. Они должны сделать это сами. Хантер должен доказать Дрейку, что он больше не позволит голосу отца остановить его. А Дрейку нужно доказать, что он готов взять на себя обязательства.

Когда надолго затихает тишина, мне становится любопытно, и я осторожно заглядываю за угол, чтобы увидеть, как они вместе лежат на кровати. Они обнажены, Хантер растянулся на теле Дрейка, облокотившись на его руки, и смотрит на него сверху вниз.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? — шепчет Хантер.

В темноте повисает долгое, напряженное молчание. Наконец Дрейк произносит низким, хриплым шепотом: — Ничего. Просто трахни меня.

Я почти хнычу от этого звука, мое тело становится все горячее с каждой секундой. Я зажимаю рот рукой, слушая их. Их стоны, проклятия, вздохи и стоны. Как бы мне ни хотелось, чтобы они все обсудили, это слишком горячо, чтобы останавливаться.

Я снова заглядываю в комнату и наблюдаю в тусклом лунном свете, как Хантер сползает по телу Дрейка и вводит его член в свое горло. Дрейк издает глубокий гортанный звук, обхватывая рукой черные кудри Хантера, и подает свои бедра вверх, пока я не слышу, как мой муж задыхается.

Вернувшись в коридор, я прижимаюсь спиной к стене и слушаю их. Ничего подобного я раньше не слышала, и мое тело пылает от возбуждения. Не веря себе, я опускаю руку к хлопчатобумажным трусикам и просовываю пальцы внутрь, чтобы прикоснуться к себе, хотя бы для того, чтобы немного ослабить боль от острой потребности.

Зажав рот другой рукой, я рисую круги вокруг своего клитора, слушая грязные звуки, издаваемые ртом Хантера вокруг члена Дрейка.

Когда я слышу, как кровать скрипит от их движения, я снова заглядываю. И снова это больше похоже на борьбу, чем на секс: стоны, движения и борьба за контроль. Хантер снова лежит на Дрейке, лунный свет освещает его светлые волосы, разметавшиеся вокруг него. Стоя на коленях между его раздвинутыми ногами, Хантер открывает маленькую бутылочку, и на мгновение все затихает, пока я не слышу стон Дрейка.

— Тебе нравится? — шепчет Хантер.

— Еще, — отвечает Дрейк.

— Черт, ты такой тугой.

— Еще, Хантер.

Я едва могу дышать. Моя кожа пылает от жара, пока я слушаю, что они делают. По тому, как Хантер стоит на коленях между ног Дрейка, я предполагаю, что он готовит его, и мысль

о чем-то таком интимном, таком... новом для него, приводит меня в бешенство.

— Я готов, — тихо говорит Дрейк, и я наблюдаю из темного коридора, как Дрейк поднимает колени, Хантер выравнивает свой член с тугой дырочкой Дрейка и легко входит в него. Он делает это с протяжным, задыхающимся стоном, и я не могу удержаться от крошечного писка, который вырывается из моих губ.

Быстро выскочив из дверного проема, я прижимаюсь спиной к стене и опускаю руку в трусики, ожидая, что меня поймают. Но меня не ловят. Вместо этого я слушаю, как Хантер снова стонет, его крики смешиваются с криками его лучшего друга, и я понимаю, что в этот момент он входит в него до упора, потому что Дрейк издает стон: — Блядь.

— Черт возьми, как хорошо, — отвечает Хантер. Он вдыхает быстро и отчаянно, как будто воздух выдыхается из его тела. — Черт, как же это хорошо, Дрейк.

— Да, не так ли? Просто продолжай двигаться.

Я теряю контроль. Это так неправильно с моей стороны, что я даже слушаю, не говоря уже о том, что наслаждаюсь звуком, но я ничего не могу с собой поделать. Эти мужчины — мои, оба, и я не думала, что может быть что-то настолько хорошее, как обладание ими обоими, но я ошибалась. Потому что смотреть, как они имеют друг друга, намного, намного лучше.

Кровать скрипит, изголовье врезается в стену, а Хантер трахает его с огнем и страстью, толкаясь в такт тяжелым ритмам. И если они думали, что я буду спать, то они сошли с ума.

— Поглаживай мой член, пока трахаешь меня, — приказывает Дрейк, и я предполагаю, что Хантер слушает, потому что следующее, что я слышу, это как Дрейк бормочет отрывистые слова и фразы: вот так, да, хорошо, идеально, о Боже.

— Я сейчас кончу, — говорит кто-то на выдохе, и я не понимаю, кто это был, потому что слишком потеряна в своем собственном оргазме. Голова откинута назад, позвоночник мокрый от пота, я лечу к своей кульминации, ослепленный наслаждением.

Когда слух возвращается к моим ушам, а глаза, наконец, открываются, я различаю звуки их поцелуев и то, что похоже на нежный шепот, который я не могу различить. В конце концов, это похоже на приватный момент, поэтому, переведя дыхание, я крадучись возвращаюсь по коридору в ванную комнату.

Вымыв руки и обдав лицо холодной водой, я стою у раковины и смотрю на свое отражение. Девушка, глядящая на меня, на мгновение становится счастливой, но я быстро разрушаю ее покой всеми страхами и мыслями, которые я держала в себе.

Например, что будет с нами, если все это рухнет? Что, если Дрейк не захочет брать на себя обязательства и бросит нас? Что если Хантер не сможет примириться со своей сексуальностью? Что если потеря Дрейка разрушит наш брак, потому что меня недостаточно?

Это глупые переживания, но я ничего не могу с собой поделать. Я почти не привыкла к тому, что один человек так сильно меня любит. Какова вероятность того, что у нас троих все получится и мы будем вместе? Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком много сложностей, о которых нужно беспокоиться. Слишком многое поставлено на карту.

Я хочу заползти к ним в постель, лечь между ними и позволить их близости отпугнуть все тревоги, но я не могу. Вместо этого я забираюсь в постель со своим собственным страхом и засыпаю в одиночестве.

Когда я просыпаюсь, я уже не одна. Открыв глаза, я слышу жужжание электробритвы Хантера.

— Доброе утро, — радостно улыбается он.

Ну, разве ты не бодр с утра?

— Доброе утро, — отвечаю я, потягиваясь. Встав с кровати, я прохожу в ванную комнату, и мы проходим через нашу обычную утреннюю рутину, как будто сейчас все не так уж странно. Помыв руки и почистив зубы, я приостанавливаюсь и прислоняюсь к столешнице, глядя на него через зеркало.

Хантер старается молчать. Он не хочет говорить об этом, потому что говорить об этом — значит посмотреть правде в глаза и принять решение. Это означает перемены, а перемены пугают. Но я не собираюсь больше позволять своему мужу жить в тишине.

— Ты не пришел в постель вчера вечером.

Он делает паузу, и игривая ухмылка исчезает с его лица. — Я спал в гостевой комнате с Дрейком.

Я прикусываю губу, глядя на его отражение. Затем эта злая ухмылка снова появляется в уголках его рта, и он подходит ко мне ближе, прижимая меня к раковине. Уставившись на меня через зеркало, он наклоняется и целует меня в шею.

— Но ты ведь уже знала об этом, правда, Рыжая?

Значит, он действительно слышал меня в коридоре.

— Может быть, — отвечаю я, прижимаясь к нему губами.

Его руки обхватывают мою талию, притягивая меня ближе. — И тебе понравилось то, что ты увидела?

— Понравилось? — отвечаю я, глядя на него и борясь с желанием распластаться на полу. Я хочу услышать, как он это скажет. Мой муж занимался сексом с женщиной прошлой ночью, и это довольно серьезное событие, которое я не позволю ему просто так избежать.

Он делает паузу, пытаясь сделать так, чтобы я наблюдала за ним. Затем его взгляд переходит на мое лицо в зеркале. Искренность выражается в том, что он нахмурил брови, а его рот сложился в тонкую линию. — Да.

— И что это значит? — осторожно спрашиваю я.

— Ничего не значит. Мы увлеклись и...

— Хантер, — огрызаюсь я, прерывая его.

Он сглатывает, выглядя в данный момент скорее нервным, чем уверенным. Я поворачиваюсь и смотрю на него, касаясь его лица. Страх в его глазах пронзает меня до глубины души. — Это ничего не меняет в твоей сущности. Я думаю, что это сделает тебя еще более собой.

— А как же мы? — спрашивает он с трепетом в глазах.

— Я думаю, нам нужно начать признавать, что у нас есть новые мы.

Он делает глубокий вдох, позволяя своим плечам опуститься ниже ушей. — Ты этого хочешь?

Я прикусываю губу. — Да.

Когда он отстраняется, в его выражении снова появляется нерешительность. — Я не знаю, Рыжая. Я просто не знаю, как долго это может продолжаться. Все слишком сложно.

— И что... ты хочешь просто продолжать заниматься с ним сексом и держать его на привязи к нашему браку? Это справедливо? — спрашиваю я. Отстраненно я думаю, здесь ли еще Дрейк. Слышит ли он нас из комнаты для гостей?

— Откуда нам знать, что он вообще хочет отношений? Он буквально никогда не был в них раньше, — возражает он, и я чувствую, как он сопротивляется, прежде чем потрудиться открыть правду.

— Потому что он все время был в наших отношениях, — говорю я.

— Не так, как сейчас, — говорит он, его голос становится слишком громким. — Секс — это здорово, детка, но что, если это все?

— Это не так, и ты это знаешь, — отвечаю я шепотом. Отстранившись от Хантера, я иду к двери.

Прежде чем я исчезаю из комнаты, он добавляет: — Я подумаю об этом, хорошо?

И для Хантера этого достаточно. По крайней мере, на данный момент.

Правило № 32: Если ты уже даже не узнаешь себя, то, скорее всего, у тебя все плохо

Дрейк

— Эй, я узнаю этого огромного сексуального блондина.

Что-то странно знакомое в голосе, раздавшемся позади меня, когда я проходил через вестибюль клуба. Я останавливаюсь и поворачиваюсь, чтобы увидеть вздорную и очаровательную красавицу с соболиными волосами из Нового Орлеана.

— Силла? — говорю я с улыбкой, раскрывая руки для объятий.

Она входит в мои объятия и крепко сжимает меня за середину. Отстранившись, она качает головой в мою сторону. — Дай угадаю — твой парень не сказал тебе, что пригласил меня.

Я смеюсь. — Ладно, во-первых... конечно, сказал. Просто я не ожидала тебя сегодня увидеть. И... он не мой парень.

Она подмигивает. — Конечно. Вы вдвоем хорошо провели время в той комнате, которую я сняла.

— Ты дала мне ключ, — с энтузиазмом отвечаю я.

— Я знаю. Я знаю. Я хорошо влияю.

Я кладу руку ей за спину. — Пойдем. Я отведу тебя в помещение для мастерской. Мы закончили его на этой неделе.

Помахав хозяйке, я провожу Силлу через занавеску в основную комнату, а затем в правый коридор, где две задние комнаты были объединены в одно большое помещение, которое мы можем использовать как комнату для аренды, так и место для занятий.

— О, очень впечатляет, — с улыбкой говорит Силла, когда я показываю ей помещение. Мы установили небольшую сцену в передней части и достаточно места для столов, которые и будут стоять сегодня. Она подходит к низкому помосту, чтобы осмотреть веревки, которые мы подвесили для демонстрации.

— Ты только посмотри, мистер строитель. Итак... ты практиковал шибари со своим парнем после нашего занятия?

Я покраснел. — Опять же, не с моим парнем. И нет, не занимались.

— Ой, да ладно..., — хнычет она, откинув голову назад. — Вы, ребята, были так хороши!

Усмехнувшись, я покачал головой. — Мы не были так хороши.

— Детка, я могла бы смотреть, как он тебя связывает, весь день. Это было круто. А еще лучше, — говорит она, выглядя возбужденной. — Ты свяжешь его.

— Не думаю, что ему это понравится, — отвечаю я, прислонившись к одному из столов.

— О, его нужно связать, — говорит она со смехом. Мне нравится Силла. С ней просто легко находиться рядом. Не так часто я оказываюсь в компании людей, которых я не пытаюсь активно трахнуть... или которые не пытаются трахнуть меня. Поначалу, конечно, пыталась, но как только мы установили, что я вроде как завязал, она отпустила.

— Итак..., — говорит она легким тоном.

— Ну...? — отвечаю я.

— Так ты в итоге проиграл... или выиграл?

Я недоверчиво смотрю на нее, нахмутив брови. — Я не понимаю.

— В прошлый раз, когда мы разговаривали, ты боялся запутаться в своих сексуальных штучках со своими друзьями, потому что боялся их потерять, а я сказала тебе, что с такой же вероятностью ты их приобретешь. Возможно, ты не знаешь этого, но я очень мудрая...

Мой легкий смешок эхом разносится по пустой комнате, когда она улыбается мне своей широкой яркой улыбкой.

— Очевидно, — шучу я.

— Так кто же это был?

Моя улыбка начинает ослабевать по мере того, как я думаю об этом. Какой именно? Я не совсем потерял их, но приобрел ли я их? Когда я вспоминаю все, что произошло с тех пор, как я впервые встретил Силлу, в это трудно поверить.

— О... я знаю, что означает это лицо. Разливай.

Сопротивляться бессмысленно, поэтому я сдаюсь и рассказываю ей все. Странно, что эта женщина только что вошла в клуб, а я знаю ее всего около двух часов, но с ней легко разговаривать, а мне нужно с кем-то поговорить о таких вещах.

К концу разговора ее глаза расширились, и она долго смотрела на меня, прежде чем наконец что-то сказать. — Итак... ты хочешь быть с ними? Быть с ними обоими в постоянных, полисексуальных отношениях?

— Да.

Ответ выскользнул у меня изо рта легко. Так же легко, как дыхание. Потому что я хочу. И я думала, что мысль об обязательствах будет пугающей и страшной, но с ними это не так. Все происходит легко и непринужденно. Я ничего не теряю и все приобретаю.

— Ты думаешь, она любит?

— Да, — говорю я, не в силах сдержать легкую ухмылку, растянувшуюся на моем лице. Мы с Изабель сблизилась так, что теперь уже ничего не поделаешь. Она нужна мне так, что я не могу от нее уйти. Я не могу вернуться назад.

— Но так ли это?

Этот ответ не так легко слетает с моих губ. С Хантером все гораздо сложнее. Дело не в том, что он не хочет быть со мной. Дело в том, что ему предстоит преодолеть еще много гор, прежде чем он сможет с полным правом заявить, что хочет нас обоих. А пока он этого не сделает, мы застрянем на месте.

— Хорошо... следующий вопрос. Как долго ты готова ждать, пока он примет решение?

— Я не знаю, — пробормотал я.

— Мне кажется, что ему нужен ультиматум, потому что сейчас ты даешь ему все, что он хочет, не требуя ничего взамен. Кто-то из вас должен заставить его принять решение, потому что никто из вас не заслуживает того, чтобы ждать, пока кто-то признается вам в любви.

Ну, черт возьми. Девушка права.

И я бы хотел, чтобы все было так просто, но я слишком боюсь, что если мы подтолкнем Хантера, он улетит. Это как приближаться к птице, которую пытаешься поймать. Слишком быстрое движение — и она улетит.

Что это может означать для Изабель? Это не совсем тот риск, на который я готов пойти.

Боже, послушайте, как я пытаюсь уговорить кого-то на серьезные отношения. Кто я такой? Потому что раньше я был негодяем. Раньше я хотел только трахаться, а теперь я хочу

большого. Потому что эти двое — исключение. Они всегда были исключением.

Заметив, что я глубоко задумался, Силла подходит ко мне и кладет руку на мою руку. — Я оставлю тебя с этими большими вопросами, которые крутятся в твоей прекрасной голове. Но знаешь... если ничего не выйдет, ты всегда можешь пригодиться нам в клубе Crescent City. Это просто мысль.

Я напряженно улыбаюсь и киваю. — Спасибо.

С этими словами она направляется к двери. Вдалеке я слышу, как Хантер находит ее, тепло и по-деловому приветствуя. Я слышу, как они произносят мое имя, но остаюсь в комнате одна на несколько минут.

Мне нужно еще немного времени, чтобы подумать.

Каждый четверг владельцы “Клуба непристойных игроков” собираются в баре, чтобы немного отдохнуть, не занимаясь никакими делами. Я всегда присоединяюсь, потому что... конечно же, присоединяюсь.

Сегодня я сижу за столиком между Хантером и Изабель и смотрю на свое пиво, в голове у меня слишком много мыслей. Все вокруг смеются и улыбаются, и я ненавижу себя за то, что я не в себе.

Напротив меня я чувствую, как невеста Гаррета, Мия, обеспокоенно смотрит на меня. После того, как мы с ней преодолели неловкость, связанную с тем, что Гаррет использовал мое имя, чтобы подстеречь ее в приложении "Девушка с камерой", что сделало нашу первую встречу немного... напряженной, мы стали довольно хорошими друзьями. В основном потому, что она стала главной сумасшедшей идейной девушкой в клубе. А это значит, что я первый, к кому она обращается, когда у нее появляется идея, которую нужно воплотить в жизнь.

Дрейк, мы можем поставить джакузи в VIP-комнате?

Дрейк, ты можешь сделать одну из комнат похожей на туристическую тропу?

Дрейк, ты можешь построить для меня стропила, на которых я смогу висеть, чтобы мастурбировать в воздухе?

Она чертовски сумасшедшая, но она мне нравится. Только не сейчас, потому что она выглядит так, будто читает мои мысли, а мне это не нравится.

Обычно я сидел бы в баре, задерживаясь возле одиноких женщин, которые выглядят так, будто им нужна компания, но, конечно, сегодня я не могу этого сделать. И я никому не могу сказать, почему.

— Все в порядке, Дрейк? — спросил Гарретт с другого конца стола. Его рука обнимает Мию за плечи, пока она потягивает свой фруктово-красный напиток. — Обычно ты не сидишь с нами так долго.

Он улыбается своей шутке, и я принужденно смеюсь.

Но что, блядь, я могу сказать? Я, возможно, трахаюсь или не трахаюсь исключительно с моим лучшим другом и его женой. Хотя не совсем эксклюзивно, потому что мы просто не говорим об этом.

Да... такой ответ просто слетает с языка.

— Наверное, я просто не в настроении сегодня, — отвечаю я, что вызывает смех не только у него, но и у всех окружающих. Всех, кроме Мэгги, которая слишком увлечена своим

телефоном, чтобы обращать на это внимание.

Ну, и еще пары, сидящей рядом со мной, которая начинает выглядеть слишком неловко, чтобы присоединиться к веселью.

— Дрейк не в настроении? — Гарретт смеется. — Я говорю чушь. Я думаю, ты с кем-то встречаешься.

— Маленькая птичка сказала мне, что у кого-то было свидание с Гео на прошлой неделе, — сообщает Чарли с конца стола. Она нагло улыбается, опираясь на локти.

— Оооо, — отвечает Мия.

Черт побери. Теперь они все смотрят на меня.

— Это было одно свидание, — отвечаю я.

— Ага... — добавляет Гаррет.

Я замечаю Хантера, который так сильно сжимает в руке свой стакан, что кажется, он может его разбить.

— Вы двое ужасно молчаливы. Что вы знаете? — спрашивает Гаррет, и Изабелл отвечает ему застенчивой улыбкой и пожимает плечами.

— Мы ничего не знаем, — говорит она, и вдруг я понимаю, насколько все это неловко, и все это видят. С таким же успехом на нас можно было бы нацепить гигантские знаки "что-то случилось".

Теперь все смотрят на нас, но с насупленными бровями и пристальными взглядами. Какая-то часть меня хочет просто выплеснуть это признание наружу, но я не могу.

Честно говоря, почему мы вообще храним этот секрет? Это буквально группа людей, которые ведут самую извращенную жизнь. Гарретт трахается со своей сводной сестрой. Эмерсон состоит в очень серьезных отношениях с бывшей девушкой своего сына. Ни один из них даже глазом не моргнул бы, если бы мы сказали, что каждую ночь занимаемся грязным сексом втроем. Черт, да они, наверное, думают, что мы занимались этим все это время. Так почему же я вдруг чувствую себя грязной тайной? Когда разговор, наконец, переходит в другое русло и косящие глаза отводятся от меня, я бросаю взгляд в сторону Хантера и вижу, что он наблюдает за мной. Я сжимаю челюсть и опрокидываю в себя остатки своего напитка.

Мне вдруг захотелось уйти отсюда. Поэтому я не объявляю об этом, ставя бокал и поднимаясь из-за стола. Изабелл наблюдает за мной, но ее взгляд раскалывает мою жесткую внешность.

— Я просто иду в туалет, — мягко говорю я, когда она улыбается мне.

Серьезно, если бы кто-нибудь обратил внимание и увидел, как она просто смотрит на меня, кот бы уже вылез из мешка. Но их нет, а я все еще раздражен, поэтому я, нахмурившись, иду в сторону туалета в задней части бара.

И все это время я в ярости... из-за чего, я даже не знаю. Слова Силлы засели в моей голове. Не говоря уже о том, что мы с Хантером трахались, по-настоящему трахались, два-три дня назад, но мы просто не говорим об этом. Так что да... я могу быть немного раздражительной сейчас.

Да, да, да... может быть, это вкус моего собственного лекарства. Сколько людей я трахал и избегал? Никогда не звонил им, хотя они давали мне свой номер. Откровенно флиртовал с кем-то другим у них на глазах. Заставлял их ждать обязательств, которые я никогда бы им не дал.

Но для Хантера я не просто кто-то. Я его лучший друг, что на данный момент звучит

слишком банально для того, чем мы являемся. И то, что мы делали в гостевой комнате той ночью, не было бессмысленным перепихом.

Это даже нельзя назвать трахом. Это было... Боже, я ненавижу себя за то, что признаю это или даже думаю об этом, но то, что мы делали той ночью... было занятием любовью.

Я никогда в жизни не был так близок с другим человеком, и секс, которым мы занимались, был в другой лиге, нет, на другой планете, и даже близко не был похож на то, чем я сотни раз занимался с бесчисленными незнакомцами.

Единственное, что могло бы сделать эту ночь лучше, — это присутствие Изабель рядом с нами. Вместо того, чтобы молча таиться в коридоре, где она, очевидно, и находилась.

Я мыла руки, когда Хантер неизбежно вошел, как я и знала. И так же, как я знала, он щелкает замком на двери общественного туалета, давая нам по крайней мере минуту, прежде чем кто-то начнет стучать, чтобы войти.

— Это было неудобно..., — бормочет он, сокращая расстояние между нами. Он тянется ко мне, но я отстраняюсь, и его игривая улыбка быстро исчезает. — Что я сделал?

— Как долго мы будем этим заниматься, Хантер?

— Что делать? — спрашивает он, и это еще больше меня злит. Как он вообще смеет вести себя так, будто это вопрос.

— Это! — огрызаюсь я. — Эта тайная штука... эта неопределимая штука, где мы трахаем друг друга и делаем вид, что ничего не происходит.

— О, так ты хочешь закончить сейчас? Тогда вперед, Дрейк. Подцепи какую-нибудь цыпочку в баре, если это действительно то, чего ты хочешь.

Я закатываю глаза, отворачиваясь. — Это не то, чего я хочу.

— Тогда чего же ты хочешь? — огрызается он, каким-то образом беря бразды правления этим разговором в свои руки, как будто я ему что-то должен.

— Я хочу поговорить о том, что произошло прошлой ночью. Я хочу, чтобы ты признал, что ты бисексуал и что тебя это устраивает.

Он насмехается, выглядит обиженным, как будто я только что обвинил его в том, что он именно такой, какой он есть.

— Я хочу, чтобы ты сказал мне, что, черт возьми, происходит, Хантер. Если ты хочешь, чтобы я был только с тобой и Изабель, я так и сделаю.

— Правда? Ты будешь исключительным? Никаких других людей?

С моих губ сорвался раздраженный смешок. — Да, хочешь верь, хочешь нет, но я могу перестать быть такой шлюхой для тебя.

— Ты же знаешь, я не это имела в виду.

— Да, ты имел в виду, но это нормально. Потому что всю нашу жизнь я следовал за тобой. Я оставался рядом с тобой, никому не уделяла больше своего времени, потому что сам этого хотел. И теперь, когда ты действительно получил меня... всю меня, что ты собираешься делать?

Его ноздри раздуваются, когда он смотрит на меня, выглядя одновременно нервным и расстроенным, слишком много демонов внутри него, чтобы позволить ему быть таким.

— Ты ведь понимаешь, что все гораздо сложнее, Дрейк? Мы с Изабель женаты. Это не значит, что мы можем просто...

Я смеюсь. — Что просто? Начать трахать своего лучшего друга и ожидать, что он будет посвящать себя только тебе, ничего не получая взамен.

— Дрейк, прекрати.

— Нет. Это херня какая-то. Я понял. Ты не хочешь, чтобы я трахал других людей и одновременно трахал твою жену, но это не значит, что я тоже принадлежу тебе.

Моя кровь закипает, и я чувствую, что готов взорваться. Я чувствую, что меня загоняют в угол по сценарию, который заставляет меня чувствовать, что я как-то не так поступаю, что я вообще злюсь.

— Тогда скажи мне, что делать, — говорит он с таким видом, будто может сдаться. И на мгновение мне становится жаль его, моего сломленного, испуганного друга. Когда Хантеру трудно, он борется. Я знаю это о нем, но сейчас мне нужно, чтобы он боролся за меня.

Я минуту не отвечаю, потому что... я не должен ему говорить. Изабель разбирается в этом гораздо лучше меня. Она точно знает, что сказать и как заставить его встретиться ее на полпути, а я — нет.

— Скажи мне, что делать, Дрейк, — говорит он на этот раз немного громче.

Я опускаю взгляд, и меня охватывает осознание. Я мог бы дать Хантеру точные инструкции и вложить слова в его уста, но что тогда? Он не изменится, если я сделаю это за него.

Я ненавижу то, что это значит. Это меня убивает. Но Силла была права. Хантер живет за стеной, которая обеспечивает его безопасность, но не делает уязвимым. И пока он не выйдет из-за этой стены, он никогда не освободит место для меня в своей жизни. Не так.

Я превратился из его лучшего друга в его дружка-трахаря.

Раздается стук в дверь. Если мы не будем осторожны, то привлечем подозрения. Поэтому я отпираю дверь и смотрю на Хантера. Он все еще ждет ответа, но у меня для него ничего нет. Эта часть за ним.

— Я не знаю, — говорю я, открывая дверь, и мимо меня проходит незнакомый мужчина. — Просто исправь это.

И с этим я выхожу из ванной. Затем, быстро попрощавшись со столиком и обеспокоенной Изабель, я выхожу из бара.

Но это недостаточно далеко. Что-то подсказывает мне, что даже новая квартира и новая работа все равно не помогут избежать того ущерба, который мы нанесли.

Правило № 33: Исправь это

Хантер

Мастер-класс переполнен. Он заполнился за считанные минуты, и у нас уже есть заявки на участие, что замечательно, но пока я стою в конце комнаты и наблюдаю за разговором Дрейка с Силлой, мне трудно сосредоточиться на семинаре. Вместо этого я размышляю, могу ли я предложить Силле место в Salacious на полный рабочий день, даже если это означает, что мне придется наблюдать за тем, как она флиртует и дружит с мужчиной, которого я люблю.

Я знаю, что, хотя он и улыбается своей яркой, кокетливой улыбкой, он не счастлив. Не совсем.

Изабель постоянно смотрит в мою сторону. Она следит за моей реакцией. Не знаю, может, она ждет, что я сломаюсь.

Черт, может, я жду, когда сломаюсь.

С тех пор как в четверг в ванной произошла небольшая ссора, Дрейк со мной практически не разговаривает. Ничего, кроме рабочих разговоров о сегодняшнем семинаре.

Изабель тоже со мной почти не разговаривает. Я в одиночку разрушаю два самых важных отношения в моей жизни и не знаю, как это исправить. Он просто сказал "исправить", как будто это так просто. Как будто я знаю, что, черт возьми, теперь делать. Он хочет, чтобы я стал бисексуалом. Хорошо, а это действительно улучшит ситуацию? Разве это не большой шаг для меня? Но действительно ли я бисексуален, ведь пока что он единственный мужчина, на которого я хотел бы положить свой рот. Так какое ему дело до того, откроюсь ли я?

Только вот я знаю, что это имеет значение. Это важно, потому что пока я не приму себя таким, каким я есть, я не смогу принять его. Пока я не избавлюсь от ненависти и невежества, которые привил мне отец, Дрейк никогда не сможет по-настоящему доверять мне.

Изабель снова смотрит в мою сторону, как будто читает мои мысли.

— Эй, Иззи, иди сюда, — зовет Дрейк, отвлекая ее внимание от меня. Она пересекает комнату, тихо обсуждая что-то с двумя другими, в то время как зал продолжает заполняться, и посетители начинают занимать свои места за столами. Семинар начнется через несколько минут.

Каждые несколько минут Изабель бросает осторожный взгляд в мою сторону, затем возвращается к ним, чтобы продолжить разговор. С напряженным выражением лица она кивает. Я стоически стою, когда она оставляет их разговор и направляется ко мне.

— Силла просит меня помочь с демонстрацией, — осторожно шепчет она.

— С Дрейком?

Она кивает, глядя на меня с овечьим выражением в глазах.

— Конечно. Думаю, это отличная идея, — вру я. Как будто от того, что я снова увижу их на сцене, эта и без того напряженная ситуация станет лучше.

— Хорошо. — На мгновение застыв на месте, я замечаю, как она пожевывает губу и наблюдает за мной, как будто ждет, что я скажу еще. — Знаешь... если ты хочешь подняться

туда вместо Дрейка...

— Нет, — оборвал я ее. — Я ужасен в этом. Дрейк лучше.

— Это нормально, что у тебя плохо получается. Мы должны учиться.

— В любом случае, вы двое лучше смотрите вместе, — отвечаю я, и ее дыхание сбивается, когда она смотрит на меня.

— Изабель, ты готова? — зовет Силла, но моя жена долго не может оторвать от меня взгляд. Наконец, она бросается на сцену вместе с Силлой и Дрейком и наклеивает такую же фальшивую улыбку, как и Дрейк.

Я молча стою в глубине зала и смотрю на нее с отсутствующим выражением лица. В отличие от прошлого раза, наблюдение за тем, как Дрейк и Изабель прикасаются друг к другу, не вызывает у меня ничего, кроме чувства пустоты. Они не исключают меня. Я исключаю себя.

В разгар моей внутренней вечеринки жалости глубокий голос шепчет мне сзади. — Я бы назвал это успехом.

Я поворачиваюсь и вижу Эмерсона Гранта, который осматривает толпу. От его слов у меня в груди поднимается чувство гордости.

— Да. Люди просят еще.

— Не сомневаюсь. Тебе как-то быстро удалось все это организовать. Ты должен гордиться, Хантер.

— Я горжусь, — отвечаю я, поворачиваясь к нему, но мои слова выходят плоскими.

— Тогда почему ты дуешься?

— Я не дуюсь.

Даже я слышу, как быстро я ответил.

Он переключает свое внимание на Изабель и Дрейка, дарит ей быструю, теплую улыбку, которую она вежливо возвращает из передней части комнаты. Затем он смотрит на меня.

— Почему он там, а не ты?

— У него это лучше получается, — отвечаю я.

Кивнув, Эмерсон хмурится, между его бровей образуется складка. — Ну, они действительно хорошо смотрятся вместе.

Я заставляю себя сглотнуть, внутри меня борются ревность и глубокое влечение. — Да, смотрятся.

— Я бы сошел с ума, если бы Шарлотта была так близка с кем-то другим — особенно с Дрейком.

Я вздрагиваю и поворачиваю голову в их сторону.

— Эмерсон, — огрызаюсь я. Ближайшая к нам пара поворачивается в нашу сторону, но Эмерсон просто улыбается им, и они теряют интерес к нашему тихому разговору.

— Между ними ничего нет, если ты на это намекаешь, — шепчу я почти беззвучно, срывающимся тоном.

Но он даже не удосуживается посмотреть на меня скептически, потому что выражение его лица говорит само за себя — он знает. Ровно и безразлично закатив глаза, он вытаскивает меня в коридор. Я жду, что он будет спорить, но он не спорит.

— Сегодня утром Дрейк сказал мне что-то странное, — говорит он, поправляя галстук, и я напрягаюсь. — Он спросил, есть ли у меня еще какие-нибудь проекты для клуба, которые нужно завершить до конца месяца.

Я заставляю себя сглотнуть, не выглядя ни удивленным, ни встревоженным — а ведь

так оно и есть.

— Ты не знаешь, есть ли у него планы уйти или взять другой контракт? — спрашивает он, когда я не отвечаю.

— Нет.

Аплодисменты, сопровождаемые охами и ахами, заполняют комнату позади меня, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть Изабель, снова обхватившую Дрейка; на этот раз ее руки связаны над головой. Они улыбаются друг другу, между их взглядами проскальзывает напряжение.

— Мне бы не хотелось его терять, — тихо говорит Эмерсон, и я поворачиваюсь к нему лицом, нахмутив брови. Он улыбается. — Я знаю, что вы все считаете меня не самым большим поклонником Дрейка, но это только потому, что он чаще всего нажимает на мои кнопки, но он делает хорошую работу. И мне нравится, когда он рядом. Даже если я — мудака, который недостаточно часто говорит об этом. Я должен делать это лучше.

С этими словами он просто... уходит, а я остаюсь стоять, потеряв дар речи. Я уверен, что он понятия не имеет, почему эти слова так сильно заделали его, но я не могу удержаться от раздражения по поводу того, насколько правильно он говорит.

Вернувшись в комнату, я наблюдаю за остальной частью демонстрации, а Силла подходит к каждому столу, инструктируя различные пары и группы. Изабель и Дрейк делают то же самое, их глаза чаще всего находят друг друга, и я не вижу на их лицах того напряжения, которое было раньше. То самое напряжение, которое я чувствую сейчас.

Как бы мне хотелось стереть всех упрямых демонов, которые так мешают мне. Я хотел бы стать именно тем, кто им нужен, — человеком, способным принять себя таким, какой он есть, не испытывая при этом трудностей, человеком, не боящимся сказать всему миру, что он любит двух людей и хочет их обоих. Но они не понимают, что мои недостатки — это не мой выбор, они заложены в ДНК самого моего существования. То, что нас разделяет, вплетено в мою сущность, и если я разберусь с этим, я не знаю, что от меня останется.

И вот тут-то меня осеняет решение.

Оно обрушивается на меня, как приливная волна, опуская меня на дно океана. Потому что теперь я знаю, как все исправить, и это значит исключить себя из уравнения.

Я попросил Дрейка отвезти Изабель домой, притворившись, что у нее болит голова. Она предложила поехать со мной, но они улыбались и веселились с Силлой и остальными членами команды, и я не мог вынести мысли о том, чтобы положить этому конец. К тому же мне нужно было сначала попасть домой. Так будет проще.

Стоя в своей комнате, я думаю о своем отце. И в голове всплыло очень отчетливое воспоминание. Мне было где-то между детством и взрослой жизнью, лет двенадцать. Это был почти хороший день, когда он был чуть более трезв, чем в остальные дни, и он, и моя мама могли спокойно переносить вид друг друга. Они взяли меня на пляж в мой первый день летних каникул, и я помню, как подумал, что именно в этот день все станет лучше. Если бы я просто не злил его, у него не было бы причин бить меня. Если бы мама продолжала улыбаться, они бы не разошлись, и она бы не ушла. Если бы все оставалось так, как было в тот день, то все было бы хорошо.

Мы плескались в волнах, и я улыбался, глядя, как они целуются в воде. Это был момент совершенного покоя.

Вдалеке, недалеко от нас, на песке припарковалась пара с полотенцами. И как только они распаковали свой зонтик, в моем сердце поселилось чувство обреченности. Я мысленно умолял их ничего не делать. Не прикасаться друг к другу. Не разговаривайте слишком спокойно. И уж точно, пожалуйста, не целуйтесь.

Эти двое мужчин даже не подозревали, что собираются испортить весь мой прекрасный день. Хотя, наверное, это мой отец его испортил — теперь я это понимаю. Но в моем подростковом мозгу это была их вина.

Один взгляд на них, и отец все понял. Этого было достаточно, чтобы он рявкнул на нас, чтобы мы собирали свои вещи. Достаточно, чтобы перед уходом он пробормотал что-то гадкое в их сторону. Достаточно, чтобы в тот момент я пообещал себе, что, несмотря ни на что, я никогда, никогда не позволю себе быть похожим на этих людей.

Я задыхался от этого обещания каждый день своей жизни. Даже после его смерти двенадцать лет назад. Даже после того, как тот идеальный день превратился в очередной ежедневный кошмар с его пивным запахом и синяками от ремня. Это дурацкое обещание стало моим проклятием.

Глупое детское восприятие осталось со мной с возрастом, как плохо сидящий костюм, который впился в мою психику. Я не могу избавиться от того, что чувствовал в детстве. Но теперь я могу это исправить.

Потому что я действительно люблю Дрейка. Даже если пока не могу сказать об этом вслух. Я люблю этого человека так же сильно, как свою жену, и я должен был говорить ему об этом все это время. Вместо этого я держал его в плену своей любви — но теперь этому пришел конец.

Я даже не знаю, который час, когда они наконец входят в дверь, но я встречаю их в гостиной с собранными сумками. Изабель застывает на пороге и смотрит на меня расширенными глазами, когда замечает вещевой мешок у моих ног.

Дрейку требуется еще мгновение, чтобы понять, что происходит.

У меня болит горло от эмоций, которые я так долго подавлял. Но один взгляд на ее лицо, наконец, делает это так сильно, что я чуть не ломаюсь.

— Куда ты идешь? — пробормотала она, и слезы уже наполнили ее прекрасные зеленые глаза.

Все в порядке. Ничего.

— Я собираюсь пожить некоторое время у Мэгги. У нее есть для меня комната для гостей.

Лицо Изабель искажается от шока и растерянности, милые веснушки на щеках теряются в румянце гнева. — Что? Почему?

Дрейк стоит за ее спиной, не отводя взгляда, ожидая моего ответа.

— Ты сказал мне все исправить, — говорю я ему. — И я понял, что единственная часть, которая сломана, — это я. Это у меня есть дерьмо, которое нужно преодолеть, и демоны, с которыми нужно бороться, и пока я не смогу этого сделать, я не смогу дать вам обоим то, что вам нужно от меня.

Ноздри Изабель раздуваются, она борется с желанием заплакать. — Так ты просто уйдешь?

— Я не думаю, что смогу сделать это, пока мы вместе. Я хочу, чтобы вы двое были счастливы вместе, и дайте мне время, которое мне нужно, чтобы разобраться в этом.

— Мы... расстаемся? — спросила она с хныканьем.

Страх, прозвучавший в ее голосе, пронзил меня до глубины души. — Нет, Рыжая. Мы не расстаемся. Я возвращаюсь.

— К черту это, — огрызается Дрейк, отходит дальше в дом и начинает шагать, погрозив пальцем в мою сторону. — Этого не исправить.

— Да, это так, Дрейк.

— Нет, не исправляет, черт возьми, — рявкает он. — Ты убегаешь.

— Я убегаю? Скажи мне правду, — отвечаю я, глядя на него. — Ты думал уйти из клуба? Ты думал уйти в другой клуб? В другой штат?

Когда он не отвечает, это становится очевидным. В ответ Изабель задыхается. — Что?

— Эмерсон сказал мне, что ты разговаривала с ним сегодня утром. Наверняка Силла предложила тебе работу в Новом Орлеане. Я знаю тебя лучше, чем ты сам себя знаешь, Дрейк.

— Ты уезжаешь? — прошептала она.

Он смотрит на нее с сочувственным выражением, плечи его поникли, а рот опустился. — Нет. Я не уйду.

Она отпускает все это и делает один легкий вздох, прежде чем страдание берет верх и она начинает плакать всерьез. Идя на кухню, она стоит ко мне спиной и рыдает, уткнувшись в руки, и мне так больно, что я ненавижу себя за все, что я натворил.

Я не могу прикоснуться к ней. Если я это сделаю, то рассыплюсь. Сейчас ей нужно, чтобы я был сильным. — Я делаю это, чтобы стать лучше для тебя. Для вас обоих. Когда я просил о том, что сделал, я и представить себе не мог, что дойдет до этого, но я не могу ничего исправить, и мы не можем сделать вид, что этого не было. Так что либо я разберусь в себе и вернусь, чтобы дать вам обоим то, что вы заслуживаете, либо мы будем продолжать в том же духе, и в итоге пострадаете вы оба.

Она снова всхлипывает, берет со стойки салфетку и прижимает ее к глазам. Дрейк тоже наблюдает за ней из гостиной, и я бросаю на него умоляющий взгляд. Он сразу же понимает, потому что через мгновение идет к ней. Положив руку ей на спину, он успокаивает ее. Она не двигается в его объятиях и не признает его. Она просто плачет.

— Как долго? — спрашивает Дрейк.

— Пару месяцев. Мэгги сказала, что я могу оставаться здесь столько, сколько мне нужно.

Изабель плачет еще громче.

Больше я ничего не могу сказать. Я уже сказал все, что нужно, но теперь я должен выполнить свое обещание и все исправить. А это значит, что я должен уйти.

Правило № 34: Когда у тебя остались только воспоминания, воспоминания не помешают

Изабель

Еще долго после того, как входная дверь закрывается, я стою на кухне и позволяю опустошению поселиться, как наркотику. Я действительно не должна быть удивлена. Я знала, что мы не можем продолжать в том же духе. Хантер так долго избегал так многого. Мы не могли продолжать в том же духе.

После закрытия входной двери я стою на кухне, и опустошение действует на меня как наркотик. Я не должна была удивляться. Я знала, что мы не можем продолжать в том же духе. Хантер так долго избегал многого. Мы не могли продолжать в том же духе.

Но я не ожидала такого развития событий. Я не ожидала, что он нас бросит.

Дрейк некоторое время стоит у меня за спиной, но потом все-таки отходит, чтобы налить себе выпить.

Я не могу больше стоять здесь, поэтому тащу себя вверх по лестнице. Онемев, я снимаю с себя одежду и смотрю на его футболку, которую он, должно быть, надел сегодня утром. Со слезами на глазах я стягиваю ее через голову и позволяю его запаху поглотить меня. Затем я заползаю в свою пустую кровать, прижимаясь к боку, и слезы продолжают падать, пачкая подушку.

Я перебираю в памяти все моменты, которые привели к этому. Начиная с того момента, когда десять лет назад Хантер подошел ко мне в библиотеке. Я погружаюсь в воспоминания, пытаюсь вспомнить, что именно я чувствовала в тот момент.

— *КАК ЭТО?* — шепчет его темный голос сквозь стеллажи. Я прислоняюсь к стене уже на полпути к книге, которую я достал с полки час назад. Это не та книга, которую я хотела найти, но похожая и такая же хорошая.

— *Что?* — отвечаю я. Его темно-карие глаза смотрят поверх ряда романтических романов. С этими темными кругами и исхудавшими скулами он выглядит как неприятность. Я напрягаюсь, когда он продолжает идти по проходу, выходя, чтобы встать передо мной. Я видела этого парня. Он часто задерживается за углом с тем высоким симпатичным мальчиком, но сейчас от его друга не осталось и следа.

Каждый день они здороваются со мной. А я все жду, когда кто-нибудь из них сделает шаг.

— *Как твоя книга? Я никогда не видел, чтобы кто-то был так увлечен книгой.*

— *Ты редко бываешь в библиотеке, не так ли?* — спрашиваю я.

Улыбка, растянувшаяся на его лице, пугает меня. Это такая улыбка, ради которой я готова на очень плохие поступки. Улыбка, которая сияет, как предупреждение. Но когда она исчезает и его взгляд останавливается на моем лице, я чувствую, что купаюсь в его внимании. Оно не хищное и не пугающее. Скорее, это благоговение и признательность.

— *Нет, я не часто сюда прихожу, но теперь думаю, что стоит.*

— *Чтобы подцепить девушку?* — отвечаю я, стараясь не покраснеть.

— Чтобы поговорить с тобой.

— Это плохой план, — отвечаю я.

На мгновение он выглядит шокированным, ерзая на своем месте. — Почему?

— Потому что я прихожу сюда читать, и если ты будешь приставать ко мне во время чтения — какой бы симпатичной ты ни была, — ты мне очень не понравишься.

Он прикусил нижнюю губу и снова усмехнулся. — Ты думаешь, я симпатичная?

Я хихикаю, и одна из библиотекариш строго смотрит в нашу сторону.

— Тогда пойдём в другое место, — говорит он, и я закатываю глаза. Если он пытается просто залезть ко мне в штаны, то я буду разочарована. То есть... я понимаю. Он парень двадцати лет. Конечно, он хочет залезть ко мне в штаны. Но не слишком ли многого я прошу, чтобы я была интересна ему как личность?

— Нет, спасибо, — отвечаю я, снова поднося книгу к лицу.

— Ладно, хорошо. Тогда выбери для меня книгу.

Я снова хихикаю — что на меня нашло?

— Для чего?

— Для меня, чтобы я читал... конечно. Я больше не буду тебе мешать. Я просто буду сидеть здесь и наслаждаться хорошей книгой.

— Ты неумолим, не так ли?

— Обычно я получаю то, что хочу.

Я вздохнула. — Если я дам тебе свой номер, ты позволишь мне дочитать эту книгу?

— С радостью.

— Вот, — пробормотал я, доставая свой телефон. — Дай мне свой номер.

Когда он это делает, я отправляю ему быстрое сообщение, в котором нет ничего, кроме эмодзи с красным сердечком и стопки книг.

— Я сохраню тебя здесь как Рыжую, но могу я узнать твое настоящее имя?

— Изабель.

— Изабель..., — говорит он, пробуя его на язык.

— А твое? — спрашиваю я.

— Хантер, твой будущий парень. Нет... твой будущий муж.

На этот раз я смеюсь так громко, что библиотекарь сердито шикает, и я закрываю рот рукой.

— Почему ты смеешься?

— Это немного перебор, тебе не кажется?

— Нет, — отвечает он с обиженным видом. Затем он наклоняется и меняет мое представление обо всем. Заглушая все вокруг, он шепчет: — Обычно я так не делаю. Я не разговариваю с женщинами и не пристаю к случайным девушкам в библиотеках. Я даже не люблю заводить разговоры, но я готов на все это, лишь бы узнать тебя поближе. Я готов на все, чтобы узнать тебя. Это не излишество. Это судьба.

Из воспоминаний меня выдергивает звук поднимающегося по лестнице Дрейка. Когда он проходит мимо моей открытой двери, я окликаю его.

— Поспи здесь. Пожалуйста.

Его шаги замирают в коридоре. Мгновение спустя свет гаснет, и он настежь распахивает дверь спальни. Он тихонько прокрадывается в комнату.

— Ты уверена? — шепчет он.

Я не отвечаю. Я просто тянусь к нему.

Не говоря ни слова, он снимает с себя одежду и ложится рядом со мной на кровать. Я прижимаюсь к нему, использую его руку как подушку и вдыхаю его знакомый запах. Это не Хантер, но это буквально самое близкое, что у меня есть на данный момент. Этого достаточно, чтобы слезы высохли.

— Он возвращается, — шепчет он. — Он не смог бы держаться от тебя подальше, даже если бы попытался.

— А что, если нет? — спрашиваю я, мой голос дрожит.

— Это невозможно, Изабель. Ты — весь его мир. Ты никогда не видела, как он изменился ради тебя, но я видел. Он сделал все, что мог, чтобы заслужить тебя.

— А теперь он делает это, чтобы заслужить тебя, — тихо отвечаю я в пространство между его шеей и плечом. Дрейк напрягается.

— Я не должен был все усложнять. Это все моя вина.

Я откидываю голову назад и смотрю на него. — Ты сделал только то, о чем он тебя просил.

— Я подтолкнул его. Я делал определенные вещи... только для того, чтобы заставить его ревновать. Я знал, что я делаю, и я знал, что он не готов.

— Не вини себя.

— Думаю, пока ты была для него всем миром... он был моим.

Мое сердце разрывается на части, когда я смотрю на него. Мой милый, открытый Дрейк. Он провел всю свою жизнь, любя человека, одержимого кем-то другим — кем-то, кто был у меня. Как же он не ненавидит меня?

Потому что Дрейк такой, какой он есть. Может быть, он слишком много отдает своего тела и внимания, но его сердце всегда было верным.

Не имея абсолютно никаких мотивов, я обхватываю рукой его шею и притягиваю его рот к своему — простой поцелуй с закрытым ртом, просто чтобы я могла вдохнуть его. Когда наши рты расходятся, он целует мой лоб и притягивает меня ближе. Мы лежим так до тех пор, пока сон не забирает нас, и мои сны не возобновляют мои воспоминания в библиотеке.

Правило № 35: Не бойся перемен. Обычно все возвращается на круги своя

Дрейк

Два месяца спустя

Я думаю, что мой член может отвалиться. Как долго человек может обходиться без секса, прежде чем это станет реальной проблемой? Я драматизирую, я знаю, но последние два месяца были тяжелыми. И не только потому, что я не засовывал свой член ни во что, кроме кулака, но и потому, что пропал маленький кусочек моей жизни.

Ладно, большого кусочка.

Мы с Изабель вошли в привычную колею. В основном, я думаю, она справляется. Я работаю весь день, заканчиваю дела, чтобы заполнить время, когда я нужен в клубе. Она преподает каждый вечер. Единственное время, когда мы действительно видим друг друга, — это когда она входит в дверь в девять часов после того, как закрывает свою студию.

Мы ведем светскую беседу, вместе что-нибудь едим, а потом заползаем в ее кровать, где я прижимаю ее к себе, пока она не заснет, иногда плача, хотя уже не так часто.

В клубе я видела Хантера всего два раза, и мы не разговаривали друг с другом. Это было мимоходом, когда я чинил замок на одной из дверей. Могу только предположить, что вся команда Salacious следит за нами, хотя если им и интересно, то они меня не спрашивали.

И, насколько я знаю, с Изабель он общался только по телефону. Она его вообще не видела.

Я знаю, как тяжело мне дается его отсутствие, и могу только представить, насколько тяжелее ей. Праздники быстро приближаются, и наше терпение на исходе. Он должен сделать шаг в ближайшее время, пока мы все не сошли с ума.

Поздним воскресным днем я возвращаюсь из спортзала, бросаю сумку у подножия лестницы и направляюсь на кухню, когда слышу сопение наверху. Я замираю, держась рукой за перила, и прислушиваюсь в тишине, не обманывают ли меня мои уши. Затем я слышу его снова.

Черт.

Делая по два шага за раз, я поднимаюсь по лестнице и следую за звуком, пока не оказываюсь в дверном проеме главной ванной комнаты. Я с открытым ртом смотрю на Изабель. Она стоит перед зеркалом, по ее щекам текут слезы, а волосы стали короче, чем утром.

— Я просто хотела перемен, но я ненавижу это, — всхлипывает она.

Ее обычно длинные, ярко-медные волосы теперь уложены свободными волнами вокруг плеч. Я признаю, что перемена неожиданная, и к ней нужно привыкнуть, но она все равно чертовски великолепна.

— Эмм...

Я заикаюсь, и ее лицо сжимается от страдания, когда она снова начинает плакать. Черт, я плохо разбираюсь в этом. У меня никогда в жизни не было длительных отношений. И вдруг

два месяца назад меня втянули в них.

Я не был готов к такому домашнему уюту. Раньше я выгонял девушек до рассвета, а теперь мое полотенце висит на крючке рядом с ее, а моя одежда больше не лежит в одиночестве в собственном шкафу. Все это очень ново для меня.

— Не плачь... — говорю я, направляясь к ней с распростертыми объятиями. — Ты прекрасно выглядишь, Из.

Она позволяет мне обнять ее, но сердце ее не принимает этого. — Ты просто так говоришь. Ты ненавидишь это.

— Что? — Я огрызаюсь. Затем я поворачиваю ее так, чтобы она могла видеть себя. — Посмотри на эту потрясающую женщину. Да, перемены разные, но ты просто охренела, если думаешь, что сейчас не выглядишь просто охренительно.

Ее плечи опускаются. — А что, если ему это не нравится? Что, если ему не хватает моих длинных волос?

Боль в ее голосе излучается, пронизывая меня насквозь. Я не могу с этим смириться. Мне нужно это исправить.

Наклонившись, я открываю нижний ящик, перебираю случайные вещи, оставленные Хантером, пока не нахожу то, что ищу. Я знал, что у него был один. Я быстро достаю его вместе с длинным черным шнуром. Когда я подключаю его к сети, она с любопытством наблюдает за мной.

Проверив настройки, я установил их на что-то среднее — не слишком короткое. Затем я быстро включаю прибор и провожу ножницами по середине головы.

Изабель издает пронзительный вопль.

— Дрейк! Что ты делаешь? — кричит она, когда большая часть моих золотисто-блондинистых локонов падает на пол.

— Это просто волосы, детка. И я просто решил, что мне тоже нужны перемены. Так что... давай оба будем выглядеть по-другому, когда он вернется.

Она прикрывает рукой рот, наблюдая за тем, как я снимаю волосы с головы. Я не могу вспомнить, когда в последний раз мои волосы были такими короткими. Это было до появления Изабель, так что это все, что она знает. Волосы не сострижены до головы, я оставил несколько сантиметров. И мне нравится, как они ощущаются, когда я провожу по ним рукой. Освежающее и легкое.

У меня уходит всего несколько минут, и когда я убираю все, что могу, она помогает мне с обратной стороной. Наконец, мы остаемся с беспорядком на полу и двумя совершенно новыми людьми, смотрящими на свои отражения.

Ее слезы высохли, и я замечаю, что она даже улыбается.

— Мне нравится, — говорит она.

Глядя в зеркало, я оцениваю ущерб. Неплохо. Думаю, длинные волосы мне нравятся больше, но перемены приятны.

— Да, мне тоже.

Наши улыбки начинают угасать, когда мы смотрим друг на друга, и по мере того, как ее выражение лица становится все более голодным, я пытаюсь подавить вожеление, которое начинает нарастать во мне. Я не перейду эту черту с Изабель, не без него.

Но то, как она смотрит на меня сейчас...

Без предупреждения она поворачивается ко мне, хватая меня за лицо и притягивает к себе для голодного поцелуя. Обхватив ее за талию, я целую ее в ответ, мой язык проникает

между ее губами и нежно трется о ее губы. Она задыхается, впиваясь в мой рот.

— Дрейк, — задыхается она, и я быстро поднимаю ее за бедра и кладу на стойку в ванной. Ее ноги обхватывают мою талию и трутся об уже напряженную эрекцию в моих спортивных шортах. Мои пальцы путаются в ее коротких волосах, и я глубоко целую ее, а ее руки бегут по моим бокам.

Когда наши губы расходятся, она тянется к подолу моей рубашки, и я напрягаюсь. — Детка... мы не можем.

— Нет, мы можем, — шепчет она.

Боже, кто я такой? Отговариваю женщину от секса? Женщину, которую я хочу больше всего на свете.

Она прижимается ко мне, стонет от трения, явно такая же возбужденная и нуждающаяся в сексе, как и я. Черт, я недостаточно силен для этого.

— Изабель... — простонал я, пытаюсь отстраниться.

Внезапно она берет мое лицо в свои руки и притягивает меня ближе, так что мы оказываемся в нескольких сантиметрах друг от друга. — Мы важны, Дрейк. Ты и я. Он оставил меня с тобой не просто так, и это не потому, что он верит, что ты не будешь меня трахать.

— Я не хочу быть таким парнем, который трахает девушку своего лучшего друга, — отвечаю я.

Она отстраняется и смотрит на меня с намеком на удивление на лице. — Я думала, ты сказал, что я твоя девушка.

— Ты...

И вдруг все стало понятно. Всю свою жизнь я говорил себе, какой я негодяй, и это было самоисполняющимся пророчеством: я жил между простынями, потому что считал, что именно этого заслуживаю. Но как давно я хотел этих двух людей, и никогда не действовал в соответствии с этим. Никогда.

И вдруг я не хочу Изабель по тем же причинам, что и секунду назад. Не ради секса, а ради многого другого.

Закрыв пространство между нами, я притягиваю ее лицо к своему, прижимаюсь лбом к ее лбу, глядя ей в глаза. — Я люблю тебя, Изабель.

Она выпускает крошечный вздох, крепче прижимаясь ко мне. Затем ее глаза наливаются влагой, она кивает и шепчет в ответ: — Я тоже тебя люблю.

Мой рот снова находит ее рот, жаждущий соединения, и она отвечает на мой поцелуй своим собственным, сильным и тяжелым от эмоций. На этот раз, когда она стягивает с меня рубашку, я позволяю ей скользить по моему телу, прерывая наш поцелуй только на то время, когда нам нужно раздеться.

Когда она тянется к поясу моих шорт, я позволяю ей стянуть их, а сам быстро приподнимаю ее настолько, чтобы она могла снять свои, и мы остаемся голыми вместе. И дело не в сексе, не в возбуждении и даже не в моем члене. Когда я проскальзываю между ее ног, вжимаясь в скользкое тепло, речь идет о гораздо большем, чем секс.

Дело в нас, как она и сказала. Наши тела соединяются, потому что наши души жаждут этого. Я легко скольжу внутри Изабель, позволяя ее стонам удовольствия наполнить меня удовлетворением.

— Боже, я так люблю тебя.

Я стону ей в рот.

— Детка, — плачет она, обхватывая меня руками за шею и прижимая к себе. Зацепив рукой ее колено, я проникаю в нее еще глубже. Отдаваясь ей, я позволяю ей взять меня так далеко, как только могу, погружаясь в глубины не только ее тела. И я остаюсь там, утопая в ее тепле, с ее сердцебиением, бьющимся о мое.

Затем я облегчаюсь и снова вхожу в нее, достаточно сильно, чтобы она завизжала и забила, как кошка во время течки, отчаянно желая большего.

Снова взяв мою челюсть в руки, она устремляет свой жесткий взгляд на мое лицо. — Трахни меня, и не останавливайся.

Я так и делаю. Как на волне, я вхожу в нее с такой скоростью, что мы оба стонем и рычим друг другу в рот. Мы плывем по реке как одно целое. Наши приглушенные крики отражаются от каждой поверхности этой ванной комнаты, и я хотел бы трахать ее вечно, но удержать такой ритм будет невозможно.

Прежде чем потерять контроль над собой, я отстраняюсь от ее поцелуя, чтобы взглянуть вниз, где ее прекрасное тело принимает мое. Она откидывается назад, наблюдая за тем, как я смотрю на то место, где мой член исчезает внутри нее.

— Я так хочу кончить в тебя, — произношу я с жадным ворчанием.

— Наполни меня, Дрейк. Отметь меня как свою.

Черт возьми. От ее слов у меня по позвоночнику пробегает дрожь, и мои бедра начинают работать сами по себе, толкаясь так сильно, что она едва не ударяется головой о зеркало. Опираясь одной рукой на стойку, она другой наматывает нежные круги вокруг своего клитора. Движения ее пальцев приводят меня в восторг.

— Ты моя, — кричу я, дико трахая ее, пока она кричит. — Моя девочка.

Я знаю, когда наступит ее оргазм, потому что ее позвоночник становится жестким, а бедра сжимаются, как тисками, на моих бедрах. А из ее рта вырывается беспорядочная смесь звуков и ворчания.

Я еще раз погружаю в нее свой член, прежде чем он начинает пульсировать, наслаждение захлестывает меня, когда я изливаюсь в нее, пульсируя так долго, что я боюсь, что это никогда не прекратится.

Мы остаемся вдвоем, задыхаясь и потея, и я остаюсь в ней до тех пор, пока могу. Мне не хочется покидать ее тело, но я улыбаюсь ей в плечо, зная, что теперь я официально пометил ее. Я не забираю девушку своего друга. Я забираю свою — нет, *нашу*.

Правило № 36: Никогда не бывает так трудно, как кажется

Хантер

Рэй Томас Скотт

Отец — Муж — Брат

Умер в возрасте 62 лет

Согласно надгробному памятнику, он был просто отцом — без всяких указателей, чтобы уточнить, каким именно. Я очень надеюсь, что мой хотя бы назовет меня любящим.

Мэгги предложила мне приехать сюда, думаю, для того, чтобы закончить разговор. Она предложила мне написать ему письмо или сказать несколько слов, чтобы выразить то, что я хотел бы сказать ему, если бы он был жив. Но, честно говоря, мне и так трудно открыться живым людям, так что идея говорить с куском камня, положенным на гниющий труп и какую-то грязь, для меня немного чересчур.

Так что просто посижу здесь. Сидеть и думать.

Думать о том, как я был безумен, полагая, что двух месяцев будет достаточно, чтобы исправить весь тот ущерб, который нанес этот человек. Хотя это было начало. Достаточный перерыв, чтобы я понял, что больше так жить не могу.

Но это время, проведенное в одиночестве, помогло. Оно дало мне время поразмыслить, почувствовать, какова моя жизнь без них, и вывести себя из душевного равновесия, в котором я находился. И больше всего это помогло мне понять одну очень важную вещь.

Я не могу жить без них и не собираюсь.

Но я не собираюсь возвращаться к ним с пустыми руками. Я хочу показать им прогресс, потому что именно этого они заслуживают. А это значит, что мне нужно смириться с этим, преодолеть свой страх самовыражения и больше не позволять этому человеку — этому мертвецу — управлять моей жизнью.

Итак, я здесь, чтобы попросить прощения. Но мне хочется сказать что-то еще.

— Я бисексуал, — промурлыкал я вслух, удивив даже саму себя.

О, черт, это было приятно.

— Что ты об этом думаешь, придурок? Я бисексуал и люблю мужчину.

Смех срывается с моих губ, когда я смотрю на слово, высеченное на камне. Мох и гниль уже начали давать о себе знать. Внизу прорастают сорняки, потому что он был слишком большим мудаком, чтобы позаботиться о том, чтобы люди ухаживали за его могилой после того, как его не станет.

Я не повторю этой ошибки.

— Боже, надеюсь, ты сейчас катаешься в своей могиле. Черт, хотел бы я сказать тебе это, когда ты был жив. Уверен, ты бы так разозлился. Могу только представить, как бы ты меня обозвал. Может быть, ты даже попытался бы ударить меня за это. Но ты был бы слишком болен и слаб, чтобы одолеть меня, и мне было бы очень приятно наблюдать за твоими попытками.

Черт... ладно, похоже, я могу поговорить с могилой. Я быстро поворачиваюсь, чтобы убедиться, что я действительно один, и так оно и есть, чтобы не чувствовать себя таким чудачком из-за того, что я это сделал. Я чувствую себя легче, как будто что-то сняли с моей груди.

— Может быть, если бы ты не был таким засранцем и лучше заботился о себе, ты мог бы встретиться с ними. Может быть, ты бы гордился мной. У меня прекрасная жена и чертовски классный... парень? Я не знаю, как его сейчас называть, но в любом случае мне повезло, что у меня есть два потрясающих человека, которые хотят быть со мной, и я очень надеюсь, что я не испортил все из-за тебя.

По маленькому кладбищу гуляет ветерок, шелестя листьями, упавшими на редкие надгробия. И вдруг ощущение легкости сменяется внезапной тревогой. Как будто потеря этого груза вызвала во мне желание вернуться к ним, вернуться домой.

— Ладно, — бормочу я, глядя вниз. Нагнувшись, я хватаю сорняки, пустившие корни вокруг его могилы. Я выдергиваю несколько штук и отбрасываю их в сторону. Затем я чищу щеткой верхнюю часть серого камня. — Ну, это все, что я могу сказать. Так что... отвали, старик.

И с этими словами я поворачиваюсь и ухожу с кладбища, стремясь поскорее добраться до своей машины, до клуба, до людей, которых я люблю.

Есть два места, где все владельцы клуба находятся в одном и том же месте в одно и то же время — это бар и заседания совета директоров. Теперь, когда все это напоминает хорошо отлаженную машину со штатом менеджеров, которые могут связаться с нами, если что-то пойдет не так, мы действительно можем встречаться в баре, как в старые добрые времена. И поскольку в баре есть алкоголь (как и в большинстве баров), где я могу попытаться заглушить свои нервы, я решаю, что вечер четверга — самое подходящее для этого место.

Дрейка и Изабель здесь нет. Я не знаю, где они и чем занимаются, и так было все последние два месяца, и именно так я и хочу, чтобы было. Время от времени я разговариваю с женой по телефону, чтобы узнать, как дела, но мы не обсуждаем ничего серьезного, и она не пристаёт ко мне с неудобными вопросами. Моя слишком хорошая на словах жена понимает, что я должен заниматься этим поиском души в одиночку.

И это один из этапов, который мне точно нужно пройти в одиночку.

Мы уже пошли на второй круг, когда я прочистил горло. — Я хочу кое-что сказать.

Все замирают и смотрят в мою сторону. Эти пять слов слетают с моих уст нечасто, и даже они могут определить, насколько это редкое явление, по тому, как внезапно их внимание становится пристальным.

Черт, как же это неудобно. И страшно. А мне тридцать три. Как дети это делают?

— Я уверен, что вы все заметили... — Я заикаюсь. — Что я не живу дома, а Изабель и Дрейк нечасто бывают рядом.

Мэгги прикусывает губу рядом со мной. Затем я чувствую, как ее рука прижимается к моей спине. Поскольку я поселился в ее гостевой спальне, она, очевидно, знает все о моем положении. Она была моим неофициальным консультантом все это время, позволяя мне вываливать на нее все.

Я уверен, что большинство из них предполагают, что между Изабель и Дрейком что-то

произошло, возможно, что она изменила мне с ним, но я позволяю им верить в то, что они хотят. Я знал, что наступит момент, когда я все проясню.

— Ну, правда в том, что мы втроем...

Я поднял глаза и увидел, что Чарли вцепилась в руку Эмерсона с выражением надежды на лице. Мия смотрит на меня широко раскрытыми глазами, а Гаррет сдерживает ухмылку.

Внутри у меня все кричит. Это мои друзья. Нет, это моя семья. Мы вместе занимаемся бизнесом уже более семи лет. Мы вместе растили и лелеяли нашу компанию, как родители, и вся эта чушь о том, что нельзя заниматься бизнесом с друзьями, кажется неправильной. Потому что друзья — это единственные, кто не украдет у тебя и не будет тебя эксплуатировать. Эта команда всегда прикрывала друг друга, и сейчас я чувствую, насколько сильно они прикрывают меня.

— Мы втроем вместе. В отношениях. Даже Дрейк и я. Я... я бисексуал.

Когда эти слова вытекают из меня, вся тяжесть и тошнота, которую я чувствовал, удерживая их в себе, тоже вытекает. Напротив меня Чарли сияет. Мия плачет, протягивая мне руку, а Эмерсон в конце стола выражает гордость.

Когда некоторое время никто ничего не говорит, я тяжело вздыхаю. — Вы все это уже знали, не так ли?

Стол раздражается невнятными ответами, подтверждая мои подозрения. Они знали все это время.

— Почему вы ничего не сказали?

— Это было не наше дело, — заявляет Эмерсон.

— Честно говоря, я думал, что вы все это время трахались, — отвечает Гаррет, и Мия закатывает на него глаза.

— В этом есть смысл, Хантер. Химия между вами — это больше, чем просто дружба, — добавляет она.

— Я просто рада, что ты наконец-то приехал, — говорит Мэгги, снова поглаживая меня по спине.

— Итак... — говорит Гарретт, нахмутив брови. — Почему ты переехал?

— Мне просто нужно было разобраться с кое-какими делами, пока кто-нибудь не пострадал.

Он кивает, его глаза смотрят на меня с легким, полным надежды выражением.

— И что теперь? Ты идешь домой? — спрашивает Чарли.

— Думаю, да.

Она прикусывает губу от волнения.

— Это нечестно, — хнычет Мия, выпячивая нижнюю губу. — Изабель получила два. А у меня только один.

Когда она поворачивает свое недовольное лицо к сидящему рядом с ней мужчине, выражение его лица становится жестким, и он хватает ее за бедро.

— Ах ты, соплячка.

— Один? У меня их ноль, так что не жалуйся, — добавляет Мэгги, хмуро глядя в свой бокал с вином.

— Это потому, что ты слишком много работаешь, Мэгс. И ты всегда с нами. Здесь больше нет одиноких парней, — отвечаю я.

— Мне все равно никто из вас не нужен, — отвечает она. — Вы, ребята, слишком извращенные, богатые самих себя.

Мы все втроем смотрим на нее, обижаясь.

— Слишком извращенные? — спрашивает Эмерсон.

— С каких это пор мы ведем себя как богачи? — добавляет Гарретт.

И я не могу удержаться от смеха. Я имею в виду... мы сами себе на уме, так что этот вопрос даже не заслуживает обсуждения.

— Даже не собираюсь отвечать, — проницательно говорит она. Вы должны любить Мэгги. Она много работает, она удивительно мила и застенчива для женщины, которая держит нас троих в узде уже почти десять лет. Но она никогда не уделяет себе времени, которого заслуживает. С тех пор как я живу у нее, я заметила, что она только и делает, что работает. Пока она не сказала Мие, что у нее нет мужчины, я, честно говоря, не знала, что он ей вообще нужен.

Она ни с кем не встречалась, насколько нам известно. Никогда не использовала клуб для чего-либо. Никогда не флиртовала и не вступала в отношения. Она для всех нас загадка, но мы все равно ее любим.

За столом идут споры по поводу ее обвинений в том, как мы себя ведем, а я благодарен за то, что внимание отвлечено от меня. А все оказалось так просто. Я бросил самую большую бомбу в своей жизни, а мои друзья почти не вздрогнули. Потому что для них ничего не изменилось. Я все еще я. Дрейк, Изабель и я — те же три человека, которыми мы всегда были.

И я боялся, что это будет трудно.

Правило № 37: Как только он вернется, не отпускай его

Изабель

Уже девять, когда я, наконец, закрываю студию, выпроводив последнего человека из моего продвинутого класса по воздушной гимнастике. Они обычно любят подольше поболтать, и сегодня был первый вечер за долгое время, когда я действительно чувствовала себя готовой к светской беседе.

После того момента с Дрейком в ванной я снова начала чувствовать себя самой собой. То, что произошло между нами, было прогрессом: я наконец-то смогла отпустить горе от того, что он ушел, и чувство вины за то, что мы вместе. Но я знаю, что именно этого хотел от нас Хантер. Может быть, потому, что, наконец, быть с ним означает, что Хантер тоже делает успехи, а значит, скоро вернется домой.

В глубине души я знаю, что Хантер хотел, чтобы мы с Дрейком были вместе. Потому что в глубине души речь никогда не шла ни о рогоносце, ни о горячей жене, ни о каком-либо другом извращении. Речь шла о том, чтобы найти те отношения, в которых мы всегда должны были быть.

Заперев входную дверь, я иду в подсобку, чтобы закрыть книги за день, сделать последние дела и бросить полотенца в корзину, чтобы отнести их домой и постирать. Только я выключила компьютер, как раздался звонок входной двери, и я замерла.

Я же заперла ее, не так ли? Клянусь, я ее заперла.

Ключ есть только у секретарши и...

Я медленно иду к входу, заглядывая в вестибюль из комнаты персонала, и тут вижу мужчину, стоящего у двери с букетом цветов в руках. Неважно, что свет горит и я вижу его ясно, как день. Мой мозг не сразу соображает, и я в шоке смотрю на своего мужа, которого не видела целых два месяца — пятьдесят семь дней, если быть точной.

Из моего рта вырывается крик, и я бегу через всю комнату, в отчаянии вдыхая каждый сантиметр пространства между нами. Цветы, которые он держит в руках, оказываются раздавленными между нашими телами, и я падаю в его объятия, прижимаясь к нему.

Облегчение ощутимо. Его запах, его присутствие, даже тепло его дыхания на моей шее мне знакомо. Каждую минуту из пятидесяти семи дней, проведенных в разлуке, я выживала. Но это действительно было только выживание, и оно было тяжелым. Но теперь... он здесь, и я наконец-то могу вздохнуть и снова позволить себе чувствовать.

— О, Рыжая, — шепчет он мне в висок, когда я зарываюсь лицом в его шею, и звук его голоса выводит меня из равновесия. Я выпускаю рыдание, которое так долго сдерживала.

— Пожалуйста, не уходи больше, — умоляю я. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Его мрачная усмешка вибрирует во мне. — Я никуда не уйду. Мне надоело быть вдали от тебя.

Когда я вырываюсь из его объятий, я смотрю на него сквозь слезы. — Правда?

Он убирает мои волосы с лица, пробегая глазами по их новой короткой длине, но никак не реагируя на это. — Да. Я возвращаюсь домой.

Слезы наворачиваются на глаза, и я никогда в жизни не испытывала такой благодарности.

— Если я смогу вернуться домой..., — добавляет он.

— Да, да, да, — кричу я, притягивая его рот к своему, впитывая вкус его губ, по которым я так скучала.

Он медленно опускается на пол, отбрасывая цветы в сторону, садится посреди холла и обнимает меня. Мы остаемся так некоторое время. Я просто хочу насладиться его близостью, не разговаривая.

— А как же он? Захочет ли он, чтобы я вернулся домой? — тихо прошептал он, нарушая тишину.

Я заставляю себя сглотнуть. — Да, конечно, хочет.

— Я много думал, Изабель. И я понял, что в ту ночь, когда я наблюдал за вами вместе, я увидел то, что должен был увидеть давным-давно. Это была не ревность — это было наблюдение за двумя людьми, которых я люблю, вместе. Я действительно люблю вас обоих.

Эмоции накапливаются в моем горле и жгут, когда я пытаюсь снова сглотнуть.

— Я тоже люблю вас обоих, — шепчу я.

— Я также понял... что если я не смогу иметь вас обоих... — Он тяжело вдыхает, готовясь сказать все, что накипело у него на душе. Я готовлюсь к остальному. — Если я не могу иметь вас обоих, я бы предпочел, чтобы вы были друг у друга.

— Хантер... — шепчу я.

— Я надеюсь, что вы оба использовали это время, чтобы быть счастливыми вместе, Изабель. Я только надеюсь... что для меня еще есть место.

Я хватаю его за лицо и яростно целую его в губы. — Для тебя всегда будет место. Мы ничто без тебя, и я знаю, что Дрейк чувствует то же самое. Он хочет видеть, как ты принимаешь себя, так же сильно, как и он хочет видеть, как ты принимаешь его.

— Я пришел в команду, — говорит он, и я замираю, потрясенно глядя на него.

— И как все прошло?

Он смеется. — Нормально. Они даже не удивились.

— Потому что любовь к Дрейку не делает тебя другим, Хантер. Ты всегда любил его, но теперь ты просто выражаешь это по-другому.

— Нам действительно следовало сделать это раньше, не так ли? — спрашивает он, и я чувствую, что снова таю. Я забыла, как естественно чувствовать себя в его объятиях.

— Да... это избавило бы нас обоих от ревности, когда мы каждый вечер наблюдаем, как он уходит домой с разными незнакомками.

Проведя рукой по моим волосам, Хантер притягивает меня ближе и снова целует, как будто он так же отчаянно жаждет моих прикосновений, как и я его. Когда наши рты расходятся, он смотрит мне в глаза.

— Я твой, Рыжая. Прости, что ушел, но я должен был стать идеальным мужчиной для тебя. Даже если это убьет меня. Даже если это сведет меня с ума. Я готов на все ради тебя.

— Я понимаю, — шепчу я. — Я скучала по тебе как сумасшедшая, но я горжусь тобой. И мне не нужно, чтобы ты был идеальным. Мне просто нужно, чтобы ты был здесь.

— Мне еще предстоит много работы. Это еще не конец, но я готов начать эти безумные отношения... если вы оба тоже готовы.

Мне нравится эта новая версия моего мужа, где он выражает себя и говорит от сердца. И мне более чем достаточно видеть эмоции в его глазах.

— И что теперь? — спрашиваю я, снова целуя его.

После долгого, голодного объятия, в котором мы оба задыхаемся и отчаянно нуждаемся друг в друге, он отстраняется и серьезно смотрит на меня. — Теперь мы идем искать Дрейка.

Я случайно узнала, где именно сегодня находится Дрейк. Поскольку сегодня пятница, он в клубе — единственный день в неделю, который он проводит там. И не по тем же причинам, что и раньше. Три месяца назад Дрейка можно было встретить в клубе каждый вечер, причем с разными людьми.

Но теперь он ходит туда только раз в неделю, и то с одним человеком.

Силла стала полупостоянным резидентом в клубе с тех пор, как ее недельное мероприятие превратилось в двухнедельное, затем в двухмесячное, а теперь... я не думаю, что она когда-нибудь вернется. Так что теперь каждую пятницу вечером она проводит занятия по шибари с одним светловолосым парнем рядом. Они вдвоем стали очень хороши, на самом деле.

И когда мы с Хантером незамеченными проскользнули в заднюю часть зала, нас встретили охи и ахи толпы, когда Силла зависла в воздухе, связанная в маленький круглый шар. Зелено-красный шнур на фоне ее смуглой кожи выглядит еще более потрясающе, чем при обычном веревочном связывании. Она выглядит изысканно, а толпа и Дрейк смотрят на нее с благоговением.

Но когда рядом со мной задыхается Хантер, я чувствую, что это скорее связано с внешним видом Дрейка, чем с тем, что женщина парит в воздухе, удерживаемая лишь тонкой веревкой.

— Что он сделал со своими волосами? — шепчет Хантер.

— Его было не остановить. Он хотел, чтобы мы оба выглядели по-другому для тебя.

Взглянув на мужа, я не могу не заметить выражение притяжения на его лице, когда он впивается взглядом в мужчину на сцене.

— Мне нравится, — шепчет он.

Я восхищаюсь тем, как красив Дрейк с его новой стрижкой, которая каким-то образом делает его улыбку ярче, а его фигуру выше — потому что раньше он не был достаточно красив, — когда я замечаю момент, когда он замечает Хантера, стоящего в задней части зала.

Теперь, когда я об этом думаю, это немного несправедливо. Когда Хантер появился в моей студии, я была одна, и ничто не помешало мне броситься к нему в объятия. Дрейк занят тем, что следит за Силлой и обеспечивает ее безопасность, поэтому он торчит с ней на сцене. И по тому, как он ерзает, и по тому, как его широко раскрытые глаза то и дело устремляются в нашу сторону, можно понять, что он с нетерпением ждет момента, чтобы сделать то же самое.

Не прошло и минуты, как он уже помогает ей спуститься, осторожно расстегивая веревки, чтобы она не упала. Публика рукоплещет им, а Дрейк не теряет ни секунды.

Спрыгнув со сцены, он бежит через весь зал к нам. Он раскидывает руки, чтобы обнять Хантера, но Хантер не принимает объятий. Вместо этого он хватается за шею Дрейка и яростно притягивает его к себе для грубого поцелуя. Их рты сливаются, и я замечаю краткий шок на лице Дрейка, прежде чем он растворяется в поцелуе и прижимает Хантера к стене, позволяя его телу выразить, как сильно он по нему скучает.

Правило № 38: Расстояние заставляет сердце становиться счастливее и сексуальнее

Хантер

Я не хочу говорить. Мы с Изабель уже достаточно поговорили. Я знаю, что мы *должны* поговорить. Я знаю, что Дрейку, вероятно, нужно услышать от меня много чего, но говорить — это не моя сильная сторона. Я лучше покажу ему.

Наш поцелуй длится дольше, чем я планировал. Смысл поцелуя заключался в том, чтобы доказать, что я добился прогресса. Я не закончил... но я стал лучше. И я не боюсь показать кому-либо, как сильно я хочу этого мужчину.

Теперь, кажется, поцелуй превращается в нечто совершенно иное. Его язык скользит по моему, мы пробуем и исследуем рот друг друга. В каком-то смысле это почти похоже на наш первый поцелуй.

Мы оба задыхаемся, когда отрываемся друг от друга.

— Я сделал некоторые изменения в двенадцатой комнате, — пробормотал он мне в губы, и я отошла, чтобы посмотреть в его ярко-голубые глаза.

— Правда?

Почему я не знала об этом?

Возможно, последние два месяца я выполнял большую часть своей работы в доме Мэгги, но, конечно, я должен был знать о перепланировке комнаты. Двенадцатая комната — базовая, с большой кроватью, рассчитана в основном на три-четыре человека. Она просторная, но базовая. Не оборудована ничем дополнительным, поэтому мне интересно, какие модификации он мог сделать.

— Да, я попросил команду не говорить тебе. Я хотел, чтобы это был сюрприз.

Глубокий тембр его голоса так хорошо мне знаком, но если я не слышал его два месяца, то сейчас он вызывает в моем теле волны тепла и возбуждения. Как я так долго избегал этого влечения? Это был не ящик Пандоры, который мы открыли. Это было похоже на прорыв. Теперь, когда эти чувства вырвались наружу, их уже не загнать назад. Никогда не спрятать. И никогда больше не будут игнорироваться.

— Ну, я бы хотел на это посмотреть, — отвечаю я с легкой дрожью в голосе. Трудно скрыть эмоции от этого момента. Он должен быть в ярости, и я ожидаю, что он будет злиться на меня за то, что я ушел, но это не так. Он рад видеть меня так же, как и она, и думать, что я был готов унижаться. Я хочу, чтобы он заставил меня заплатить, но оказывается, что он просто хочет меня.

— Пойдем, — отвечает он, вытаскивая меня из комнаты. Двенадцатая комната находится всего двумя комнатами ниже. Свет над дверью не горит, значит, она не используется, а Дрейк управляется с мастер-ключом быстрее, чем я.

Когда он открывает дверь, я с тревогой жду, какие изменения он произвел, но, когда мы входим, я изо всех сил стараюсь скрыть свое разочарование. Мои глаза ищут что-нибудь в комнате, но я не могу найти ни одной вещи, которая бы отличалась от других.

Дверь за нами закрывается, и Изабель оказывается рядом со мной. Она берет меня за

руку, когда я поворачиваюсь к Дрейку.

— Что... — спрашиваю я, но мой голос прерывается, когда в комнате становится темно. На самом деле, она абсолютно черная. Я теряю дар речи от ярких зеленых пятен, разбросанных в темноте. Две линии ведут дорожку по комнате. Жесткие края мебели светятся так, что мы видим только то, что было в этой комнате изначально, но мы не видим друг друга.

Мой рот приоткрывается, когда пальцы Изабель переплетаются с моими. Громкая музыка из главной комнаты доносится в эту через динамики, установленные на потолке, чтобы заглушить шумы из других комнат, и это настолько сюрреалистично, что я едва могу пошевелиться.

Рука Дрейка касается моей спины, и я прижимаюсь к ней.

— У нас еще есть планы сделать что-то большее, например, целую секцию клуба, как эта, но пока... я подумал, что ты оценишь это, — говорит он.

Оказавшись по обе стороны от этих двух людей, я испытываю внезапные эмоции, которых не ожидал.

— Я не заслуживаю тебя, — бормочу я, и его руки пробираются к моему лицу, притягивая меня ближе, пока наши рты не встречаются. Пальцы Изабель скользят по моему позвоночнику, пока она не зарывается в мои волосы.

— Заткнись, мать твою, — бормочет Дрейк мне в губы. — Это полная чушь, и ты это знаешь. Ты всегда думаешь, что должна стать лучше для нас, и я это понимаю. Мы оба родились в дерьмовых ситуациях, но это не делает нас менее достойными, Хантер. Ты — не твой отец, а я — не моя мать.

Что-то в том, что я слышу эти слова в темноте, не видя его лица, делает их еще более сильными.

— Ты можешь прямо сейчас решить, кто ты и чего ты хочешь, — шепчет Изабель, прижимаясь ко мне сзади и осыпая мою спину теплыми поцелуями, прижимаясь губами к моей рубашке.

— Думаю, мне ясно, чего я хочу, — отвечает Дрейк и прижимается ко мне, заставляя меня почувствовать его твердую длину через брюки. — И чего же ты хочешь? — спрашивает он, его голос густой и хриплый от потребности.

— Я хочу этого, — рычу я, хватаясь за его член через брюки. — И это, — добавляю я, обхватывая Изабель рукой, чтобы притянуть ее к себе и придвинуть свой рот к ее рту. Она мурлычет от удовольствия, когда я глажу ее через ткань штанов для йоги.

Мое терпение на исходе, а они мне нужны сейчас. В спешке я расстегиваю застёжку на брюках.

— Раздевайтесь, — приказываю я, когда мы теряем остатки одежды в туманном беспорядке конечностей и губ.

Дрейк ведет нас к кровати, и мы втроем не отпускаем друг друга.

Когда я чувствую, что спортивный бюстгальтер Изабель сползает с головы, я нахожу в темноте ее грудь и провожу языком по чувствительному бутону соска. Она прижимается к моей голове, притягивая меня ближе. Я укладываю ее на спину, продолжая исследовать ртом ее тело.

Когда я стягиваю с нее брюки, я чувствую, как Дрейк оседает у меня за спиной. Его губы путешествуют по моему позвоночнику, по одному позвонку за раз. В темноте наши чувства обостряются, и все кажется более интенсивным.

Когда в моих руках обнаженное тело моей жены, все как будто снова приобретает смысл. Я быстро переворачиваю ее на живот, поднимаю на колени и зарываюсь лицом в жар между ее ног. Она издает громкий стон удовольствия, когда я проникаю языком внутрь нее. Ее запах и вкус так знакомы мне, что я поглощаю ее, стирая каждый момент нашей разлуки.

— Боже, как я скучал по этому, — рычу я в ее жар. Она мурлычет в ответ.

Дрейк стоит позади меня, его руки блуждают по моей спине и тянутся к моему переду, поглаживая мой член. Часть меня напрягается, когда он стоит позади меня. Готов ли я к этому?

Но тут же раздается звонкий голос, напоминающий мне обо всем, что дали мне эти двое. Я могу отдавать так же легко, как и брать. И я хочу отдавать.

Удары Дрейка набирают скорость, и мне приходится заставлять себя не кончать уже сейчас.

— Дрейк, — простонал я, отрывая рот от Изабель.

— Да? — отвечает он с хрипом.

Я опускаюсь на колени, поворачиваюсь к нему и говорю: — Я хочу, чтобы ты меня трахнул.

Изабель замирает в моих руках, а Дрейк ничего не отвечает. Он просто обхватывает меня за шею и прижимает мой рот к своему, пробуя ее на вкус на своих губах.

— Хорошо, — простонал он, — потому что я хочу тебя трахнуть.

С этими словами он подталкивает меня вперед, и я возвращаюсь к Изабель, целуя ее, спускаясь к ее теплой пизде. Она извивается и стонет, подставляя мне свою попку, когда я ввожу в нее палец, отчего она только громче стонет.

— Это моя девочка, — бормочу я, касаясь нежной кожи ее попки. — Кончи для меня, Рыжая.

Я загибаю палец внутри нее, и ее дыхание учащается. Она вскрикивает, но подушки заглушают ее голос.

Когда я чувствую, что матрас прогибается позади меня, я понимаю, что Дрейк вернулся. Я был так сосредоточен на Изабель, что даже не заметил, как он ушел. Оглянувшись, я вижу светящиеся в темноте зеленые следы чего-то в его руках. Затем я слышу щелчок крышки.

Ну, блин. Они даже на бутылки со смазкой нанесли светящуюся краску. Умно.

Когда я чувствую, как теплая жидкость просачивается по моему заду, я издаю стон, впиваясь в кожу Изабель. Я вытаскиваю палец из ее жара, целую ее клитор и снова зарываюсь в нее лицом. Она снова прижимается бедрами к моему лицу, и когда я чувствую, как Дрейк прижимает большой палец к моей попке, я перестаю дышать.

— Расслабься для меня, Хантер.

Он стонет, поглаживая меня чуть сильнее, и медленно вводит палец внутрь. Я пытаюсь расслабиться, чтобы пропустить его, но я слишком захвачен ощущениями. Когда он, наконец, проникает в тугое кольцо мышц, я громко и низко рычу во влажную киску Изабель.

— Да? Тебе это нравится, не так ли? — Дрейк говорит, похоже, с удовольствием. — Ты такой чертовски тугой. Я не могу дождаться, когда окажусь внутри тебя.

Я двигаю бедрами вперед и назад, жаждая большего, отчаянно желая этого.

— Еще... — Я хриплю.

— Ты хочешь еще? Я так чертовски готов дать тебе больше.

Его голос — как гравий, сладкое трение в моей душе, и мне нужно каждое слово.

Изабель все еще пытит в подушки, мурлыча и умоляя меня. Мне нужно заставить ее

кончить, пока я не отвлекусь, чтобы довести ее до этого. Поэтому я целую и облизываю ее сладкую киску, натирая тугими кругами ее клитор.

— Да, — кричит она. — Вот здесь.

Я не останавливаюсь, и Дрейк тоже. Он уже вводит второй член, когда Изабель, наконец, разворачивается в моих руках, издавая очередной визг в подушку. Я слишком увлечен ее оргазмом, чтобы заметить, что пальцы Дрейка исчезли, а на их месте... головка его члена.

Он медленно вводит член. Я сгибаюсь в бедрах и прижимаюсь к Изабель, когда он легко входит в нее. Ощущения поначалу шокируют: так полно и тесно. Я впускаю его в свое тело. Я хочу, чтобы он овладел им. Взять меня, использовать меня, трахать меня. Пусть мне будет больно или хорошо, пусть это длится вечно — мне все равно. Мне просто нужно это, и мне нужно больше этого — этого неопишуемого, что разрывает меня на части и делает меня целой одновременно.

— Как ты? — спрашивает он, проводя большой ладонью по моему позвоночнику. Я понимаю, что он зарылся в нее настолько, насколько это возможно, его кости бедер прижались к моей попе.

— Я..., — мой голос срывается. Я не знаю, кто я сейчас, но если он спрашивает, что я чувствую, то у меня нет слов, чтобы ответить. Я одновременно потерян и найден. В агонии и экстазе. Ничто и все одновременно. — Я в полном порядке, — отвечаю я.

— Мне нужно трахнуть тебя сейчас, — говорит он, и мой член дергается. Он висит под моим телом тяжелый и твердый, и когда Дрейк отстраняется и снова входит в меня, ударяя в то место, отчего мой член начинает течь по кончику, я притягиваю Изабель к себе.

Прежде чем Дрейк начинает жестко трахать меня, я притягиваю тело Изабель к своему, выстраивая свой член так, чтобы при следующем толчке его член вошел в нее. Я физически соединен с ними обоими. Мы — одно целое. С каждым резким толчком Дрейка я вхожу в Изабель. Она прислоняется к моей груди, позволяя мне найти ее рот своим, и я выщипываю из нее жизнь.

Темнота поглощает меня целиком, и я позволяю их прикосновениям и объятиям быть единственным, что я чувствую. Ее рот, его руки, ее киску, его член. Я не совсем понимаю, когда начался мой оргазм, или он был здесь все это время, но по мере того, как наслаждение оживляет меня, я крепко прижимаюсь к ним. Мы стонем и дышим как одно целое.

Ощущение пульсирующего во мне члена Дрейка — мое спасение. Его голос гулко отдается в стенах, когда он кончает, извлекая удовольствие из моего тела. И в этот момент нет ни стыда, ни страха — только любовь.

Когда наши кульминации одновременно достигли максимума, я чувствую его теплые губы на своей спине. И я понимаю, что, возможно, это прозвучит пошло или нелепо, но этот человек — моя вторая половинка. Если под родственной душой подразумевается человек, чье сердце отражает мое, близнецовое пламя, настолько совместимое, что один не может полноценно существовать без другого, то, без сомнения, он — мой.

И я знала это всегда, но раньше мы называли это по-другому. Мы всегда были лучшими друзьями, но, возможно, именно это и есть лучшие друзья — замаскированные родственные души.

Наверное, это означает, что у человека может быть больше одной родственной души, потому что эти двое настолько важны для моего счастья, что без них я бы прожил жалкое существование. Но я перестал думать, что не заслуживаю их. Если я отдаю им всего себя,

значит, я их заслуживаю, и так было всегда.

В комнате нет ни капли света, к которому должны привыкнуть наши глаза, но впервые в жизни я вижу все очень четко.

Правило № 39: Ты знаешь, что добился успеха, если смог шокировать Мадам Извращенность

Изабель

— Они ничего не сказали? — спрашивает Дрейк, поворачивая голову к Хантеру, его теперь уже подстриженная голова прислонена к изголовью кровати.

— Не совсем, — пожимает плечами Хантер. — У Гаррета было несколько вопросов, но в остальном они просто... пошли дальше.

— Ух ты, — говорю я, проводя пальцами по темным кудрям Хантера, прижатым к моей голой ноге. Теперь свет снова включен, а значит, я могу наслаждаться ими, обоими этими великолепными мужчинами, которые каким-то образом принадлежат только мне.

— Наверное, они решили, что мы все это время трахались, — добавляет Дрейк, и мы все трое дружно смеемся.

— Так и было, — отвечает Хантер.

— Каково это было? Я имею в виду, когда я открылся им, — спрашивает Дрейк.

— Это было здорово.

Сейчас он выглядит таким умиротворенным, как будто ему стало легче дышать и он стал более настоящим, чем раньше. Хантер всегда жил в состоянии постоянной тревоги, всегда был на взводе и отчаянно пытался принять правильное решение и поступить правильно. Конечно, никогда не для себя.

Но сейчас он выглядит свободнее, чем я когда-либо видел его.

— Знаете, я никогда не выходил в свет, официально.

Мы с Хантером оба смотрим на Дрейка, нахмутив брови.

— Что? — спрашиваю я.

— Я просто никогда никому не говорил о своей сексуальной ориентации. Я имею в виду... Я помню выражение твоего лица, когда я сказал тебе, что целовался с парнем, — говорит он со смехом, глядя на Хантера. — Но ты никогда не просил меня рассказать об этом подробнее и никогда не ругал меня за это. Ты просто... принял это.

У Хантера тяжелое выражение лица, как будто он о чем-то задумался. — Раньше я ненавидел людей, которые могут так открыто выражать свои мысли. Мой отец научил меня этому. Он заставил меня ненавидеть то, что ненавидел он, и со временем я понял, что не ненавижу никого, кроме него. Я завидовал таким людям, как ты, Дрейк. Людям, которые могут жить без страха.

Рука Дрейка ложится на плечо Хантера, сжимая его в подтверждение своих слов.

— Я думаю, ты заслуживаешь достойного выхода, — добавляет Хантер. — Так что давай.

Дрейк смеется. — Я только что трахнул тебя, и ты хочешь, чтобы я сейчас кончил?

— Да. Ты заслуживаешь того, чтобы сказать это вслух.

С гордой ухмылкой на лице Дрейк уверенно заявляет: — Я бисексуал.

Слезы наворачиваются на глаза, и я крепче сжимаю его руку. Кажется, я никогда не была так счастлива за всю свою жизнь.

— Я тоже, — отвечает Хантер, и мы снова смеемся втроем. Это смешно и трогательно одновременно. Но мы всегда были такими. Мы никогда не переставали быть собой и никогда не перестанем. Секс этого не изменит, потому что мы любили друг друга тогда и любим сейчас.

Положив голову на плечо Дрейка и положив голову Хантера себе на колени, я испустила долгий зевок.

— Нам пора домой. У тебя был длинный день, — говорит Дрейк, и я замечаю, что Хантер наблюдает за нами с минуту, пока никто не двигается с места. Что-то в том, как его друг сказал это, как будто он знает, какой у меня был день, как будто он знает мой рабочий график — а он его знает — делает это немного неловким.

— Давайте просто покончим с этим неловким разговором, — говорит Хантер, садясь лицом к нам.

Я чувствую, как мои глаза расширяются.

— Ты хочешь поговорить об этом? — Я стараюсь не делать особого акцента на слове "ты", но оно есть. Хантер никогда не хочет говорить о неловких вещах — никогда.

— Да, если я чему-то и научился, так это тому, что, если начинать тяжелые разговоры сейчас, то потом не придется нести всякую чушь. К тому же, я читал о поли-отношениях, и первое, о чем они говорят снова и снова, — это открытое общение, так что если я хочу вас обоих, мне нужно просто привыкнуть к этому.

Мы с Дрейком в шоке уставились на Хантера. Через мгновение я прикусываю губу, чтобы подавить улыбку, которая, как мне кажется, растет на моем лице.

— Ну... — начинает Дрейк.

— Подожди. Позволь мне сказать... Я специально оставил вас вдвоем. Я хотел, чтобы вы сблизились. Я не хочу, чтобы вы думали, что можете трахаться только тогда, когда я рядом и наблюдаю за вами, как будто вы пара обезьян-исполнителей или что-то в этом роде.

— Хорошо... — отвечает Дрейк.

Хантер читает его выражение лица. — У вас не было секса все это время?

— Почти все время... — добавляю я.

— Серьезно? — спрашивает Хантер, в замешательстве глядя на Дрейка.

— Ну, не то чтобы у нас были какие-то правила. Я не знал.

Наконец Хантер смеется. — Ну, это твоя гребаная вина.

— Отлично, — говорит Дрейк, вскидывая руки вверх. — Два месяца я держал свой член при себе, а теперь ты говоришь, что я не должен был этого делать?

— Не волнуйся, — добавляет Хантер. — Скоро ты наверстаешь упущенное. Мне нравится смотреть, как вы двое трахаетесь.

Когда мы начинаем одеваться, я не могу не задаться вопросом, должно ли это быть сложнее, чем сейчас. Это действительно не должно быть так легко; я все время жду, что вот-вот упадет другой ботинок.

Когда мы оделись и собрались, мы втроем двинулись к двери и остановились.

— А что, если там кто-то есть? — спрашивает Дрейк, глядя на нас обоих.

— Ну... мы только что целовались перед комнатой, полной людей, так что... о чем ты беспокоишься?

Дрейк пожимает плечами, открывая дверь, и, конечно же, по ту сторону стоит Иден Сент-Клер. Она выходит из своей комнаты одна, но ее взгляд мгновенно замирает на нас, оценивая ущерб — мои волосы, помятую одежду Дрейка, самодовольное выражение лица

Хантера.

Иден, являясь постоянной мадам Salacious и воплощением женского сексуального мастерства, не так-то легко шокировать. Но когда она несколько долгих секунд смотрит на нас, я не могу не заметить любопытства в ее глазах.

— Не выгляди такой шокированной, Иден, — отвечает Хантер, открывая перед нами дверь.

— О, я не удивлена. Я даже немного успокоилась. Я ждала, что это случится.

— У меня такое чувство, что мы будем часто это слышать, — отвечает Дрейк.

Я чувствую, как ее рука обвивает мою, когда она улыбается мне. Ее темные черные волосы собраны в хвост, и она лукаво улыбается мне. — Думаю, будет справедливо, если ты добавишь еще одну девушку, чтобы выровнять ситуацию.

— Отойди от моей жены, Иден, — предупреждает Хантер.

— Почему все мне это говорят? — спрашивает она, и мы все смеемся. Мне неинтересно быть с женщиной, но никто не может устоять перед привлекательностью самой мадам Кинк.

Мы вчетвером идем по длинному коридору к выходу. Иден все еще сжимает мою руку, Хантер наблюдает за этим с раздражением, а Дрейк — с игривым интересом.

— Тебе повезло, Изабель, — тихо пробормотала она, прежде чем поцеловать меня в щеку. Затем она отстраняется и направляется в противоположную сторону. — Веселитесь, ребята.

Улыбаясь, я беру Дрейка за руку и перекидываю свою руку через руку Хантера.

— Лично я считаю, что это фантастическая идея, — говорит Дрейк, и смех проскальзывает по моим губам. Мне кажется нелепым быть таким счастливым, но это так. И хотя я не думаю, что приму предложение Иден, я знаю, что ее слова верны.

Я счастливая девушка.

Правило № 40: Будь гибким

Хантер

— Как ты можешь слушать эту чушь?

— Легко. У меня есть вкус, — холодно отвечаю я, когда мы въезжаем на парковку студии. Дрейк переключает радиостанцию, и я закатываю глаза, прежде чем повернуть ее обратно, используя регуляторы на задней стороне рулевого колеса.

Он насмехается. — Серьезно, какой тридцатитрехлетний мужчина слушает Тейлор Свифт?

— Тридцатичетырехлетний, — поправляю я его.

— Еще хуже — мой друг.

— Она меня просто достала, — отвечаю я, делая звук настолько громким, что он вздрагивает. — Я имею в виду... послушай эти слова. Прямо из сердца вон.

Как только я ставлю внедорожник на стоянку, он выскакивает, но я продолжаю движение, громко напевая песню с опущенными стеклами. Очень скоро я замечаю, что дверь студии йоги открыта, и вижу, как Изабель высовывает голову, интересуясь, из-за чего весь этот шум. Дрейк оставляет меня в машине, чтобы поприветствовать ее.

Я глушу двигатель, чтобы услышать его слова: — Почини своего мужа.

— Он потерян, — отвечает она, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в губы. Мне нравится, что я до сих пор испытываю легкое возбуждение от их ласк, и этот поцелуй наводит меня на мысль.

В конце концов, сегодня мой день рождения.

— У меня все почти готово. Куда вы, ребята, хотите пойти поесть? — спрашивает она.

— Именинник сам выберет, — отвечает Дрейк.

Когда я выхожу из машины и вижу, как они прижимаются друг к другу, я вдруг перестаю думать о еде. Я могу думать только об одном.

Я закрываю машину и подхожу к ним, останавливаясь в нескольких футах от них. — Я не голоден.

Изабель щурит на меня глаза, зажав нижнюю губу между зубами. — Правда?

— Правда.

— Что именно ты имеешь в виду? — спрашивает Дрейк.

Мы могли бы пойти домой, но я пока не готов идти домой. Мы могли бы пойти в клуб, но там так много людей, а сегодня мой день рождения, и они захотят потусоваться, а я бы предпочел, чтобы это были только мы.

— Внутрь, вы оба, — говорю я командным тоном. Они оба вздрагивают, как будто тон моего голоса говорит обо всем.

— В моей студии? — спрашивает Изабель.

— Ты его слышала.

Дрейк поднимает ее на руки, обхватывая за талию, и несет в студию. Я закрываю за ними дверь и улыбаюсь, когда слышу, как Дрейк задыхается, потому что я точно знаю, что он нашел.

— А можно их использовать? — умолял он, похожий на ребенка в магазине игрушек, а не на взрослого мужчину в студии воздушной йоги. Когда я захожу в класс, я сдерживаю ухмылку. Но трудно удержаться от смеха при виде того, как он раскачивается на одной из шелковых петель, свисающих с потолка.

— Это для моих занятий. Это не секс-качели, — заявляет она, пытаясь оторвать его от матерчатого сиденья.

— Мы не будем их пачкать, — хнычет он.

Я подкрадываюсь к ней сзади и прижимаюсь губами к ее уху. — Это мой день рождения.

Она со вздохом прижимается ко мне, и я не могу не улыбнуться.

— А что ты хотел? — спрашивает Дрейк. — Раздеть ее догола в одном из этих шелков и трахнуть с двух концов?

— Дрейк, ну и дела, — пробормотала она, с румянцем прикрывая щеки.

— Вообще-то, я собираюсь посмотреть сегодня вечером, — отвечаю я, целуя то место, где ее шея пересекается с плечом. Она издает малейший писк, когда я это делаю. — Ты не против, Рыжая? Могу я посмотреть, как мой лучший друг трахает тебя?

На этот раз она пискнула громче. Когда она не отвечает, я притягиваю ее лицо к своему. — Дай мне ответ, детка.

— Да, — задыхается она. Тогда я захватываю ее рот в жесткий поцелуй и, оттягивая нижнюю губу и переполняя ее рот своим, чувствую, как ее вес оседает на мои руки, как будто ее ноги потеряли способность держать ее.

Когда я наконец отстраняюсь, она раскачивается на месте.

— Иди сюда, детка, — зовет ее Дрейк, и она плывет к нему, как облако. Пока он занимается тем, на чем я остановился, я иду в кабинет, чтобы найти кресло. Возвращаясь, я приглушаю свет и закрываю дверь. К тому времени, когда я нахожу место, где можно присесть, они оба уже разделись до нижнего белья. Изабель — топless, а у Дрейка такая сильная эрекция, что она выпирает из боксеров.

Его рот пожирает ее грудь, а она мурлычет, касаясь пальцами его стрижки. Обычно я люблю давать им указания, но в этот раз мне нравится идея позволить им взять инициативу на себя, поэтому я молча сижу и наблюдаю. Мой член пульсирует в штанах, но я не тянусь к нему. Лучше я буду тянуть. Пусть потребность станет почти болезненной, прежде чем я позволю себе получить то, что хочу. Потому что, когда они закончат, все будут знать, что настанет моя очередь, и я возьму то, что хочу.

Дрейк обхватывает руками бедра Изабель и поднимает ее в воздух.

— Садись, детка, — говорит он, усаживая ее на одну из шелковых петель. Она крепко держится за две стороны, пока он стоит перед ней на коленях.

— Поднимись, — говорит он, стягивая с нее трусы.

Затем он целует ее бедра, перекидывая каждое из них через плечи, а его рот находит центр и с рычанием набрасывается на ее киску. С каждым лизанием она корчится и стонет, ее спина выгибается так, что она почти висит горизонтально в шелках.

— Боже, ты такая охуенная на вкус, — бормочет он, сосредоточенно посасывая ее клитор. — Скажи мне, каково это, детка.

— Это так приятно, — шепчет она.

— Да? А когда я делаю это?

Я прикусываю нижнюю губу в предвкушении, когда он вводит в нее два пальца, и мы

оба наблюдаем за ее реакцией. Клянусь, мой член дергается в штанах от того, как она вскрикивает.

— Да, — задыхается она. — Еще.

— Продолжай, — бормочу я со своего места, и Дрейк повинуется, вставляя пальцы. Его губы не покидают ее клитор до тех пор, пока она наконец не вскрикивает, ее бедра плотно обхватывают его уши, а спина выгибается так сильно, что она уже почти перевернулась на спину. Это такое прекрасное, блядь, зрелище.

Хотел бы я знать, почему на это так приятно смотреть. Может быть, потому, что даже сейчас это все еще кажется запретным. Или потому, что я действительно люблю этих двоих так сильно, что мне больно. И я даже не знаю, считается ли это все еще извращением, поскольку мы втроем состоим в поли-отношениях, но что я точно знаю, так это то, что мне действительно нравится смотреть, как он трахает мою жену. Почти так же, как мне нравится делать это самому.

Дрейк не теряет времени даром. Не успела она перевести дыхание или подняться из скрюченной позы, как он уже срывает с себя боксеры и встает так, что его член оказывается на одной линии с ее киской.

Я наклоняюсь вперед, отчаянно ожидая момента, когда он наконец-то войдет в нее. Сжав ее бедра в своей хватке, он рывком насаживает ее на свой член. Их слитные стоны наполняют студию, и я поворачиваюсь, чтобы найти их отражение в огромном зеркале в передней части комнаты, наслаждаясь видом с этого ракурса.

Он трахает ее медленно, но жесткими ударами, и я не могу оторвать глаз от того, как сокращаются его мышцы при каждом движении. Мне нравится, как отвисает его челюсть, когда он входит в нее, и как он доминирует над ней, получая от нее удовольствие не меньше, чем от себя. Мой член начинает течь в боксерах при виде того, как его член исчезает в ней, и каденция начинает нарастать.

Изабель приподнимается, так что она больше не висит, и тянется к его рту для поцелуя. Я погружаюсь в ритм их траха и начинаю раздеваться. Я хочу быть готовым к тому времени, когда они закончат.

— Блядь! — кричит он, и мне на мгновение кажется, что он сейчас кончит, но он быстро выходит из нее, позволяя своему члену свободно болтаться, пока он приходит в себя, явно ближе к кончанию, чем ему хотелось бы.

В следующее мгновение я уже медленно поглаживаю себя, наблюдая, как он снова крепко целует ее в губы.

— Перевернись, — бормочет он ей в губы и одним плавным движением переворачивает ее на живот так, что ее бедра упираются в шелк. Ее пальцы едва касаются пола, но она явно достаточно опытна в этих позах, чтобы делать это легко.

Когда Дрейк снова вонзает в нее свой толстый член, она вскрикивает. Ее тело свисает с ткани, и она находится в его власти. Положив руки ей на бедра, он быстрыми, жесткими ударами прижимает ее тело к своему.

Я с мучительным нетерпением жду своей очереди. Не знаю, успею ли я. Мой член умирает от желания почувствовать их — какие именно, я не знаю.

— Сильнее, Дрейк, — кричит она. Его бедра набирают интенсивность, он так сильно бьется о ее спину, что звук эхом разносится по комнате. Наконец, она выгибает пальцы на ногах, и ее стоны смолкают, когда она кончает, и мне не нужно быть тем, кто находится внутри нее, чтобы понять, что чувствует Дрейк в этот момент. Ее киска пульсирует вокруг

его члена, сжимая его так сильно, что он не сможет долго сдерживаться. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мгновение спустя он издал хрип и прекратил свои толчки, так как тоже кончил.

Я в мгновение ока встаю со своего места и первым иду к нему. Стоя позади него, я притягиваю его рот к своему для поцелуя. Он задыхается в моем рту, а я тянусь к нему, чтобы нащупать место, где он зарылся в мою жену. Медленно я вытаскиваю его, проводя пальцами по уже вытекающей из нее сперме. Не сводя с него глаз, я подношу смоченные пальцы ко рту и облизываю их дочиста. Его взгляд становится все более пристальным.

— Помнишь тот день в Остине, когда я застал вас двоих целующимися, и это так свело меня с ума, что мне пришлось трахать ее в другой комнате?

Не сводя с меня глаз, он кивает.

Я яростно хватаюсь за его шею и тяну его вниз, пока он не становится передо мной на колени. — Я чувствовал к тебе то же самое, знаешь ли. И теперь я наконец-то могу это осуществить.

Затем я направляю его рот к своему ждущему члену, и он, не колеблясь, втягивает меня в свое горло.

Меня переполняют тепло и наслаждение. Я слегка покачиваю бедрами, держась за его затылок.

— Твой чертов рот, — простонал я. Он жадно насаживается на мой член, когда Изабель поднимается со своего места, запутавшись в шелках. Я протягиваю ей руку, и она берет ее, позволяя мне притянуть ее к себе для поцелуя. Когда наши рты наконец разъединяются, мне приходится отстранить Дрейка от своего члена, прежде чем я кончу ему в горло.

Я смотрю на Изабель. — У тебя есть массажные масла?

Она едва слышно отвечает, а затем бежит голая к шкафу с принадлежностями в конце комнаты. В спешке она возвращается с золотистой бутылочкой и протягивает ее мне.

— Повернись, — говорю я Дрейку, захватывая в пальцы как можно больше его коротких волос. Он, не задумываясь, поворачивается лицом к зеркалу. По его заднице течет масло, и я чувствую, как из моей груди поднимается рык. Его задница творит со мной такое, чего я даже не ожидал. — Я хочу подготовить тебя, Дрейк, но мне так хочется тебя трахнуть.

— Просто сделай это, — бормочет он в ответ.

Изабель встает на колени по другую сторону от Дрейка и притягивает его губы к своим для грубого поцелуя. Когда я ввожу свой член в тугое кольцо его задницы, он громко стонет ей в рот. Я теряюсь в ощущениях его тела, когда он полностью входит в меня. Я едва могу дышать от его тесноты. Он словно создан для меня.

В зеркале мы находим друг друга, наши взгляды фиксируются, пока мои толчки набирают скорость. Изабель смотрит с желанием в глазах, а мой взгляд переходит с Дрейка на нее. И когда она смотрит, как я трахаю своего лучшего друга, я понимаю, как мне чертовски повезло, что у меня есть они оба. Каковы шансы, что мы окажемся вместе? Каковы шансы, что я найду две любви всей моей жизни? Я нежно погладил ее по щеке, и она впиалась в мои пальцы.

Когда я смотрю на нее, а он на меня, я окончательно теряю контроль над собой. Я ослеплен наслаждением, и оргазм каскадом прокатывается по моему телу. Держа их обеих в своих руках, я позволяю своему сердцебиению замедлиться до нормального ритма.

— С днем рождения, Хантер, — шепчет она.

И я не могу не улыбнуться, прислонившись к широкой раме Дрейка. Еще на один год

старше, и это меня ничуть не пугает. Я понятия не имею, что ждет нас в будущем и куда мы втроем пойдем дальше, но я точно знаю, что оно не сможет подкинуть нам ничего такого, с чем мы не смогли бы справиться вместе.

Правило № 41: Готов или нет...

Эпилог

Дрейк

Шесть месяцев спустя

— Готово!

Две пары шагов эхом разносятся по дому, когда они приходят посмотреть на мою работу. Честно говоря, я очень горжусь этой работой. Это было нелегко, но это нужно было сделать. Как бы Изабель ни нравилось быть между нами, двое мужчин ростом метр восемьдесят не могут с комфортом делить двуспальную кровать с девочкой между ними, по крайней мере, в течение длительного времени.

А о том, чтобы спать в гостевой комнате, не могло быть и речи. Я попробовал однажды ночью, и они сошли с ума. Они решили, что я уйду из отношений, хочу побыть наедине с собой и жалею о том, что решился на это.

Но я ничего такого не делал. Я просто хотел хорошо выспаться, не беспокоясь о том, что задущу Изабель во сне.

Кроме того, в спальне для гостей сейчас идет ремонт.

Когда они вошли в комнату, глаза Изабел расширились. — Она идеальна!

— Хорошо, что ты построил нам огромную спальню, — отвечает Хантер.

— Да, возможно, ты это предвидел. — Изабель улыбается, подходя к огромной кровати. — Так это два короля?

— Да.

— Слишком большая, — отвечает она со смехом, выгибая спину, словно пытаюсь растянуть мышцы, до которых уже не может дотянуться.

— Ну, нам нужна большая, — добавляет Хантер, подходя к ней, чтобы погладить ее круглый живот и поцеловать в висок.

— О, черт возьми, нет. — Я бросаю дрель в сумку с инструментами и смотрю на них. — Я строил эту кровать не для того, чтобы она им подходила. Я строю им кровати, не забывай. Они могут спать в них.

Изабель кусает губу, прислонившись к Хантеру, и оба они выглядят чертовски самодовольными, как будто знают, что я, скорее всего, уступлю и позволю этим двум маленьким соплякам занять мое драгоценное место в кровати. Мне тридцать пять лет, и я добилась такого успеха, никогда ни с кем не деля постель. А теперь мне предстоит делить ее не с двумя, а с четырьмя людьми.

Ладно, два человека и два идеальных маленьких ребенка.

Моих малышей.

Ну... мои в свободном нетехническом смысле. У нас есть теория о том, от кого она забеременела. Изабель клянется, что месячные должны были начаться после того дня, который мы с ней провели в ванной, а у нее они точно были раньше... Но, опять же, у нас было много секса после того, как Хантер вернулся домой, так что кто может сказать, правда. И мы не играем в то, что не хотим знать, потому что это не имеет никакого значения.

Изабель хочет выяснить это наверняка, так что если они мои, она и Хантер могут попробовать после того, как эти двое уйдут. Или наоборот, если они его.

Больше двух детей... замечательно. Не совсем то, что я планировал на будущее. Я был негодяем, и меня это устраивало. Я планировал работать в Salacious столько, сколько смогу, возможно, помочь построить новый клуб, наслаждаться сексом, насколько это физически возможно, и никогда не быть ни к кому привязанным.

Меня все устраивало.

Но это... это меня более чем устраивает. Я по-прежнему работаю в Salacious. Уже поговаривают о строительстве нового клуба. У меня гораздо больше секса, чем я когда-либо думала, что это физически возможно, и я привязана к двум людям, которые делают мою жизнь достойной жизни.

— Итак... мы можем взять матрас на эту штуку? — спрашивает Изабель, ковыляя на своем огромном животе к любимому мячу для йоги, на котором она сидит, и внезапное выражение облегчения отражается на ее чертах. Ей осталось всего три месяца, но я не представляю, куда она собирается его положить. Она и так выглядит нелепо со своей миниатюрной фигурой и выпирающим животом. И все же... ни одна женщина не казалась мне более красивой.

— Ты получишь два матраса, — отвечаю я. — Они все еще лежат в гараже. Это новые модные поролоновые матрасы, которые должны быть полезны для тебя. Тебе они понравятся. Я схожу за ними.

— Я помогу, — отвечает Хантер, быстро спускаясь за мной по лестнице. Когда мы добрались до гаража, я нагнулся, чтобы открыть первую коробку, и, что неудивительно, Хантер оказался там, прижавшись к моей заднице. Я улыбаюсь, подаваясь ему навстречу. Он, в свою очередь, зарывается руками в мои волосы, которые теперь наконец-то стали достаточно длинными, чтобы за них можно было ухватиться, приподнимает меня и проводит другой рукой по моему горлу.

— Боже, как мне нравится смотреть, как ты выгибаешься.

— Я вижу, — отвечаю я с лукавой улыбкой. Он целует меня в шею, и мое тело начинает возбуждаться в ответ. — У нас нет на это времени.

Борьба во мне стихает, когда рука, лежащая на моем горле, скользит вниз к моему ждущему члену, поглаживая его.

— Напрягись для меня. У нас есть только минута.

— Ты меня уже заводишь, — отвечаю я, задыхаясь.

Я быстро поворачиваюсь и прижимаю его к стене, завладевая его ртом, пока он в спешке пытается вытащить наши члены. Я рычу ему в рот, а он обхватывает своей большой рукой оба члена, поглаживая их между нами.

Отбросив его руку в сторону, я прижимаю его плотнее к стене, зажав наши члены между телами и сильно скрежеща, чтобы добиться желаемого давления. Он издает громкий звук, который, как я понимаю, должна была услышать Изабель. Я зажимаю ему рот рукой, насаживаясь все быстрее и быстрее.

Мы не проказничаем, потому что ей не нравится, что мы вместе, но в такие моменты, когда нам точно нужно заниматься чем-то другим, а не заставлять друг друга кончать, мы решили, что лучше этого не делать.

— Сильнее, — ворчит он, и я даю ему то, что он хочет, прикусывая при этом нижнюю губу.

Без предупреждения он взрывается между нами, и теплая сперма пачкает мой темно-синий V-образный вырез. Я не имею права жаловаться, потому что нахожусь прямо за ним, делая беспорядок еще больше, и мы не знаем, чья сперма чья. Мы пыхтим друг другу в рот, когда он бормочет: — У нас будут неприятности из-за этого.

— Стоит.

Посмеявшись, мы наконец отстраняемся. Моя рубашка быстро снимается, и я бросаю ее Хантеру, который быстро относит ее в прачечную, пока я заканчиваю готовить матрасы. Мы несем их наверх, пока они еще свернуты, и обнаруживаем, что Изабель смотрит на нас со своего мяча для упражнений.

— Это заняло много времени, — говорит она с гримасой.

— Это он начал, — с улыбкой говорю я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее идеально веснушчатую щеку.

— Я тебе верю, — отвечает она, переключая внимание на Хантера, который в ответ только пожимает плечами, как будто это лучшее средство защиты, которое у него есть. — Ты мой должник.

— Договорились.

Разложить матрасы на кровати не составляет труда, но мы вознаграждаем себя тем, что лежим на них вместе, пока Изабель просматривает книгу с именами детей, которую Мия купила ей, как только узнала об этом.

— А как же Остин? — спрашивает она, когда я чувствую, что задремал. Я кривлю лицо, глядя на нее.

— Они обе девочки.

Изабель пожимает плечами. — И что? В Остине у нас был первый поцелуй.

Хантер, похоже, на мгновение задумался, прежде чем ответить. — Мне нравится Остин.

— Остин и Феникс.

Эти названия легко слетают с моего языка, вызывая внезапное ощущение чего-то в груди. Как будто приезжаешь в место, где никогда не был, и сразу же чувствуешь себя как дома.

Я знаю, что это не будет реальным, пока они не окажутся здесь. И, возможно, даже тогда это не будет реальным. Я не знаю. Но мысль о том, что я вдруг стану отцом, поражает меня каждый раз, когда я думаю об этом. Я превратился из одного человека в пятерых практически за одну ночь, и я знаю, что они нервничают из-за меня, думая, что я могу в любой момент сойти с ума, потому что это слишком много.

И хотя я не могу обещать, что не сойду с ума, для меня это не слишком много. Это как раз то, что нужно. Это шанс завести семью, как положено, дать им ту жизнь, которой у меня никогда не было. Дать моим детям отца, которого я всегда хотел, и я знаю, что Хантер чувствует то же самое.

Возможно, все началось с извращенного соглашения, но оно привело нас сюда, туда, где мы должны быть.